

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию**

**Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»**

И. А. Шебалин

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
(1917 – начало 1990-х гг.)**

*Утверждено редакционно-издательским советом ОГТИ
в качестве учебного пособия*

Орск 2010

УДК 930.1(09)

ББК 63

Ш 36

Научный редактор

*Алимова Л. Б., доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета Орского гуманитарно-
технологического института*

Рецензенты:

*Иванова Т. Н., кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры экономики и менеджмента;*

*Уметбаева Е. Ю., кандидат филологических наук,
начальник учебного отдела*

*(Орский филиал ГОУ ВПО «Оренбургский
государственный институт менеджмента»)*

Ш 36 Шебалин, И. А. Советская историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.) : учебное пособие / И. А. Шебалин. – Орск : Издательство ОГТИ, 2010. – 203 с. – ISBN 978-5-8424-0489-6.

Учебное пособие «Советская историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.) разработано в соответствии с Государственным стандартом высшего профессионального образования по специальности 032600 – История. Предназначено для студентов исторического факультета. Пособие может использоваться как учебный материал для спецкурсов и дисциплин специализации.

ISBN 978-5-8424-0489-6

© Шебалин И. А., 2010

© Издательство ОГТИ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Условия развития и организация	6
исторической науки в первое десятилетие	6
советской власти (1917-1931 гг.)	6
1.1. Становление марксистского направления	7
в отечественной историографии	7
1.2. Буржуазная историческая наука	13
1.3. Мелкобуржуазная историческая наука	16
2. Изучение проблем отечественной истории	18
в 1917 – начале 1930-х гг.	18
2.1. Разработка проблем докапиталистической эпохи	18
2.2. Проблемы капитализма и империализма в истории россии	21
2.3. Разработка проблем освободительного движения	23
2.4. Изучение советского периода истории россии	26
3. Отечественная историческая наука в 30-е гг.	33
3.1. Историческая наука в условиях сталинского	33
тоталитарного режима	33
3.2. Изучение дореволюционной истории россии	40
3.3. Проблемы истории советского периода	43
4. Историческая наука в годы	48
великой отечественной войны (1941-1945 гг.)	48
4.1. Организационно-структурная перестройка	48
исторической науки	48
4.2. Военно-патриотическая работа историков	50
5. Советская историческая наука	55
во второй половине 40-х – середине 50-х гг.	55
5.1. Условия развития исторической науки и дискуссии	55
послевоенного десятилетия	55
5.2. Изучение проблем дореволюционной отечественной истории	58
5.3. Исследование отечественной истории советского периода	65
6. Историческая наука	73
в середине 50-х – 60-е годы XX в.	73
6.1. Советская историческая наука в эпоху «оттепели»	73
6.2. Изучение истории дореволюционного периода	79
в середине 1950-х – 1960-е гг.	79
6.3. Работы по отечественной истории советского периода	99
7. Историческая наука	110
в конце 60-х – первой половине 80-х гг.	110
7.1. Изменение историографической ситуации	110
7.2. Исследование проблем дореволюционной	114
отечественной истории	114
7.3. Изучение отечественной истории советского периода	127
8. Основные тенденции развития отечественной историографии в середине	
1980 – начале 1990-х гг.	136
8.1. Изменение теоретических основ отечественной	136
исторической науки	136
8.2. Основные проблемы изучения дореволюционной	141
отечественной истории	141
8.3. Советский период в работах историков	151
середины 1980-х – начала 1990-х гг.	151
Программа курса	166
Планы семинарских занятий	186
Примерные вопросы к экзамену	201

ВВЕДЕНИЕ

С точки зрения современных представлений историография представляет собой историю исторической науки, которая определяет и изучает закономерности развития исторического знания на разных этапах, воздействие на него внутренних и внешних факторов, выясняет механизм складывания, утверждения тех или иных исторических концепций. На этой базе анализируется современное состояние исторической науки, делается прогноз ее развития в ближайшем будущем.

Историография как история исторической науки включает в себя изучение:

1) организационной структуры исторической науки, деятельности определенных исторических учреждений, журналов, неформальных объединений историков и т. п.;

2) научных школ, течений и направлений, возникновение и развитие которых обусловлено единством основных взглядов той или иной группы историков, общностью или преемственностью принципов и методов их работы;

3) истории жизни и деятельности отдельных ученых, трудам которых историческая наука обязана своим становлением, развитием и изучением всех ее проблем и аспектов;

4) отдельных этапов развития науки с выделением наиболее важных и характерных компонентов, взятых во взаимосвязи и взаимозависимости.

Представляется целесообразным подходить к советской историографии как к *феномену*, который нужно изучать «в двух разных, хотя и взаимосвязанных измерениях: первое – место, роль и основные функции исторической науки в советском обществе; второе – внутренняя жизнь и состояние самой науки, ее структура, правила, предпочтения, тематика, методики, стиль» (Советская историография. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т., 1996. – С. 9.).

При составлении учебного пособия использовался опыт имеющихся работ, написанных в постсоветский период. В большинстве из них применяется универсальная внутренняя структура глав и периодов. Она включает, как правило, следующие компоненты:

- условия развития и организационные изменения исторической науки в соответствующий период;
- изучение проблем дореволюционной отечественной истории;
- достижения в исследовании истории советского периода.

Особое внимание в пособии уделяется дискуссиям в исторической науке и характеристике фундаментальных работ: монографий, многотомников, а также новых учебников. Это дает возможность заострить внимание на тех проблемах, которые были в центре внимания дореволюционной историографии: образование древнерусского и Московского централизованного государства, феодализация русского общества, опричнина Ивана Грозного, реформы Петра I, формирование абсолютизма, внешняя политика России и т. д.

При использовании лекционного курса нужно иметь в виду, что изложенный материал не может дать исчерпывающих знаний по курсу, а лишь закладывает фактологическую основу, которая нуждается в постоянном обновлении и переосмыслении в связи с развитием историографии как научной дисциплины.

1. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917-1931 гг.)

Развитие отечественной исторической науки в первое десятилетие советской власти можно условно разделить на два этапа, соглашаясь в принципе с периодизацией, предложенной зарубежными историками С. Томпкинсом и А. Мазуром. *Первый этап* охватывает годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1917-1920 гг.) и характеризуется практическим отсутствием серьезных исследовательских работ и свертыванием большинства научных изысканий. *Второй этап* ограничен периодом НЭПа (1920-1928 гг.) и приурочен к началу ожесточенной полемики историков оформляющегося марксистского направления с исследователями старой школы, которых принято называть буржуазными и мелкобуржуазными. *Третий этап* внутри первого периода истории отечественной науки в советское время датируется 1928-1931 гг. Он связан с окончательным разгромом немарксистской историографии в России, достаточно четко наметившимся кризисом марксистского понимания истории и началом процесса унификации исторического знания.

В 1920-е гг. организационная структура отечественной исторической науки была представлена двумя группами учреждений:

1) центры нового типа: Социалистическая (Коммунистическая) академия, Институт Красной профессуры (ИКП), Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Институт Ленина, Музей революции, созданные Коммунистической партией для реализации партийных задач, марксистские по характеру;

2) центры старого типа, сложившиеся до 1917 г. (университеты, Археологическая комиссия, Исторический музей, Историческое общество, гуманитарные институты Академии наук) или в первые годы советской власти (ГАИМК, Институт истории РАНИОН). Они были автономны по своим целям и задачам и свободны от марксистского влияния в выборе тематики исследований.

1.1. Становление марксистского направления в отечественной историографии

В марксистской историографии первого десятилетия советской власти складывалась довольно сложная обстановка, обусловленная множественностью интерпретаций марксизма. Первое его осмысление применительно к российской действительности принадлежит В. И. Ленину, которого по праву считают основоположником советской исторической науки. Он не был профессиональным историком, но многие его труды историчны. В ряде случаев им были высказаны оценки явлений истории, ставшие на многие годы основой для изысканий марксистских историков.

Ленинские взгляды на историю России включили в себя немногочисленные оценки феодального периода истории и более или менее разработанную схему истории XIX – начала XX в.

Из проблем дооктябрьской истории России В. И. Ленин наибольшее внимание уделял империализму. Именно им был сделан вывод о наличии в России государственно-монополистического капитализма, который является «полнейшей *материальной* подготовкой социализма».

Детально разработал В. И. Ленин историю возникновения и развития РСДРП(б). Им была высказана мысль о полувековых поисках передового учения в России. Возникновение большевизма как течения политической мысли и как политической партии он датировал 1903 г. История партии рассматривалась им в единстве с историей рабочего движения. Ленин углубил мысль о месте и значении первой русской революции, указав, что «...без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна». Им же была развита мысль о Декабрьском вооруженном восстании 1905 г. как высшем пункте развития революции.

В. И. Ленин стал основным историком первых лет диктатуры пролетариата, предложив собственную трехэтапную периодизацию

событий. Он выделил период с 25 октября 1917 г. по 5 января 1918 г. как время довершения буржуазно-демократической революции, а главное – время упрочения советской власти. В качестве второго этапа В. И. Ленин выделил *Брестский мир*, затем – этап гражданской войны от чехословаков и «учредительцев» до Врангеля (1918-1920 гг.) и, наконец, этап перехода к мирному строительству в 1921 г.

Ленинская концепция истории России явилась исходным пунктом последующих построений марксистских историков и обществоведов, которые стали предлагать свою интерпретацию не только марксизма, но и ленинизма. При этом широкое развитие получило цитатничество, допускалось использование высказываний В. И. Ленина, относящихся к истории одной эпохи, для характеристики другой. Историки не всегда проводили грань между мыслями, обусловленными генеральной направленностью того или иного сочинения, и идеями «случайными», которые также возводились в ранг абсолютной истины.

Следом за В. И. Лениным свое толкование истории России предложил Л. Д. Троцкий. По мнению его биографа И. Дойчера, «исторические сочинения Троцкого диалектичны до такой степени, что в марксизме подобного не видывали со времен Маркса, от которого Троцкий заимствовал свой метод и стиль» (Дойчер, И. Троцкий в изгнании / И. Дойчер. – М., 1991. – С. 275). Он же считает, что Троцкий – единственный гениальный историк среди марксистов.

Основное внимание при разработке собственной концепции Л. Д. Троцкий уделил особенностям исторического развития России. По его мнению, вынужденная развиваться под экономическим и военным давлением Запада, Россия не могла пройти через все фазы «классического» цикла западноевропейского прогресса. Она не могла провести собственную реформу или буржуазную революцию под руководством буржуазии. Отсталость страны заставляла ее стремительно продвигаться политически к уровню, достигнутому Западной Европой, и за ним – к социалистической революции. Слабая русская

буржуазия была неспособна сбросить с себя бремя полуфеодального абсолютизма, но в тандеме с рабочим классом, поддержанным мятежным крестьянством, она стала революционной силой. Рабочий класс не мог удовлетвориться установлением буржуазной демократии и стал бороться за реализацию социалистической программы. Таким образом, в силу «закона комбинированного развития» крайняя отсталость имела тенденцию соединиться с крайним прогрессом, что и привело к взрыву 1917 г.

Особую роль Л. Д. Троцкий отводил роли личности в истории. Его детерминистский взгляд на исторический процесс позволил относиться ему к политическим противникам не свысока, а объективно. Он, как правило, не квалифицировал врагов большевизма как коррумпированных и гнусных людей. Примером может служить историческая характеристика, данная Николаю II: «Николай II унаследовал от своих предков не только гигантскую империю, но и революцию. Они не оставили ему в наследство ни одного качества, которое дало бы ему возможность управлять империей, губернией или даже уездом. Историческому паводку, каждый вал которого подкатывался все ближе к воротам его дворца, наследник Романов противопоставлял лишь немое безразличие».

Историческая концепция Л. Д. Троцкого была подвергнута резкой критике и не породила направления в исторических исследованиях. Однако ее воздействие на историографическую ситуацию 20-х гг. несомненно. Оно проявилось хотя бы в том, что возникла целая школа историков и обществоведов, которая специализировалась на критике работ Л. Д. Троцкого и борьбе с троцкизмом.

Свою интерпретацию истории России на базе марксизма в 20-е гг. предложил М. Н. Покровский. Относительно его роли и места в развитии исторической науки существует несколько точек зрения, среди которых можно выделить две диаметрально противоположные. *Первая* сводится к его характеристике как существенного видного ис-

торика-большевика 20-30-х гг., обладающего безграничной, диктаторской властью над исторической наукой и ответственного за преследования буржуазных историков. М. Н. Покровскому приписывается, по сути дела, незавидная роль «передаточного рычага» между партийно-государственной машиной и сферой исторической науки. *Второе* мнение апологетическое.

М. Н. Покровский был последним историком, пытавшимся осмыслить историю России в целом. Однако, с профессиональной точки зрения, предложенная им концепция достаточно уязвима, так как при ее создании автор выступал как компилятор, а не исследователь.

В концентрированном виде концепция М. Н. Покровского была изложена в «Русской истории в самом сжатом очерке», первые две части которой увидели свет в 1920-е гг. и были высоко оценены В. И. Лениным. Историческая схема М. П. Покровского проникнута пафосом отрицания теории надклассового государства и исключительности пути России. Считается, что ему принадлежит фраза: «История – это политика, опрокинутая в прошлое». И хотя авторство отрицается рядом исследователей, однако оно несомненно. В трудах М. Н. Покровского мы находим подобную характеристику работ буржуазных историков. А его многочисленные ученики уже при жизни учителя и без возражений с его стороны использовали эту мысль для описания исторической науки в целом, что позволяет считать ее заостренной формулировкой взглядов самого М. Н. Покровского. Кроме того, М. Н. Покровский, выступая 8 декабря 1930 г. на партийном собрании Института истории Комкадемии, заявил: «Борьба на историческом фронте есть борьба за генеральную линию партии. Положение «история – политика, обращенная в прошлое» означает собой, что всякая историческая схема есть звено, цепочка для нападения на генеральную линию партии. Существует самая тесная связь между борьбой за генеральную линию партии и борьбой на историче-

ском фронте. Их нельзя разрывать. Трудно себе представить такую вероятность, что сторонник генеральной линии партии является ревизионистом в исторических работах. История ... не есть самодовлеющая задача, история – величайшее орудие политической борьбы; другого смысла история не имеет» (Артизов, А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы / А. Н. Артизов // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 106). По сути дела, М. Н. Покровский призывал к прямому подчинению исторических исследований требованиям партии. Попытки критики М. Н. Покровского предпринимались еще в 20-е гг. (А. Н. Слепков, С. Г. Томсинский, В. Н. Рахметов), однако в условиях незыблемого авторитета ученого как руководителя советской исторической науки они не получили развития.

Организационное оформление марксистского сектора российской историографии связано с возникновением исследовательских учреждений и учебных заведений нового типа. Среди них – Социалистическая академия общественных наук (1918 г.), Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1921-1922 гг.), Истпарт (1920 г.) и т. д. Наибольший интерес представляют Институты Красной профессуры, деятельность которых была наиболее плодотворной в научном плане.

Идея создания специального центра для подготовки марксистских кадров обществоведов и историков была выдвинута на 1-м совещании по народному образованию (декабрь 1920 – январь 1921 г.) и нашла воплощение в декрете СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. На его основании в Москве и Петрограде и были созданы Институты Красной профессуры, в которых сложился новый тип учебного заведения при сочетании теоретико-методологической подготовки и проработки отдельных тем в рамках научно-исследовательских семинаров по истории. Ядро педагогических коллективов составляли старые большевики и первые ученые-марксисты (В. В. Адоратский, В. П. Волгин, В. И. Невский, М. Н. Покровский, Е. М. Ярославский и др.). Часто приглашались видные партийные руководители (Н. И. Бу-

харин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев). Основным принципом подбора слушателей ИКП была политика пролетаризации, ставшая причиной глубокого кризиса организаций на рубеже 20-30-х гг. У большинства выпускников отсутствовали прочные систематические знания по истории, многие усвоили лишь общесоциологические формулировки. ИКП выступили инициаторами дискуссий о Советах в революции 1905-1907 гг., о характере финансового капитала в России и о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и так далее, однако точки зрения немарксистски настроенных историков в их ходе априорно отвергались и расценивались как идеологически вредные.

Сформированные большевиками в 20-е гг. исторические учебные заведения наряду со способными и нестандартно мыслящими историками выпустили значительный отряд малокомпетентных в профессиональном отношении людей, которые оказали негативное воздействие на последующее развитие исторической науки в стране. Именно ими был привнесен дух воинствующего догматизма и интеллектуальной нетерпимости.

К концу 20-х гг. на фоне меняющейся общественно-политической ситуации в марксистском секторе российской историографии сложилась достаточно негативная ситуация, которая характеризовалась изоляцией от лучших достижений немарксистского обществоведения. Наметились тяга к отвлеченному схоластическому теоретизированию, подмена интеллектуальной аргументации обвинениями идеологического порядка. Начался процесс унификации и догматизации марксистской исторической науки. В среде историков-марксистов стали раздаваться требования «чистоты марксизма-ленинизма», «идейной выдержанности». Складыванию подобной ситуации способствовала борьба за лидерство между группировавшимися вокруг М. Н. Покровского и Е. М. Ярославского историками.

1.2. Буржуазная историческая наука

Российская буржуазная историческая наука в массе своей негативно встретила установление диктатуры пролетариата. Уже в ноябре 1917 г. один из крупнейших ее представителей, академик А. С. Лаппо-Данилевский обратился с воззванием, в котором говорилось о «великом бедствии», постигшем Россию, о непризнании советской власти и необходимости поддержки Учредительного собрания. С антибольшевистскими заявлениями выступила профессура Московского, Казанского, Харьковского и других университетов.

Октябрьская революция привела к массовому выезду из России цвета буржуазной исторической науки. Уже в 1917 г. страну покинули профессор Томского университета С. О. Гессен (1887-1950) и будущий профессор Гарварда М. М. Карпович (1888-1959). В 1918 г. Советскую Россию покинули преподаватель Петроградского политехнического института П. А. Остроухов (1885-1965), известный исследователь античности, в будущем профессор Йельского университета М. П. Ростовцев (1870-1952). В 1919 г. выехали киевский профессор Д. И. Дорошенко (1882-1951), исследователь истории церкви, бывший министр Временного правительства А. В. Карташев (1875-1960). Резко увеличился потолок эмигрантов в 1920 г. (Н. Н. Алексеев, Н. А. Баумгартен, Г. В. Вернадский, И. Н. Голенищев-Кутузов, К. И. Зайцев, В. В. Зеньковский, М. В. Зызыкин, Е. П. Ковалевский, Н. П. Кондаков, П. Н. Милюков, А. Л. Погодин, М. Г. Попруженко, В. А. Розов, А. В. Соловьев, Г. В. Флоровский и др.).

В какой-то мере этапным событием в складывании российской исторической школы за рубежом был так называемый «философский пароход». Сообщение о готовящейся высылке буржуазных ученых появилось в «Правде» 31 августа 1922 г. Однако еще до этого в Москве, Петрограде, Киеве и других местах были проведены аресты. Кандидатуры на высылку намечались В. И. Лениным. Общее число

высланных по одним данным составило 50-60 человек, по другим – 300. Среди них ученые-историки: профессор Московского университета А. А. Кизеветтер (1866-1933), профессор Новороссийского университета А. В. Флоровский (1884-1968), профессор Петроградского университета и Александровского лицея В. А. Мякотин (1867-1937) и др. Одновременно были высланы яркие представители философской мысли – И. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Ф. А. Степун, Б. П. Вышеславцев, П. И. Лапшин, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, А. С. Изгоев, С. Н. Трубецкой – ученые, труды которых в значительной степени лежали в основе методологии отечественной исторической науки.

Характеризуя эмиграцию, известный историк барон В. Э. Нольде писал: «С библейских времен не бывало такого Грандиозного «исхода» граждан страны в чужие пределы. Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшихся вокруг опрокинутого жизнью мертвого принципа, ушел весь цвет страны, все те, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью, какие бы стороны этой жизни мы ни брали. Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России...» (Мухачев, Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР / Ю. В. Мухачев. – М., 1982. – С. 42-43).

Таким образом, в начале 20-х гг. за пределами России оказалась большая группа историков и обществоведов, составлявших цвет отечественной исторической науки. Они продолжили разработку интересующих их проблем и тем самым заложили основы будущей западно-европейской и американской «русистики» и «советологии».

Помимо историков, покинувших Россию или высланных из нее, существовала значительная группа исследователей, которые попытались приспособиться к марксистской идеологии и социальной практике большевиков. Однако подобная «адаптация» шла чаще всего формально и носила чисто внешний характер. И именно эта группа историков наиболее активно противостояла губительным тенденциям, которые несли в науку марксистские школы, в частности, М. Н. Покровского.

Немарксистская историческая наука в России в 20-е гг. развивалась в чрезвычайно сложных условиях. Со стороны большевистского правительства были предприняты шаги по реорганизации ее традиционных центров. Фактически было ликвидировано университетское историческое образование, и вместо исторических факультетов в университетах были созданы факультеты общественных наук. В 1921 г. СНК принял декрет, установивший обязательный минимум преподаваемых здесь предметов: 1) развитие общественных форм; 2) исторический материализм; 3) пролетарская революция; 4) политический строй РСФСР; 5) организация производства и распределения в РСФСР; 6) план электрификации РСФСР. Не менее тяжелая обстановка сложилась в Академии наук, историческое отделение которой начало сотрудничать с новой властью, лишь спасая исторические архивы и библиотеки. При этом историки руководствовались мыслью академика С. Ф. Платонова о необходимости служения народу и России.

Ученые-немарксисты довольно часто вступали в полемику с начинающей господствовать марксистской историографией. Тот же С. Ф. Платонов обратился к изучению петровского времени и характеризовал Петра I как «неподкупного и сурово-честного работника на пользу общую». Тем самым он противопоставлял свою оценку официальной, представляющей императора в виде «грязного и больного пьяницы, лишённого здравого смысла и чуждого всяких приличий».

К концу 20-х гг. наметилось явное ужесточение политики правительства по отношению к буржуазным историкам. Своего апофеоза оно достигло в ходе «дела историков». Поводом к нему послужило обнаружение в библиотеке АН подлинных экземпляров манифестов об отречении Николая II и его брата Михаила. В 1930 г. был арестован академик С. Ф. Платонов, следом его друзья и ученики: А. И. Заозерский, А. И. Андреев, С. В. Рождественский. Вскоре за ними последовали профессора Б. А. Романов, В. Г. Дружинин, П. Г. Васенко, М. Ф. Приселков, академики Е. В. Тарле и Н. П. Лихачев. Позднее

были арестованы академик М. К. Любавский, члены-корреспонденты АН Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров, А. И. Яковлев, профессора С. В. Бахрушин, В. И. Пичета и др. Всего по «делу историков» проходило 115 человек.

Несмотря на «мягкий» приговор, именно «дело историков» ознаменовало собой фактический разгром и ликвидацию буржуазного направления в исторической науке России.

В 1930 г. состоялась дискуссия на тему «Буржуазные историки Запада в СССР», в ходе которой в качестве объектов жесткой критики были избраны Е. В. Тарле, Н. И. Кареев и В. П. Бузескул. Причем последние были людьми преклонного возраста и не пережили организованной травли (в 1931 г. они умерли).

1.3. Мелкобуржуазная историческая наука

Мелкобуржуазная историография 20-х гг. представлена небольшим количеством работ авторов, примыкавших либо к меньшевикам, либо к эсерам (Н. А. Рожков, Р. В. Иванов-Разумник, А. Попов и др.). Уже в первых сборниках статей 1918-1919 гг. («Большевики у власти. Социально-экономические итоги Октябрьского переворота», «Год русской революции», «Из недавнего прошлого») четко просматривался антибольшевистский настрой данного направления отечественной историографии. Большевиков обвиняли в разрушении российской государственности, голоде и разрухе, разложении армии и т. д.

Наиболее крупным представителем мелкобуржуазной историографии 20-х гг. был профессор Петроградского университета Н. А. Рожков, опубликовавший в это время свой итоговый труд «Русская история в сравнительно-историческом освещении (опыт социальной динамики)» (т. 1-12). В нем была предложена концепция истории России, сводимая к ряду этапов. Фактически русская история у Н. А. Рожкова начинается с VI в. – с расселения русских племен в Приднепровье, в верховьях Волги и Оки и в бассейне Волхова. Даль-

нейшая периодизация связана с выделением следующих хронологических разделов: VI-IX вв. – древнейшая Русь, состояние варварства; X-XII вв. – феодальная революция; XIII – середина XVI в. – феодализм (с середины XIV в. – падение феодализма); с середины XVI в. до 1725. г. – дворянская революция; 1725-1825 гг. – господство дворянства; 1825-1860 гг. – буржуазная революция; 1861-1905 гг. – производственный капитализм; 1905-1917 гг. – революция в России.

Для представителей мелкобуржуазного направления в отечественной исторической науке (Р. В. Иванов-Разумник) характерен интерес к истории российской общественной мысли, которая должна была базироваться на теории борьбы индивидуализма с мещанством.

Список источников и литературы

1. Алаторцева, А. И. Советская историческая периодика 1917 – середина 1930-х годов / А. И. Алаторцева. – М. : Наука, 1989.
2. Артизов, А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы / А. Н. Артизов // История СССР. – 1991. – № 1.
3. Брачев, В. С. Сергей Федорович Платонов / В. С. Брачев // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 111-128.
4. Дойчер, И. Троцкий в изгнании / И. Дойчер. – М. : Политиздат, 1991.
5. Историческая наука в 20-30-е гг. // История и историки. – М., 1990.
6. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 32-41 / В. И. Ленин.
7. Мухачев, Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР / Ю. В. Мухачев. – М., 1982.
8. Соловей, В. Д. Процесс становления советской исторической науки (1917 – середина 30-х гг.) в освещении американской и английской историографии / В. Д. Соловей // История СССР. – 1988. – № 4.

2. ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В 1917 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

2.1. Разработка проблем докапиталистической эпохи

Изучение социально-экономической и политической истории России в докапиталистическую эпоху (до 1861 г.) в 20-е гг. связано, в первую очередь, с достижениями и работами историков-немарксистов, в центре внимания которых оказались вопросы истории России переломных эпох, что было обусловлено в значительной степени стремлением разобраться в происходящем вокруг, найти исторические аналоги.

Среди разрабатываемых проблем – *история «смутного времени»*, к обобщению которой обратились Ю. В. Готье и С. Ф. Платонов. Исходными событиями, с которых началась «смута», Ю. В. Готье в своей работе «Смутное время: Очерк истории революционных движений начала XVII столетия» считал «чрезмерное напряжение сил государства, нарастающее недовольство в народных массах, раскол в правящих кругах, борьбу между царями...» (М., 1921). Он в значительной степени разделял сложившуюся, ставшую традиционной схему: смуту начали «верхи» – бояре, а поддержали «низы». В этих условиях государственный организм был вынужден «обороняться». Общий вывод рассуждений Ю. В. Готье можно свести к высказанному им положению: «Анархические низы, подавленные, замолчали на целых полвека, что помогло московскому государственному строю укрепиться на очень долгое время» (Указ. соч. С. 144).

С. Ф. Платонов в 1921 г. издал свою монографию о Борисе Годунове, в 1923 г. – книгу об Иване IV Грозном и исследование «Смутное время». В них автор популяризировал высказанную ранее идею о том, что в «смуте» было уничтожено боярство и потерпело поражение казачество. «Верхи» и «низы» московского общества проиграли, а выиграли средние слои – служилый люд и тяглые посадских

общин. Закономерным продолжением разработки истории XVII в. С. Ф. Платоновым явилась монография «Москва и Запад в XVI – XVII веках» (1925 г.), центральная идея которой заключалась в положении о «расцвете пышным цветом» иностранного элемента в Москве к концу XVII в.

К эпохе Петра I в 20-е гг. обратились С. Ф. Платонов и М. М. Богословский. Причем в этом обращении содержался скрытый вызов марксистской историографии, которая взяла курс на разоблачение царственных особ только что свергнутой династии. Не случайно книга С. Ф. Платонова о Петре I была запрещена цензурой и ее автор был вынужден апеллировать к президиуму Академии наук. Труд увидел свет лишь в 1926 г.

С. Ф. Платонов, анализируя петровскую эпоху, сделал вывод о том, что деяния Петра I «были на благо всего народа». Кроме того, в его работах содержался ряд интересных наблюдений. Например, он установил социальный состав англичан, осуществлявших деятельность в Русском государстве, а также нашел документальное подтверждение факта подкупа Екатериной I в день смерти Петра I гвардейцев Преображенского и Семеновского полков.

М. М. Богословский исследовал петровские преобразования более фундаментально, причем представляется интересным подход к теме – анализ через личность преобразователя. В 1925 г. в предисловии к своей работе «Петр I» он писал: «Есть особая прелесть в том, чтобы следить за жизнью исторического деятеля, переживать ее вместе с ним, как бы воскрешая его. Есть не меньшая прелесть в том, чтобы, наблюдая эту отдельную жизнь, изучать и восстанавливать ту историческую обстановку, то есть те события и тот быт, среди которых эта жизнь протекала, с одной стороны, оказывая на них свое и в настоящем случае могущественное воздействие, с другой – в большей или меньшей мере испытывая на себе их влияние» (Богословский, М.

М. Петр I. Материалы для биографии / М. М. Богословский. – М., 1940. – С. 10).

Нельзя утверждать, что историки-немарксисты не учитывали достижений марксизма. Ряд из них явственно эволюционировал в сторону последнего. Примером может служить профессор Саратовского университета С. В. Юшков. В работах 20-х гг. он, первоначально исходивший из схемы В. О. Ключевского о торговом характере Руси IX – XI вв., сделал вывод о феодальном характере социальных отношений Древней Руси. Наметился его отход и от немарксистских оценок различных категорий сельского населения.

Марксистское направление отечественной историографии 20-х гг. смогло противопоставить работам историков-немарксистов лишь концепцию М. Н. Покровского о «торговом капитале» как двигателе российской истории. Определяющее значение торговли он усмотрел еще в Киевской Руси, где князья были «предводителями шаек работорговцев». Образование Московского государства он связывал с развитием городов как торгово-промышленных центров и упрочением торговых связей. В опричнине М. Н. Покровский увидел борьбу торгового капитала в союзе с дворянством против феодалов-бояр. Разинское движение он связывал с развитием торгового капитализма, а восстание Е. Пугачева объяснял «первым расцветом русской хлебной торговли». В XVIII в. в России, по мнению М. П. Покровского, появились ростки промышленного капитализма, но и торговый капитал продолжал развиваться и полного своего расцвета достиг как раз во второй половине XIX столетия. Крестьянские реформы 60-х гг. XIX в. в трактовке историка были осуществлены лишь благодаря совпадению интересов промышленного и торгового капиталов.

Через всю историю России М. Н. Покровский попытался провести идею классовой борьбы, причем в ряде случаев строил явно надуманные концепции, искажал факты и т. д. Например, Лжедмитрий I изображался им как царь, пошедший против богатых помещи-

ков и капиталистов, а Лжедмитрий II – как «казацко-крестьянский царь».

В 1925 г. марксистская историография попыталась широко отметить 150-летие *восстания Е. Пугачева*, дав ему принципиальную оценку. В концентрированном виде эта оценка представлена в статье Г. Е. Меерсона, который считал «пугачевщину» ранней буржуазной революцией, вызванной столкновением двух типов первоначального капиталистического накопления: монополистического, связанного с царизмом, и свободного от монополии торгово-капиталистического – на окраинах. Подавление восстания автор объяснял поражением американского пути капиталистического развития сельского хозяйства. Естественно, что подобные абстрактно-схоластические настроения в духе концепции М. Н. Покровского не встретили серьезного отношения в среде историков-профессионалов. И все же юбилей сыграл свою положительную роль: по поручению Центрархива С. А. Голубцов подготовил и издал трехтомное собрание документов «Пугачевщина» (М., 1926-1931), в котором впервые были опубликованы манифесты и указы Е. Пугачева и иные документы, связанные с восстанием.

Отечественная историография достаточно быстро усвоила концепцию феодализма М. Н. Покровского и его учеников, и немалую роль здесь сыграли труды историков немарксистов 20-х гг., которые полемизировали с вульгарной трактовкой истории России.

2.2. Проблемы капитализма и империализма в истории России

Если в изучении истории феодальной России преобладали труды исследователей-немарксистов, то анализ проблем капитализма и империализма в 20-е гг. является несомненным достижением марксистского направления отечественной историографии. Разработка вопросов империализма в данной тематике занимала центральное место и осуществлялась в ходе полемики представителей двух концепций:

1. «Денационализаторская», предложенная в работах П. Н. Ванага и С. Л. Роняна, признававших наличие в России накануне первой мировой войны системы иностранного финансового капитала, подчинившего себе русские коммерческие банки и через них русскую промышленность. Логическое завершение она получила у Л. Н. Крицмана, утверждавшего, что системы русского финансового капитализма не существовало, а в России было лишь расширение сферы эксплуатации иностранного финансового капитала. Иными словами, Россия представлялась страной, находившейся в полуколониальной зависимости от западных держав.

2. «Национализаторская», изложенная в трудах А. Л. Сидорова, И. Ф. Гиндина, Е. Л. Грановского и Г. Ц. Циперовича. Они показали развитие капитализма в России в начале XX в., оперируя данными о промышленном производстве, росте капиталов, образовании монополий, сращивании банковского и промышленного капиталов. Было доказано, что приток иностранных капиталов явился не единственной причиной образования финансового капитала, а особенностью его развития в России.

В 1929 и 1931 гг. были проведены дискуссии по данной проблеме, в ходе которых, пожалуй, впервые были применены в полемике как средство аргументации политические обвинения. Представители «денационализаторской» концепции были охарактеризованы как выразители взглядов антипартийных групп, отрицавших наличие условий в России для победы социализма. В результате этого взгляды П. Н. Ванага, С. Л. Роняна, Л. Н. Крицмана были отвергнуты.

В центре внимания историков-марксистов 20-х гг. находилась также проблема аграрного развития России в конце XIX – начале XX в., при разработке которой им пришлось столкнуться с работами обществоведов и экономистов неонароднического толка (Л. Литовченко, Н. Кондратьев, А. Чаянов, А. Челинцев).

При характеристике развития сельского хозяйства на рубеже веков историки-марксисты во многом сходились, хотя и существовали некоторые акценты в оценках. Например, С. М. Дубровский и А. В. Шестаков несколько преувеличивали развитие капитализма в аграрном секторе экономики и не показывали степени сохранения полукрепостнических отношений, Ю. Ларин, А. Тюменев склонялись к выводу об успехе столыпинской реформы, видя наибольшие успехи капитализма в помещичьем хозяйстве.

Наибольший интерес представляют работы С. М. Дубровского, которому удалось охватить наиболее значительный круг вопросов по истории России конца XIX – начала XX в. и наиболее глубоко с точки зрения марксизма их проработать. Его основной вывод сводился к тому, что русский капитализм сумел за короткий период занять по своим организационным формам далеко не последнее место.

Заметное внимание отечественная историография уделила внешней политике России начала XX в. Наибольший интерес среди работ по этой тематике вызывают исследования ученых «старой» школы: Б. А. Романова («Россия в Маньчжурии»), детально рассмотревшего дальневосточную политику царизма, и Е. В. Тарле («Европа в эпоху империализма. 1871-1919 г.»). Причем Е. В. Тарле показал агрессивность именно германского империализма накануне первой мировой войны. Глава же марксистского направления в историографии М. Н. Покровский считал, что войну развязала Антанта.

2.3. Разработка проблем освободительного движения

В 20-е гг. в отечественной историографии сформировалось направление, связанное с изучением истории освободительного движения. В 1925 г. отмечалось 100-летие декабристов, в связи с чем было опубликовано более 1 300 различных работ. Среди них – серия исследований саратовского историка С. Н. Чернова о «Союзе благоденствия» (1924-1932 гг.) и работа М. В. Нечкиной «Общество соеди-

ненных славян» (1927 г.). Центрархив принял решение об издании следственных дел декабристов. Была осуществлена публикация шести томов (1926-1931 гг.), увидел свет «Алфавит декабристов».

Следует иметь в виду, что *декабризм* оценивался в 20 е гг. неоднозначно. Старый большевик М. С. Ольминский выступил даже против празднования юбилея, оценивая движение как помещичий заговор. М. Н. Покровский считал северных декабристов «типичной буржуазно-помещичьей группировкой», а членов Общества соединенных славян – революционными демократами. При всем различии в оценках историки-марксисты сходились в одном: они связывали возникновение декабризма с хозяйственной конъюнктурой, что в общем-то было вульгаризацией трактовки сложного общественного явления.

В 1928 г. праздновалось столетие со дня рождения *Н. Г. Чернышевского*, к которому были приурочены издания его «Избранных произведений» и «Дневника». Особую роль в исследовании наследия выдающегося революционера сыграл Ю. М. Стеклов – автор двухтомной книги «Чернышевский. Его жизнь и деятельность». Однако его доклад в Обществе историков-марксистов вызвал дискуссию. Ю. М. Стеклов заявил, что Н. Г. Чернышевский задолго до В. И. Ленина начал пропаганду в России коммунистических идей. Его выступление было достаточно резко одернуто, участники обсуждения оценили Г. Чернышевского как крестьянского революционера и революционного демократа.

В 1929 г. исполнилось 50 лет организации «*Народная воля*», что породило достаточно большое количество публикаций. Б. П. Козьмин подготовил к изданию собрание сочинений одного из идеологов народничества – П. Н. Ткачева, были опубликованы сборники документов о народнических организациях 70-х гг. XIX в. В связи с юбилеем в 1929-1930 гг. прошла дискуссия о «Народной воле», поводом к которой послужило выступление П. Л. Теодоровича, трактовавшего революционных народников как прямых предшественников больше-

виков. Иную позицию занимали М. Н. Покровский и его ученики, считавшие народовольцев буржуазно-либеральным течением. В дискуссию вмешался ЦК ВКП(б), отдел культуры и пропаганды которого опубликовал тезисы о «Народной воле». В них критиковалась недооценка народничества как движения революционно-демократического крестьянства и в то же время осуждалась попытка И. А. Теодоровича «смазать различие между научным и утопическим социализмом».

В 20-е гг. продвинулось вперед научное изучение *российской революции 1905-1907 гг.* и рабочего движения. Появились первые монографические исследования отдельных этапов и проблем революции. Пионером в этой области выступил А. В. Шестаков, опубликовавший в 1925 г. книгу «Октябрьская стачка 1905 г.». Он оценивал стачку как кульминацию революции, что вызвало критику со стороны историков-марксистов. Декабрьскому вооруженному восстанию были посвящены работы Е. Ярославского (1925 г.) и С. Черномордика (П. Ларионова) (1926 г.), крестьянскому движению – А. В. Шестакова и Е. А. Мороховца, Советам – Н. Бабахай, I Государственной думе – А. Слепкова.

Следует отметить, что марксистское направление отечественной историографии исследовало проблемы освободительного движения в острой борьбе с представителями мелкобуржуазной исторической науки, которые не только предлагали свою трактовку, но и претендовали на преимущество в освободительном движении. Наиболее показательна в этом отношении «История русской общественной мысли» Р. В. Иванова-Разумника, который предлагал иную, порой противоположную, трактовку событий. Об А. Герцене, например, он пишет: «Социалистический индивидуализм западничества и этический индивидуализм славянофильства были синтезированы Герценом путем философско-исторического индивидуализма; с этого синтеза и берет свое начало народничество» (Иванов-Разумник, Р. В. История

русской общественной мысли / Р. В. Иванов-Разумник. – Пг., 1918. – Т. 3. – С. 182-183).

К проблематике освободительного движения в историографии 20-х гг. примыкала историко-партийная тематика, разработка которой также велась преимущественно историками-марксистами. Наиболее заметным явлением этого периода была четырехтомная «История ВКП(б)» под редакцией Е. М. Ярославского, охватившая период с 1880 г. до конца гражданской войны. Ее авторами были И. И. Минц, С. А. Пионтковский, К. Ф. Сидоров и др. Основное внимание в ней было уделено роли В. И. Ленина в революционном движении партии.

Параллельно в марксистской историографии существовала «История РКП(б)» Г. Е. Зиновьева, признанная позднее оппортунистической и фальсификаторской. Аналогичные обвинения были предъявлены книгам по истории партии, авторами которых были В. Волосевич и В. Ваганян. К литературе подобного рода были отнесены и книги лидера меньшевиков Л. Мартова «История Российской социал-демократии», «Мировой большевизм», «Записки социал-демократа». По мнению современных исследователей, негативные оценки исторических трудов Л. Мартова неправомерны, поскольку он «обладал исключительным аналитическим даром, способностью к глубоким обобщениям. Кроме того, благодаря своей феноменальной памяти, он был хранителем богатейшего фактического материала, по условиям подполья не отложившегося в архивах» (Савельев, П. Ю. Л. Мартов в советской исторической литературе / П. Ю. Савельев // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 107).

2.4. Изучение советского периода истории России

В историографии освободительного движения и истории партии несомненное первенство принадлежало историкам-марксистам, при оценке же событий Октябрьской революции и гражданской войны

определенный интерес представляет точка зрения представителей всех направлений отечественной исторической науки.

Одними из первых высказались представители буржуазной историографии, причем оценки давались ими в характерных для этого направления исторической мысли формах и специфическими методами. Например, Туган-Барановский, подобно многим представителям профессуры, занял резко отрицательную позицию по отношению к советской власти. В конце 1917-1918 г. он был министром финансов Центральной Рады, в 1919 г. как советник по экономическим вопросам выезжал с делегацией Украинской Директории в Париж. В эти же годы он выпустил ряд книг, в которых дал свою интерпретацию революции. Он подчеркивал ее разрушительный уничтожающий характер.

Во главе революции М. И. Туган-Барановский ставил интеллигенцию, в результате чего политический строй представлялся им как «диктатура социалистической интеллигенции, опирающейся, преимущественно, на городской пролетариат, отчасти же на беднейшее крестьянство» (Туган-Барановский, М. И. В поисках нового мира / М. И. Туган-Барановский. – М., 1919. – С. 116.). Прибегая к социалистической терминологии (сказался опыт бывшего «легального марксиста»), он выступил с ревизией основных положений марксизма, попытался обосновать ее конкретной исторической обстановкой России тех лет.

С интерпретациями буржуазных ученых тесно смыкались начинания меньшевистски и эсеровски настроенных историков и обществоведов. В 1918 г. эсеры издали сборник материалов «Большевики у власти». В нем большевиков обвиняли в разрушении вековой «русской государственности» и культуры, разложении армии, разрухе в народном хозяйстве. Главный вывод сводился к тому, что большевики не имели и не имеют опоры в массах (Большевики у власти. Социально-экономические итоги Октябрьского переворота. – М., 1918. –

С. 5, 10, 12, 70.). В качестве иллюстраций авторы довольно часто приводили данные по Среднему Поволжью, где эсеры пользовались значительным влиянием. Сборник имел ярко выраженную политическую направленность. Он был призван обосновать готовившийся эсеровский переворот.

Одновременно был издан сборник статей членов Учредительного собрания фракции эсеров. При характеристике губерний Среднего Поволжья в нем отмечалось, что борьба здесь отличается «особым ожесточением». Один из авторов сборника – А. Аргунов – расценивал Поволжье как один из возможных очагов «национального воссоединения и объединения» (Аргунов, А. Навстречу врагу / А. Аргунов // Народовластие. – М., 1918. – С. 25).

Мелкобуржуазные авторы отрицают законность, юридическую обоснованность советской власти, в то же время признавая ее силу. Давая анализ политической ситуации в средневожском регионе, Н. В. Святицкий отмечает жизнестойкость диктатуры пролетариата, ее способность в короткий срок организовать здесь крепкий фронт и прочный тыл (Святицкий, Н. В. К истории Всероссийского Учредительного собрания / Н. В. Святицкий. – С. 6). Одновременно он пишет о падении духа «народной армии»: «После сдачи Казани и Симбирска «народной армией» овладела паника. Чехи, вынесшие на своих плечах всю тяжесть летней и осенней кампаний, устали, изнемогли. Народная армия, только еще организованная, плохо обученная и не имевшая опыта, впала в панику после первых же поражений» (Там же. С. 39).

Н. В. Святицкий же, по существу, заложил основы оценок мятежа белочехов в 1918 г. в Среднем Поволжье в немарксистской историографии. Он изображает белочехов «демократами по убеждениям». По его мнению, «чехословацкие войска гордились тем, что они оказывают поддержку народовластию и действуют под знаменем Учредительного собрания» (Святицкий, Н. В. Крах учредилки (главы из книги) / Н. В. Святицкий // Колчаковщина : сб. / под ред. Н. Райвида и

В. Быкова. – Екатеринбург, 1924. – С. 48). Анализируя причины анти-советского выступления чехословацких легионеров, Н. В. Святицкий пишет: «Решаясь на открытую борьбу с Советской властью, чехословаки действовали, несомненно, из высоких патриотических побуждений» (Там же). К их числу они относят стремление таким образом получить от союзников независимость и свободу Чехословакии, а также «существенную помощь Всероссийскому Учредительному собранию» (Там же). Пытаясь вскрыть причины побед большевиков в средневожских губерниях, Н. В. Святицкий приходит к выводу об измене чехословаков делу «российской демократии». По его мнению, уже в сентябре 1918 г. политика чехословаков становится «все более кривообразной и двусмысленной». В конечном счете, они сыграли «крупную роль в поражении демократии на Востоке» (Там же).

Первые работы историков-марксистов по истории Октября и Гражданской войны носили ярко выраженную политическую направленность. В связи с первыми юбилеями революции были изданы работы В. А. Карпинского, В. А. Быстрянского, В. И. Невского и др., в которых кратко излагались события 1917 г. Первая же более или менее обстоятельная книга вышла в 1923 г., ее автором был С. А. Пинотковский. Он попытался всесторонне описать ход революции, проанализировать настроения и действия масс, роль большевистской партии.

Осенью 1924 г. увидела свет статья Л. Д. Троцкого «Уроки Октября», в которой предлагалось несколько отличное от официально-партийного видение событий революции. Работа была осуждена январским (1925 г.) Пленумом ЦК РКП(б), который поставил задачу усилить исследование проблем истории 1917 г.

В середине 20-х гг. был осуществлен переход от преимущественно публицистических работ к серьезным исследованиям по истории Октября. Причем в большинстве работ тех лет господствовала точка зрения о двойственном характере революции. Например,

Л. Крицман в книге «Героический период Великой русской революции» характеризовал события Октября как «совпадение антикапиталистической и антифеодальной революции». Подобная оценка присутствовала и в четырехтомной «Истории ВКП(б)» под редакцией Е. Ярославского.

Особую роль в изучении Октября сыграл Истпарт, издавший к десятилетию революции серию работ, являющихся результатом серьезных изысканий. Наиболее интересной из них была книга А. В. Шестакова «Большевики и крестьянство в революции 1917 года» (1927 г.). Дальнейшее углубление этой тематики привело исследователя к анализу классовой борьбы в деревне Центрально-Черноземной области в эпоху «военного коммунизма».

Сравнительно серьезно Октябрь изучался и на местах. В 1923 г. Тамбовский губернский комитет РКП(б) издал сборник статей и воспоминаний о борьбе с антоновщиной в губернии. Через всю книгу красной нитью проходит мысль о тесных связях антоновцев с партией эсеров, ее лозунгами. Дальнейшее развитие эта тема получила в книге В. Андреева и С. Кулаева, изданной в 1927 г. и отражающей процесс установления советской власти на Тамбовщине.

История гражданской войны стала разрабатываться еще в 1918-1920 гг. Проанализировав литературу тех лет, В. Д. Поликарпов сделал вывод: «Популярные работы по истории гражданской войны создавались в то время, когда еще шла война, при отсутствии научно разработанной ее истории. Это не могло не отразиться на литературе, рассчитанной на широкую читательскую аудиторию. Она сыграла свою роль, дав массе красноармейцев, рабочих и крестьян в главных чертах верную классовую характеристику вооруженной борьбы Советской республики с контрреволюцией. Опыт такой характеристики облегчал переход к научной разработке истории гражданской войны в России, привлекал внимание к методологическим основам ее изучения» (Поликарпов, В. Д. Начальный этап гражданской войны (История изучения) / В. Д. Поликарпов. – М., 1980. – С. 201.).

С середины 20-х гг. начали выходить первые обобщающие работы по истории гражданской войны (С. Венцов, С. Белицкий, Л. Анишев, Н. Какурин, М. Левитов), которые нельзя расценивать равнозначно. Работа С. Венцова и С. Белицкого «Красная гвардия» была первым опытом освещения начального периода военных действий, исследование А. Анишева «Очерки истории гражданской войны 1917-1920 гг.» (М., 1925) явились попыткой дать социально-политический анализ войны, двухтомный труд Н. Какурина «Как сражалась революция» (М.; Д., 1925-1926) освещал ход событий гражданской войны в целом. Особое место в историографии гражданской войны заняли «Записки о гражданской войне» В. А. Антонова-Овсеенко, изданные в 1924-1933 гг. в четырех томах. Важной является оценка самого автора, данная в предисловии к третьему тому: «Это именно рассказ, воспоминания, подкрепленные официальными документами, но отнюдь не историческое исследование» (Антонов-Овсеенко, В. А. Записки о гражданской войне / В. А. Антонов-Овсеенко. – М.; Л., 1932. – Т. 3. – С. 5.).

Список источников и литературы

1. Алаторцева, А. И. Дискуссия о «Народной воле» в советской исторической науке конца 20-х – начала 30-х годов / А. И. Алаторцева // История и историки. – М., 1990. – С. 209-231.
2. Артизов, А. Н. Проблемы отечественной историографии в трудах ученых старой школы в послеоктябрьский период / А. Н. Артизов // История СССР. – 1988. – № 6. – С. 76-91.
3. Бармина, А. В. Пропаганда революционных традиций Великого Октября в историко-биографическом наследии Истпарта / А. В. Бармина // Из истории упрочения и развития социализма в СССР. – М., 1988. – С. 31-44.
4. Вандалковская, М. Г. А. А. Кизеветтер. История и политика в его жизни / М. Г. Вандалковская // История и историки. – М., 1990. – С. 231-258.

5. Деникин, А. И. Очерк русской смуты. В 4 т. / А. И. Деникин. – М. : Наука, 1991. – Т. 1. – 520 с; Т. 2. – 377 с.
6. Какурин, Н. Е. Как сражалась революция. В 2 т. / Н. Е. Какурин. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1990. – Т. 1. – 272 с.; Т. 2. – 431 с.
7. Мажаева, Л. А. История, биография, политика (Некоторые проблемы истории Октября в материалах внутрипартийной дискуссии 1921 г.) / Л. А. Мажаева // Постигая Ленина. – М., 1990. – С. 134-143.
8. Мельгунов, С. П. Осада Зимнего дворца [Вступительная статья Ю. Н. Емельянова] / С. П. Мельгунов // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 109-128.
9. Рафиенко, Е. Н. Историко-революционные музеи и историческая наука в 1920-е гг. / Е. Н. Рафиенко // Музееведение. – М, 1987. – С. 79-103.
10. Соловей, В. Д. Изучение истории Великого Октября в Институте Красной Профессуры. (1920-е – первая половина 30-х гг.) / В. Д. Соловей // Политические и экономические проблемы Великого Октября и гражданской войны. – М., 1988. – С. 51-68.
11. Суханов, И. Н. Записки о революции. В 3 т. / И. Н. Суханов. – М. : Политиздат, 1991-1992. – Т. 1, кн. 1-2. – 383 с; Т. 2, кн. 3-4. – 399 с; Т. 3, кн. 5-7. – 415 с.
12. Троцкий, Л. Д. Сталинская школа фальсификаций: поправки и дополнения к литературе эпигонов / Л. Д. Троцкий. – М. : Наука, 1990. – 333 с.
13. Шамаев, О. Ю. Великий Октябрь в трудах Московского Истпарта / О. Ю. Шамаев // Актуальные проблемы историографии и источниковедения истории Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1989. – С. 73-79.
14. Щербинин, А. И. Дискуссии 20-30-х годов о Советах в годы первой революции / А. И. Щербинин // Некоторые вопросы отечественной истории в советской историографии. – Томск, 1989. – С. 49-58.

3. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В 30-Е ГГ.

3.1. Историческая наука в условиях сталинского тоталитарного режима

В СССР в 30-е гг. сформировалась авторитарно-административная система и одновременно пропагандистско-идеологический режим. Политика стала играть решающую роль в складывании историографической ситуации в стране, а конкретные исследования стали сверяться с историческими взглядами И. В. Сталина, которые все чаще пропагандировались в обществе. Краеугольной в его понимании истории России была мысль об ее отсталости, высказанная в 1931 г. в речи на I Всесоюзной конференции работников промышленности. И. В. Сталин говорил: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную» (Сталин, И. В. Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. – 11-е изд. – М., 1940. – С. 328).

В трактовке И. В. Сталина с образованием Российского централизованного государства была решена задача «обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока», однако «техно-экономическая отсталость» страны существовала и в XVII в., и в XVIII в. Но существовал и Петр I, который, «имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны... Это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости» (Там же. С. 359).

Для И. В. Сталина характерен был четко выраженный прагматизм в оценке исторических личностей. Уже после войны на встрече с постановщиками фильма «Иван Грозный» он далеко не случайно

назвал того же Петра I «Петрухой», заметив, что тот не национален, ибо открыл дверь иностранцам. Логика И. В. Сталина здесь достаточно очевидна – необходимо поскорее отгородиться от «тлетворного влияния» Запада, аналогии петровского «открытого окна» в Европу поэтому не нужны. Особое внимание И. В. Сталин уделял истории партии. В 1931 г. он написал письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», в котором акцентировал внимание на «ошибках» историков Запада, а также авторов четырехтомной «Истории ВКП(б)» под редакцией Е. М. Ярославского. «Проработке» подверглись И. М. Альтер, А. Г. Слуцкий, Д. Я. Кин, Д. А. Баевский, С. А. Пионтковский, И. И. Минц, Н. Н. Эльвов и др. В начале 1937 г. И. В. Сталин обратился с письмом «Об учебнике истории ВКП(б)» к составителям книги по истории партии. «Я думаю, – писал он, – что наши учебники по истории ВКП(б) неудовлетворительны по трем главным причинам. Неудовлетворительны либо потому, что они излагают историю ВКП(б) вне связи с историей страны, либо потому, что ограничиваются рассказом, простым описанием событий и фактов борьбы течений, не давая им необходимого марксистского объяснения, либо же потому, что страдают неправильностью конструкции, неправильностью периодизации событий» (К изучению истории : сб. ст. / И. В. Сталин. – М., 1937. – С. 28).

Сам И. В. Сталин давал весьма своеобразное определение истории партии: «История нашей партии есть история преодоления внутрипартийных противоречий и неуклонного укрепления рядов нашей партии на основе этого преодоления» (Сталин, И. В. Соч. / И. В. Сталин. – Т. 9. – С. 5). Опираясь на него, он разработал свою периодизацию истории ВКП(б):

1) исключил из периодизации дату II съезда РСДРП (1903 г.) и свел его значение к образованию РСДРП и появлению фракций большевиков и меньшевиков. По сути дела, отрицался факт образо-

вания партии нового типа, вопреки утверждению В. И. Ленина о том, что большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 г.;

2) исключил из периодизации ленинский «период подготовки революции», зато включил 1904 г. в «годы революции», добавив к ним и «период русско-японской войны»;

3) продлил период реакции до 1912 г. и связал оформление большевиков в партию с VI Пражской конференцией РСДРП;

4) перенес на два года (с 1910 на 1912) начало периода нового революционного подъема;

5) соединил период империалистической войны с Февральской революцией, сократив продолжительность последней до марта 1917 г.

Позднее в «Кратком курсе истории ВКП(б)» И. В. Сталин писал: «Книга Ленина «Что делать?» была идеологической подготовкой такой партии. Книга «Шаг вперед, два шага назад» была организационной подготовкой такой партии. Книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» была политической подготовкой такой партии. Наконец, книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» была теоретической подготовкой такой партии». Утверждая это, И. В. Сталин фактически свел процесс подготовки партии нового типа к созданию В. И. Лениным четырех названных выше трудов, содержание и значение каждого из которых он сузил до единственного аспекта.

Послеоктябрьская периодизация истории партии, предложенная И. В. Сталиным, базировалась на фетишизации партийных директив и выступлений вождей. Она исключала НЭП, зато выделяла период «борьбы за индустриализацию» (1926-1929 гг.), относящийся ко времени, когда она фактически не велась, период «борьбы за коллективизацию» (1930-1934 гг.) и, наконец, период «завершения социалистического строительства» (1935-1937 гг.).

По мнению многих историков, предложенная Сталиным периодизация создавала миф о нем как руководителе партии большевиков с момента ее образования.

Процесс политизации истории как науки сопровождался произволом и насильственными методами воздействия. И. В. Сталин и его окружение не могли не раздражать независимые исторические школы, проявлявшие уважение к отечественным научным традициям.

В этом плане весьма примечательна жизнь академика Е. В. Тарле. После возвращения из ссылки его перестали именовать академиком и практически не печатали. О нем заговорили после выхода в свет монографии «Наполеон», которая в «Правде» и «Известиях» была оценена негативно. Однако книга понравилась И. В. Сталину, и на следующий день в газетах появилась заметка «От редакции», которая взяла под защиту ученого. В марте 1937 г. с Е. В. Тарле была снята судимость, и он вновь был объявлен академиком. В 1937-1939 гг. появились его новые труды: «Жерминаль и прериаль», «Нашествие Наполеона на Россию», «Талейран». Е. В. Тарле в канун войны был дважды пожалован Сталинскими премиями.

По-иному сложилась судьба Ю. В. Готье, работу которого «Железный век в Восточной Европе» журнал «Историк-марксист» квалифицировал как «идеологическую подготовку интервенции против СССР». В 1934 г. он вернулся из ссылки, и долгое время считалось, что ничего оригинального не создал. Лишь относительно недавно выяснилось, что он писал дневник, содержащий порой резкие, но в принципе верные оценки тогдашней действительности.

Наступление сталинизма на историческую науку имело широкие географические рамки. В 1930 г. на Украине состоялось судилище по делу мнимой организации «Союза вызволения Украины» (СВУ), в которую якобы входили многие учёные во главе с историком М. С. Грушевским. Лидерам СВУ инкриминировалось раздувание буржуазного национализма, внедрение чуждой культуры. В 1931 г.

аресты возобновились, было объявлено о деятельности некоего «Украинского национального центра». М. С. Грушевский, имя которого склонялось и в связи с этим процессом, был отправлен в ссылку, а его книга «История Руси – Украины» запрещена.

После письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская Революция» начался разгром историко-партийной науки. В массовом порядке из научных центров страны стали изгоняться историки, попадавшие под уничтожающий огонь критики. В 1936 г. был расстрелян декан исторического факультета МГУ профессор Г. С. Фридлянд, который, как было заявлено, использовал научную деятельность «для контрабандистского протаскивания идей, враждебных ленинизму». В резолюции общего собрания ячейки истории партии ИКП «Об итогах обсуждения письма тов. Сталина» (декабрь 1931 г.) было записано: «В ходе обсуждения вскрыт ряд новых антипартийных контрабандистских вылазок и развернуто беспощадное большевистское разоблачение выявленных троцкистских контрабандистов (Миронов, Альтер) и иных фальсификаторов истории нашей партии (Юдовский, Горин, Ванаг, Бантке и др.) Обсуждение показало нежелание историков-коммунистов до конца вскрыть и по-большевистски признать свои крупнейшие ошибки политического и исторического характера (Кин, Баевский, Минц, Лукин и др.)» (Куманев, В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции / В. А. Куманев. – М., 1991. – С. 86.). Восемь из десяти названных выше историков были репрессированы и погибли. Жертвами террора стали крупные ученые: историк-публицист Ю. М. Стеклов, историки партии В. Г. Кнорин и В. Г. Сорин, директор Института истории АН СССР академик Н. М. Лукин, директор Библиотеки им. В. И. Ленина В. И. Невский и др.

Письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» положило конец борьбе между школой М. Н. Покровского и группой Е. М. Ярославского за гегемонию на «историческом фронте». В октябре 1931 г. Е. М. Ярославский отправил покаянное письмо

И. В. Сталину, в котором униженно писал: «Тов. Сталин, укажите мне тот «ряд ошибок принципиального и исторического характера», о которых Вы говорите в конце Вашего письма». И. В. Сталин указал на «ошибки», а Е. М. Ярославский начал их исправлять, приступив к фальсификации истории.

С января 1936 г. началась развернутая критическая кампания против М. Н. Покровского и его учеников, а через год были подготовлены изданные позднее сборники под названием «Против исторической концепции М. Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» (1939 г.). Свое отношение к недавнему руководителю исторической науки выразили представители старой школы Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. И. Пичета, С. В. Юшков, их последователи – Н. М. Дружинин, К. В. Базилевич, Б. Б. Кафенгауз, а также ученики М. Н. Покровского – А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, А. Л. Сидоров и др. К концу 30-х гг. «разгромленная» школа М. Н. Покровского именовалась уже как «банда шпионов и диверсантов, агентов и лазутчиков мирового империализма, заговорщиков и убийц».

Репрессии 30-х гг. нанесли непоправимый ущерб отечественной исторической науке и способствовали завершению процесса унификации исторического знания. Немало этому содействовали постановления партии и правительства по вопросам развития исторической науки и преподавания истории в вузах и школе и организационная перестройка исторических учреждений.

В январе – марте 1934 г. Наркомпрос РСФСР провел два совещания ученых и преподавателей истории, которые высказались за реорганизацию преподавания истории в школах и улучшение подготовки кадров преподавателей. На основе этих решений стали готовиться постановления партии и правительства. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (16 мая 1934 г.) указывалось, что главным недостатком совет-

ской исторической науки являлась подмена изложения конкретного хода истории абстрактными социологическими схемами. 9 июня 1934 г. ЦК ВКП(б) принял решение о введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР. Были созданы авторские коллективы по подготовке учебников истории для средней школы. К концу лета 1934 г. был подготовлен конспект учебника по истории СССР, на который А. А. Жданов, С. М. Киров и И. В. Сталин написали «Замечания». Их текст был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б). Главные недостатки конспекта, по мнению авторов «Замечаний», заключались в том, что он представлял собой «конспект русской истории, а не истории СССР, то есть истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР». Работа над учебниками затянулась, поэтому 26 января 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли новое постановление «Об учебниках по истории». Была создана комиссия под председательством А. А. Жданова, получившая право организовать группы по пересмотру уже подготовленных учебников.

В совокупности комплекс партийных и правительственных документов 1934-1936 гг. определил требования власть имущих к исторической науке и как бы дополнил высказывания И. В. Сталина по историческим вопросам. Были, по сути дела, намечены пути дальнейшего развития отечественной историографии.

К середине 30-х гг. марксистская методология достаточно укоренилась в системе АН СССР, бывшей когда-то оплотом немарксистской исторической науки. Поэтому в феврале 1936 г. было принято решение о ликвидации Коммунистической академии и передаче ее учреждений АН СССР. На основе этого решения образовался Институт истории, в котором было создано восемь секторов. Периодическим органом института стал журнал «Историк-марксист», с 1936 г. институт издавал неперIODический сборник «Исторический архив», с 1937 г. – «Исторические записки».

В результате сложных антидемократических мероприятий и организационной перестройки исторической науки 30-х гг. сложилась новая система исторических подходов и научно-исследовательских учреждений.

3.2. Изучение дореволюционной истории России

В 30-е гг. отечественная историческая наука не только создала общую концепцию истории России, но и достигла определенных успехов в разработке конкретных проблем. В первую очередь можно говорить о достижениях в области изучения *истории России периода феодализма*.

В 1932 г. в Академии истории материальной культуры прошла дискуссия о характере строя Древней Руси. И. И. Смирнов и его последователи высказали мысль о складывании у славянских племен на базе разложения первобытного строя рабовладельческого общества. Б. Д. Греков доказывал, что у восточных славян возникали феодальные отношения и установилась феодальная общественно-экономическая формация. Большинство участников обсуждения поддержало эту точку зрения.

В 30-е гг. Б. Д. Греков стал ведущим специалистом по истории феодальной Руси. Он начал разработку таких принципиально новых идей, как роль товаризации сельскохозяйственного производства в изменении форм феодальной ренты, связь форм ренты с общественным устройством и внутренней политикой государственной власти и феодальных группировок. Итогом исследования явилась его монография «Очерки по истории феодализма в России» (1934 г.).

Дальнейшая разработка идей, высказанных в ходе дискуссии 1932 г., привели Б. Д. Грекова к обобщению концепции в книгах «Феодальные отношения в Киевском государстве» (1935 г.), «Киевская Русь» (1939 г.), где доказывалось, что процесс феодализации шел параллельно с государственным строительством. Автор пришел

к выводу, принятому всей последующей историографией, о складывании государства с центром в Киеве только после выравнивания социально-экономических и политических условий развития севера и юга восточнославянских земель. Исследователь аргументированно полемизировал с представителями норманнской теории, показал достаточно высокую степень развития восточного славянства.

Проблемы истории Древней Руси в 30-е гг. достаточно интенсивно разрабатывал историк-юрист С. В. Юшков, взгляды которого во многом были тождественны построениям Б. Д. Грекова. Наибольший интерес представляет его трактовка Древней Руси как колыбели русского, украинского и белорусского народов.

Среди работ, освещающих более поздние этапы истории феодальной России, нужно выделить фундаментальные исследования С. Б. Веселовского, в частности, его монографию «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV – XVII вв.» (1936 г.). Автор рассматривал процесс закрепощения крестьян в связи с сеньориальным или вотчинным режимом. Интересна постановка им вопроса о соотношении общественной структуры Киевской и Северо-Восточной Руси в XIV – XV вв. Подчеркивая, что он может быть темой специального исследования, С. Б. Веселовский указывает на наличие в Суздальской Руси пережитков киевских явлений.

Большое место в отечественной историографии 30-х гг. занимала *военная и внешнеполитическая тематика*. Наиболее значимыми в этой области были исследования академика Е. В. Тарле, разрабатывавшего проблемы внешней политики России начала XIX в. и приступившего в это время к фундаментальному исследованию Крымской войны. Следует особо отметить наличие в его работах тех лет скрытой полемики с отдельными историческими оценками К. Маркса и Ф. Энгельса. Например, известно марксистское определение «бонапартизма» как лавирования между классом феодалов и классом буржуазии. Е. В. Тарле занял совершенно иную позицию, заявив: «Став

на путь политической реакции, Наполеон делал то, что прежде всего и больше всего было нужно крупной торгово-промышленной буржуазии, и всю свою внутреннюю и внешнюю политику он строил так, чтобы прежде всего были полностью удовлетворены интересы этого класса» (Тарле, Е. В. Наполеон / Е. В. Тарле. – М., 1991. – С. 4.).

Продолжил активную работу над внешнеполитической тематикой конца XIX – начала XX в. проходивший с Е. В. Тарле по одному делу и вернувшийся из ссылки Б. А. Романов. Им была переработана монография о политике царизма на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны.

В конце 30-х гг. стало четко просматриваться внимание к военной истории России. В 1939 г. Институт истории АН Украины провел научную сессию, посвященную 230-летию Полтавской битвы. В 1940 г. вышла в свет книга И. М. Коробкова «Семилетняя война», в которой высоко оценивались победы русского оружия в войне с Пруссией в 1757-1760 гг.

В изучении истории России периода капитализма и империализма в 30-е гг. заметных достижений не наблюдается, хотя некоторые изыскания отметить необходимо. Например, в 1935 г. вышла монография С. Г. Струмилина о развитии черной металлургии в России, наибольший интерес в которой представляют главы по XIX – началу XX в. Исследователем был предложен единый показатель прогресса – средняя производительность рабочего за одну смену, так как он считал, что в этих данных обобщаются все важнейшие показатели состояния производительных сил, организации производства и труда.

Дальнейшее развитие получила *историография освободительного движения*. Причем именно при разработке данных проблем наблюдалась поляризация мнений. Достаточно ясно она просматривается при оценке жизни и деятельности А. Н. Радищева. В 1935 г. в «Материалах к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву»

А. Н. Радищева» была высказана мысль о том, что Радищев допускал возможность преобразований «сверху», в чем проявилась его ограниченность. Одновременно Ю. Спасский и Г. Гуковский обосновывали мысль о последовательной революционности А. Н. Радищева. Таким образом, в исторической науке возникла «загадка» Радищева. Первую попытку ее решения предпринял в 1940 г. Г. П. Макагоненко, который попытался «снять» противоречивость отдельных глав «Путешествия...» предложением рассматривать книгу как единое целое, идея которого – развенчание возможности реформистского пути уничтожения крепостничества.

Крайне противоречива была трактовка сущности идейных течений 30-40-х гг. XIX в., особенно славянофильства. В 1941 г. по этому поводу в Институте истории АН СССР прошла дискуссия, инициатором которой стал С. С. Дмитриев. Он рассматривал славянофильство как выражение идеологии передовых помещиков. Однако далее постановки проблемы обсуждение не пошло.

3.3. Проблемы истории советского периода

История советского общества в исторической науке 30-х гг. не нашла адекватного отражения вследствие догматизации науки, полного господства идеологии сталинизма. Наиболее подробно освещались Октябрьская революция и отдельные проблемы первых лет советской власти. В 1935 г. вышел первый том «Истории гражданской войны», полностью посвященный 1917 г. Это был первый обобщающий коллективный труд.

Среди специальных вопросов первых лет диктатуры пролетариата наибольший интерес в 30-е гг. вызывали органы государственной власти – Советы. А. М. Панкратовой в 1934 г. были поставлены проблемы характера местных Советов, соотношения хода революции в центре и на местах и др. Однако наиболее детальная разработка истории Советов связана с именем В. Н. Аверьева, опубликовавшего во

второй половине 30-х гг. целый ряд исследований на материалах центра России. Анализ первых мероприятий пролетарской диктатуры в промышленности в 30-е гг. был дан в работах М. Рубинчика, А. Бенедиктова (рабочий контроль), И. Михеева (национализация промышленности) и т. д.

Гражданская война и иностранная интервенция в 30-е гг. чаще всего рассматривались через призму событий в отдельных регионах страны. События в Поволжье с достаточной полнотой были представлены в работах Ф. Попова, М. Буденкова, А. Валеева, В. Хрулева, П. Софинова; деятельность Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова на Северном Кавказе описал И. М. Разгон; борьбу с А. В. Колчаком показали Ф. Огородников, Е. А. Болтин; сражения на Южном фронте против войск Н. Врангеля попытались проанализировать А. И. Егоров, Галицкий, И. Филиппов, Н. Евсеев, В. А. Меликов и др. Особое внимание историки 30-х гг. уделяли регионам, в которых в годы гражданской войны бывал И. В. Сталин. Например, детально исследовалась оборона Царицына, в которой он принимал участие. Этим сюжетам посвящены монографии В. А. Меликова (1938 г.), Э. Б. Генкиной (1940 г.), многочисленные брошюры и статьи. Значительная литература освещала деятельность И. В. Сталина на северном фланге Восточного фронта – монографии А. М. Федорова, А. И. Гуковского, П. И. Пылаева, статьи П. Г. Софинова.

Нужно отметить, что в исторической науке 30-х гг. появился ряд беспринципных «придворных» историков. В качестве примера достаточно процитировать статью Е. М. Ярославского, опубликованную в журнале «Историк-марксист» за 1940 г. под красноречивым названием «Сталин – это Ленин сегодня»: «В самые трудные моменты в жизни молодого государства в период гражданской войны товарищ Сталин становится организатором снабжения продовольствием всего населения, а затем организатором и полководцем Красной Армии и проявляет в этом деле гениальнейшие способности. Он грудью за-

щищает Страну Советов на всех фронтах» (Историк-марксист. 1940. – № 1. – С. 3). По мнению В. А. Куманева, низкопоклонство было особенно характерно для историков партии (Куманев, В. А. 30-е годы и судьбы отечественной интеллигенции / В. А. Куманев. – М., 1991. – С. 87).

В исторической науке этого периода отсутствуют сюжеты о НЭПе, однако в соответствии со сталинской идеей обострения классовой борьбы по мере продвижения вперед ее проявлениям было уделено достаточное внимание. Были предприняты шаги по изучению кронштадтского мятежа – книги О. Л. Леонидова (1939 г.) и К. Жакковщикова (1941 г.), анализировалась общая позиция контрреволюции – работы Л. Н. Бычкова, А. Филимонова и др.

В изучении процесса *индустриализации* основное внимание было сосредоточено на исследовании стахановского движения. Только за 1935-1940 гг. ему было посвящено 4 643 работы (Очерки истории исторической науки в СССР. – М. – 1985. – Т. 5. – С. 472). Большинство из них носило экономический характер, однако в некоторых имелись исторические экскурсы. Стахановцам были посвящены книги А. С. Вайнштейна (1937 г.) и И. Н. Кузьмина (1940 г.).

В 30-е гг. историко-экономическая наука практически перестала заниматься осмыслением социально-экономического развития деревни. Были опубликованы только две историко-социологические работы: К. М. Шуваев на материалах деревень Березовского района Воронежской области сопоставил аграрное развитие до и после революции (1937 г.); Л. Е. Арина, Г. Г. Котов, К. В. Лосев провели аналогичное исследование по данным Мелитопольского района Запорожской области (1939 г.).

Анализ развития исторической науки в СССР в 30-е гг. позволил доктору исторических наук А. Н. Мерцалову охарактеризовать существенные черты, с выделением которых нельзя не согласиться. Он пишет: «Уже в 30-е годы многие разделы исторической литературы бы-

ли лишены научного содержания. Восторжествовали антитеоретичность, пренебрежение к методологическим, историографическим, источниковедческим исследованиям, фактографизм, беспроблемность, мелкотемье; сведение сущности явления к одной из его сторон (главным образом из апологетических и нигилистических побуждений), догматизм и цитатничество; подмена научного мышления обыденным, факта – мифологемой; персонификация и изгнание из прошлого народных масс; упрощенчество, черно-белая манера изображения; обращение к неразвитому интеллекту, к языческой культуре (культ Отца, воспевание жертвенности и пр.)» (История и историки. М., 1990. – С. 100).

Список источников и литературы

1. Артизов, А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (К истории вопроса) / А. Н. Артизов // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 102-120.

2. Артизов, А. Н. Николай Николаевич Ванаг (1899-1937 гг.) / А. Н. Артизов // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 95-110.

3. Бабиченко, Л. Г. Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» и его последствия / Л. Г. Бабиченко // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 6. – С. 94-108.

4. Бестужев-Лада, И. В. Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма / И. В. Бестужев-Лада // История СССР. – 1989. – № 5. – С. 78-91.

5. Брачев, В. С. «Дело» академика Платонова / В. С. Брачев // Вопросы истории. – 1989. – № 5. – С. 117-129.

6. Вернадский, Г. В. Русская историография / Г. В. Вернадский. – М., 1998. – 448 с.

7. Волобуев О. История по-сталински / О. Волобуев, С. Кулешов // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989. – С. 312-333.

8. Куманев, В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. – М. : Наука, 1991. – 296 с.
9. Маслов, Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» – энциклопедия культа личности Сталина / Н. Н. Маслов // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 11. – С. 51-67.
10. Медведев, Р. А. О Сталине и сталинизме / Р. А. Медведев. – М. : Прогресс, 1990. – 488 с.
11. Нильсен, Е. П. П. Милюков и И. Сталин. О политической эволюции Милюкова в эмиграции (1918-1943) / Е. П. Нильсен // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2. – С. 124-152.
12. Сталин, И. В. О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» / И. В. Сталин // Соч. – Т. 13. – С. 84-102.
13. 1937 год. Институт Красной профессуры // Отечественная история. – 1992. – № 2. – С. 119-146.
14. Чапкевич, Е. Страницы биографии академика Е. Тарле / Е. Чапкевич // Новая и новейшая история. – 1990. – № 4. – С. 31-54.
15. Якушев, С. В. Центральный партийный архив в 30-е годы / С. В. Якушев // Вопросы Истории. – 1991. – № 4/5. – С. 25-33.

4. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

4.1. Организационно-структурная перестройка исторической науки

Историографическая ситуация периода Великой Отечественной войны характеризуется определенным свертыванием научно-исследовательской работы и реорганизацией системы исторической науки в связи с условиями военного времени. Долгое время существовала традиция выделять в истории исторической науки времен войны два периода:

- 1) 1941 – середина 1943 г., когда в деятельности историков основное место заняла военно-патриотическая работа;
- 2) вторая половина 1943-1945 г., когда возобновилась научно-исследовательская деятельность.

В современной историографии данная периодизация подвергается корректировке, так как в годы войны научно-исследовательская работа, несмотря на определенные трудности, шла параллельно с военно-патриотической. Они, скорее всего, оказывали воздействие друг на друга. Военно-патриотическая деятельность строилась на прочной научной базе, а научно-исследовательская работа, прежде всего ее проблематика, определялась патриотическими задачами. А. М. Панкратова охарактеризовала их конкретное содержание: «Знание боевых традиций и героического прошлого народов нашей страны чрезвычайно важно и необходимо в настоящих условиях. Воспитание новых поколений в духе этих боевых традиций – одно из оружий, способных ускорить победу над врагом» (Исторический журнал. – 1942. – № 5. – С. 145).

С началом Великой Отечественной войны стала осуществляться перестройка системы исторической науки, составной частью которой явилась эвакуация исторических учреждений, вузов, архивов, музеев

в восточные районы страны. Институт истории АН СССР был перебазирован в Ташкент и Алма-Ату, Московский университет – в Ашхабад, позднее – в Свердловск, объединенные Киевский и Харьковский университеты – в Кзыл-Орду.

В трудной обстановке первого года войны были созданы структуры, связанные со сбором материалов по истории борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, которые стали составной частью реорганизованной исторической науки. В декабре 1941 г. по инициативе секретаря ЦК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакова при Московском комитете партии была создана Комиссия по истории обороны Москвы. В 1942 г. при АН была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны, во главе которой встали профессор, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров и член-корреспондент АН СССР (позднее академик) И. И. Минц. Сотрудниками комиссии были Г. А. Богуславский, Э. Б. Генкина, И. М. Разгон, А. Л. Сидоров, П. М. Федосов и др. Комиссии по сбору материалов по истории войны были созданы также при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, в армии и на флоте, в областях, краях и республиках. В 1943-1944 гг. такие комиссии были созданы в освобожденных районах.

Структура исторической науки в годы войны претерпела существенные изменения, связанные с расширением и специализацией сети исторических учреждений. В 1942 г. было признано целесообразным создать Институт славяноведения АН СССР, в 1944 г. – Институт истории искусства АН СССР. Тогда же была создана Археологическая комиссия Института истории АН СССР. В 1943-1945 гг. были сформированы АН Узбекистана, Армении, Азербайджана, Киргизский филиал АН СССР с историческими отделениями.

В первые годы войны произошло некоторое сокращение изданий исторической периодики. Прекратился выпуск журналов «Красный архив», «Пролетарская революция», «Историк-марксист»

был слит с «Историческим журналом». Однако при первой же возможности издание исторических журналов возобновлялось на новой основе. Так, в 1944 г. стали выходить «Известия АН СССР. Серия истории и философии».

4.2. Военно-патриотическая работа историков

Военное время поставило перед историками проблемы, связанные с военно-патриотической работой. Одно из ее направлений – научно-пропагандистская деятельность. Постановлением Президиума АН СССР в 1943 г. в освобожденные города (Смоленск, Курск, Харьков) были посланы лекторские группы, в составе которых были А. М. Панкратова, П. М. Дружинин, А. В. Ефимов и др.

Определенные изменения произошли в тематике исследований. В ней были выделены акценты, связанные с борьбой России с иностранными захватчиками.

История *Древней Руси* продолжала привлекать внимание историков, лидером которых в данном направлении был Б. Д. Греков. В 1941 – начале 1942 гг. он подготовил новое издание монографии «Киевская Русь», дополнив ее главой «Военный строй Киевской Руси». В 1942 г. им же была опубликована книга «Борьба Руси за создание своего государства», в которой доказывалась мысль о начале процесса образования государственности у восточных славян в VI в., когда сложился большой военный союз восточнославянских племен во главе с дулебами.

В 1942 г. исполнилось 700 лет со дня *Ледового побоища*. Этому событию были посвящены научные сессии, выставки, многочисленные публикации историков. Достаточно активно выступали Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и др. Ими была показана картина немецкой агрессии против русских земель и Прибалтики в XII – XIII вв., раскрыто значение разгрома крестоносцев. Особое внимание при этом было уделено жизни и деятельности Александра Невского.

В связи с деятельностью Ивана III и Ивана IV Грозного изучалось образование Российского централизованного государства. Ивану III были посвящены работы В. Снегирева (1942 г.) и К. Базилевича (1946 г.), из которых первая была признана неудачной из-за слабого отражения роли народных масс. Деятельность *Ивана IV Грозного* анализировалась Р. Ю. Виппером, С. В. Бахрушиным, И. И. Смирновым.

Книга Р. Ю. Виппера понравилась И. В. Сталину и в годы войны издавалась трижды (1942, 1944, 1945 гг.). Автор рассматривал Ивана IV Грозного как гениального организатора и вождя, который смог понять необходимость радикальных действий по отношению к княжеско-боярской оппозиции и стал их осуществлять. Определенная идеализация царя отмечается и в исследовании С. В. Бахрушина, который основной целью внутренней политики Ивана IV Грозного считал ликвидацию пережитков феодальной раздробленности, а опричнину оценивал как неизбежный этап борьбы за абсолютизм.

В истории России XVII в. внимание исследователей привлекали два сюжета. Первый из них связан с рассмотрением истории нижегородского ополчения 1612 г. и его роли в изгнании польско-шведских интервентов из Москвы (С. В. Бахрушин, А. И. Порусов). Вторым был обусловлен разработкой социально-экономической истории (А. И. Яковлев, П. П. Смирнов и др.). Наибольший интерес представляет исследование П. П. Смирновым социально-экономической истории российского города. Тезис же А. И. Яковлева о Московском царстве как «холопьем» государстве был отвергнут большинством историков.

В годы войны был сделан существенный шаг вперед в изучении *петровской эпохи*, наибольший вклад в который внесли Б. Б. Кафенгауз и В. В. Мавродин. Ими было раскрыто значение реформ Петра I в деле укрепления России, показана его роль как организатора регу-

лярной армии. Достаточно подробно целым рядом авторов была описана история Северной войны 1700-1721 гг.

Среди работ о петровской эпохе можно выделить монографию Б. И. Сыромятникова (1943 г.), вызвавшую серьезную критику. Автор трактовал абсолютизм первой четверти XVIII в. как выражение интересов не только дворянства, но и купечества; писал о феодальной реакции при преемниках Петра I.

Особое внимание было уделено историками военной истории XVIII в. Наиболее интересными были работы К. В. Базилевича и И. И. Полосинова о Семилетней войне 1756-1763 гг. Обращает внимание изучение Н. М. Коробковым деятельности фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, с именем которого историк связывал оформление русского военного искусства. Многочисленные работы были посвящены полководческому искусству А. В. Суворова (А. Н. Боголюбов, Г. П. Мещеряков, Л. Г. Бескровный и др.).

В годы войны историки создали ряд содержательных исследований о *войне 1812 г.* (Л. Н. Бычков, М. Г. Брагин, Н. А. Левицкий и др.). Среди них центральное место занимает труд академика Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» (2-е изд. М., 1943). Автор создал не только широкую картину нашествия французских войск, но и запоминающиеся образы русских полководцев, руководителей партизанского движения.

В 1942 г. прошли научные сессии, посвященные войне 1812 г. и бородинскому сражению. В своих докладах историки показали глубину стратегического замысла М. И. Кутузова, рассматривавшего действия русской армии под Бородином как оборонительное сражение с возможным перерастанием его в наступление.

В годы войны вышла в свет фундаментальная работа академика Е. В. Тарле «Крымская война», в которой была убедительно показана дипломатическая и военная борьба середины XIX в. Автор обстоятельно описал действия Черноморского флота, борьбу на театрах во-

енных действий, героическую оборону Севастополя. Ему удалось развенчать некоторые высказывания Ф. Энгельса относительно внешней политики России, русской армии и др.

История XIX в. в военные годы практически не изучалась. Исключение составили исследования С. Г. Струмилина, в центре которых оказался вопрос промышленного переворота в России. Он попытался обосновать хронологические рамки переворота – 30-е гг. XIX в. -1860 г. При обсуждении идей академика С. Г. Струмилина возникла дискуссия о характере российской мануфактуры и ее смене фабрикой.

При разработке проблем послеоктябрьской истории основное внимание исследователями было уделено Октябрю и гражданской войне. В 1942 г. вышел в свет второй том «Истории гражданской войны в СССР», авторы которого (И. И. Минц, П. Н. Поспелов, Е. М. Ярославский, Э. Б. Генкина и др.) были удостоены Сталинской премии. Том охватывал события сентября – ноября 1917 г.

В годы Великой Отечественной войны в отечественной исторической науке сложилась ситуация, обусловленная военным временем и политикой партии и правительства, когда все было направлено на достижение гражданского согласия. Отсюда и резкое изменение тематики исследований, обращение к военно-патриотической проблематике и отход от изучения вопросов классовой борьбы.

Список источников и литературы

1. Балашов, В. А. Историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.) : учебное пособие / В. А. Балашов, В. А. Юрченков. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1994. – 190 с.

2. Грылев, А. Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период / А. Грылев // Военно-исторический журнал. – 1968. – № 1. – С. 90-100.

3. Дружинин, Н. М. Эвакуация из Москвы в 1941-1943 гг. / Н. М. Дружинин // Избр. тр. Воспоминания, мысли, опыт историка. – М., 1990. – С. 228-234.

4. Историография истории СССР (эпоха социализма) : учебник / под ред. И. И. Минца. – М. : Высш. школа., 1982. – 336 с.

5. Историческая наука России в XX веке. – М. : Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. – 568 с.

6. История России: Вторая половина XIX – XX вв. Курс лекций. / под ред. акад. Б. В. Личмана. – изд. 3-е, доп. – Урал. гос. техн. ун-т. Екатеринбург, 1995. – 352 с.

7. Комков, Г. Д. Вклад академической науки в достижение Великой Победы 1941-1945 гг. / Г. Д. Комков // Советская культура: 70 лет развития. – М., 1987. – С. 164-172.

8. Копылова, О. Н. Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны / О. Н. Копылова // Архивы СССР. – М., 1989. – С. 136-142.

5. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х – СЕРЕДИНЕ 50-Х ГГ.

5.1. Условия развития исторической науки и дискуссии послевоенного десятилетия

Победа в Великой Отечественной войне изменила общественно-политическую ситуацию. Возникла объективная необходимость преобразования политического строя, потребность демократизации в стране. Однако существующая командно-административная система не желала идти на уступки. Это привело к усилению репрессий против отдельных руководителей, преследованию людей, побывавших в плену и немецких концлагерях, а также временно оказавшихся на оккупированной немцами территории.

В области идеологии сталинизм вступил в свою новую стадию, дал законченную, логически завершенную тоталитарную систему. Стали систематически организовываться «компании по искоренению». Это были постановления ЦК ВКП(б) (например «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению от 26 августа 1946 г., «О кинофильме "Большая жизнь"» от 4 сентября 1948 г.), редакционные статьи газет «Правда», «Известия», «Культура и жизнь» (например, статья в «Правде» от 13 февраля 1953 г. М. Бубеннова «О романе В. Гроссмана «За правое дело»). Печальную известность получило постановление ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», запретили вторую серию фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный».

Во второй половине 40-х – начале 50-х гг. в атмосфере культа личности И. В. Сталина чисто догматически были поставлены вопросы о чистоте марксизма, борьбе с отступниками в истории и других общественных науках. Проводились кампании против «объективизма» и «буржуазного космополитизма». В 1948 г. обстановка в советской науке резко ухудшилась. Резкой критике была подвергнута

«Русская историография» П. Л. Рубинштейна. После известной сессии ВАСХНИЛ во всех областях знания стали выискиваться «реакционеры», «сторонники буржуазной идеологии». Подобные обвинения, например, был предъявлены А. И. Андрееву в связи с его работами о Петре Великом.

В 1950 г. газета «Правда» начала дискуссию по вопросам языкознания, в которой принял участие И. В. Сталин. Она привела к фактическому разгрому школы академика П. Я. Марра и его «учения о языке». Ее положительными моментами были отказ от идеи классовости языка и обращение внимания к проблемам формирования наций и народностей. Следом за языковыми проблемами по инициативе И. В. Сталина были обсуждены вопросы политической экономии, поставлены вопросы характеристики современного капитализма, построения социализма и перехода к коммунизму. Итог дискуссии по политической экономии подвел сам И. В. Сталин, опубликовав в 1952 г. книгу «Экономические проблемы социализма в СССР». Она стала эталонной для историков при оценке тех или иных явлений советской истории. Например, И. В. Сталин определил производственные отношения крестьян накануне коллективизации как капиталистические. Подобная трактовка с известной модернизацией сразу же вошла в ряд монографий и учебники.

В 1953 г. умер И. В. Сталин, в руководстве партии и страны произошли изменения, которые были явным и однозначным сигналом того, что «сталинская эпоха» закончилась. Появилось убеждение, что тоталитарная система будет разрушена и что общество находится на пороге прогрессивного обновления. Однако идеология продолжала оставаться под жестким партийным контролем, свидетельством чему служит целый ряд документов: 1954 г. – тезисы ЦК КПСС о 300-летию воссоединения Украины с Россией; 1955 г. – тезисы Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК КПСС «Пятьдесят лет первой русской революции»; 1956 г. – постановление ЦК КПСС к 100-летию

со дня рождения Г. В. Плеханова; 1957 г. – постановление ЦК КПСС к 40-летию годовщины февральской и Великой Октябрьской социалистической революции; постановление ЦК КПСС об издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Показателем того, что партия не намерена отказываться от «руководства» исторической наукой, можно считать постановление ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. «О журнале "Вопросы истории"», в котором подчеркивалось значение принципа партийности в исторических исследованиях. А редакция журнала во главе с А. М. Панкратовой и Э. Н. Бурджаловым обвинялась в уступках проявлениям буржуазной идеологии.

В сложной историографической ситуации проходила одна из наиболее интереснейших дискуссий тех лет – о периодизации феодальной и капиталистической формаций, в центре которой оказался вопрос о критериях хронологических рамок внутри общественно-экономического строя. Достаточно четко определились следующие точки зрения:

1) критериями периодизации внутри формации следует считать факты социально-экономического развития (К. В. Базилевич);

2) вехи хронологических этапов внутри формации определяются факторами политической надстройки общества – классовой борьбой (Н. М. Дружинин), политической истории (И. И. Смирнов);

3) периодизация феодальной и капиталистической формаций должна опираться на совокупность факторов социально-экономической и политической истории (Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, А. В. Предтеченский).

Дискуссия вскрыла слабые и спорные моменты общей концепции отечественной истории и способствовала дискуссионному обсуждению частных проблем.

5.2. Изучение проблем дореволюционной отечественной истории

Историки второй половины 40-х – середины 50-х гг. достигли наиболее ощутимых результатов при рассмотрении вопросов отечественной истории дооктябрьского периода. Как и прежде, в центре их внимания находились проблемы происхождения *феодального строя* на Руси. Исследователи сходились во мнении о феодальной основе Киевского государства, однако вопрос о темпах и формах феодализации решался по-разному.

В 1946 г. Б. Д. Греков опубликовал свое капитальное исследование «Крестьяне на Руси», в 1949 и 1953 гг. переиздал монографию «Киевская Русь». В совокупности эти труды излагали его видение проблемы. По мнению Б. Д. Грекова, восточнославянское общество пришло к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. Феодальные отношения, утвердившиеся на Руси примерно в XI в., привели к глубоким социальным изменениям, в первую очередь, внутри основного производительного класса. Б. Д. Греков углубил выдвинутые им ранее положения о двух категориях смердов – зависимых от отдельного феодала и эксплуатируемых феодальным государством.

В работах С. В. Юшкова «Общественно-политический строй и право Киевского государства» (1949 г.) и «Русская Правда» (1950 г.) излагался иной подход, суть которого заключалась в признании Киевской Руси обществом не феодальным, а переходным от первобытнообщинного строя к классовому, где соседствовали три уклада: феодальный, рабовладельческий и первобытнообщинный. В целом общественно-политический строй Киевской Руси расценивался как феодальное, или «варварское», государство.

Новые аспекты генезиса феодализма были исследованы М. Н. Тихомировым в монографии «Древнерусские города» (1946 г.), в которой была показана органическая связь между феодальными отношениями и ростом городов.

Иной аспект поднятой темы разработал Б. А. Рыбаков, в 1948 г. выпустивший книгу «Ремесло Древней Руси». Им были раскрыты такие вопросы, как технический уровень ремесла, экономическая структура ремесленного производства, районы его распределения и т. п. Он предполагал, что процесс генезиса феодализма уходит в глубь веков, в более ранние времена, чем это было принято считать.

Археологические исследования, связанные с гипотезой Б. А. Рыбакова, позволили во время дискуссии о периодизации передвинуть дату утверждения феодализма на Руси с XI на IX век. Многие историки стали считать, что дофеодальным обществом была не Киевская Русь, а антский союз племен VI века. К такому выводу склоняется и Б. Д. Греков, заявив, что государство с центром в Киеве не могло возникнуть без соответствующего базиса.

Существенные успехи были достигнуты при исследовании культуры Киевской Руси. Сложилось два подхода к этому историческому явлению. Первый связан с анализом литературных памятников, определением культурно-исторического значения древнерусской литературы (Д. С. Лихачев). Второй базировался на археологическом материале. Стоит отметить, что в эти годы были произведены выдающиеся археологические исследования. В 1951 г. в Новгороде экспедицией под руководством А. В. Арциховского была обнаружена первая в истории науки берестяная грамота. Смоленской экспедицией под руководством Д. А. Авдусина был найден сосуд с древнейшей русской надписью (X век). Находки археологов перевернули представления о грамотности и письменности в Древней Руси.

Своеобразным продолжением *военно-исторической тематики*, сложившейся в годы войны, явились работы Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского о Золотой Орде (1950 г.) и В. Т. Пашуто об Александре Невском и борьбе русского народа за независимость в XIII в. (1951 г.). Различные аспекты внешнеполитического положения Руси были отражены в работах В. В. Мавродина.

Важнейшей проблемой, исследуемой во второй половине 40-х – середине 50-х гг., был *процесс образования и развития Русского централизованного государства*. В 1946 г. журнал «Вопросы истории» начал дискуссию по данной проблеме. Первым выступил П. П. Смирнов, который попытался отыскать социально-экономические предпосылки образования централизованного государства в уровне развития производительных сил XIV – XV вв. Он утверждал, что в начале XIV в. московские князья для выплаты ордынской дани стали проводить политику расширения и улучшения сельскохозяйственного производства, что привело к «аграрному перевороту». Подобные изменения в базисе, по мнению П. П. Смирнова, привели автоматически к трансформации надстройки. С резкой критикой подобных утверждений выступили В. В. Мавродин, С. В. Юшков, К. В. Базилевич, показавшие ложность тезиса об «аграрном перевороте в XIV в.

Дискуссия 1946 г. способствовала углубленному рассмотрению ряда общих социально-экономических проблем, в ходе которого утвердилось мнение о зарождении товарно-денежных отношений в конце XV в. и их развитии в XVII в. до степени образования всероссийского рынка (Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин). Через его призму рассматривалась и история русского города, который, по мнению исследователей, с конца XV в. начал освобождаться от феодального гнета и превращаться в ремесленно-торговый центр.

В конце 40-х – начале 50-х гг. стала складываться иная точка зрения на социально-экономическое развитие русских земель эпохи феодализма. Ее оформление связано с выходом в свет работ Л. В. Черепнина, М. П. Тихомирова, Б. А. Рыбакова. Им удалось показать, что товарное обращение возникло раньше конца XV в. и существовало уже в Киевской Руси. Кроме того, они доказали, что понятие рынка связано с товарным производством, а не с товарным обращением. Поэтому XVII в. следует рассматривать не как завершение, а как начало формирования всероссийского рынка.

В складывании нового понимания истории России периода феодализма особую роль сыграл Л. В. Черепнин, издавший фундаментальную двухтомную монографию «Русские феодальные архивы XIV – XV вв.» (1948-1951 гг.). Им была дана обобщающая картина социально-экономического развития русских земель в процессе объединения. В качестве социально-экономических предпосылок объединительной политики он предложил рассматривать рост крепостных отношений в XIV – XV вв. и зарождение поместной системы. Политика же отражала, в трактовке Л. В. Черепнина, стремление феодалов к созданию сильной государственной власти, способной удержать в повиновении непосредственных производителей. Сам процесс образования централизованного государства был ускорен потребностями обороны от внешних врагов.

Мысль Л. В. Черепнина о неразрывной связи объединительного процесса с внешней политикой была обоснована и развита в работах К. В. Базилевича об отношениях Российского государства с соседями во второй половине XV в. (1952 г.) и А. А. Новосельцева о борьбе России с татарами в первой половине XVII в. (1948 г.).

Особое место в отечественной историографии периода феодализма второй половины 40-х – середины 50-х гг. занимает литература об эпохе Ивана IV Грозного (С. В. Бахрушин, И. И. Смирнов, С. Б. Веселовский, П. А. Садиков и др.). Авторы указывали на историческую обусловленность реформ середины XVI в. и все заметнее идеализировали Ивана IV Грозного.

В конце 40-х – начале 50-х гг. продолжились давние споры по поводу *генезиса капитализма* в России, в ходе которых с наибольшей остротой встал вопрос о мануфактурном производстве. Точки зрения оказались различными:

1) С. Г. Струмилин утверждал, что мануфактурное производство по природе своей может быть только капиталистическим, а примене-

ние принудительного труда на русских мануфактурах XVII – XVIII вв. принципиально ничего не меняет;

2) Н. Л. Рубинштейн считал мануфактуры XVII – первой половины XVIII в. явлением крепостническим, генезис капитализма он относил к более позднему времени;

3) Е. И. Заозерская, исследуя мануфактуры петровского времени, усмотрела в них лишь ряд черт, свойственных капитализму.

В более общем виде эти проблемы были сформулированы в 1954 г. М. В. Нечкиной в докладе о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. «Восходящей» стадией она назвала эпоху, когда производственные отношения соответствуют производительным силам, а «нисходящей» – когда наметилось несоответствие между ними. В качестве хронологической грани феодализма и капитализма в России она назвала XVII в., когда появились первые мануфактуры. Многие исследователи выступили с критикой подобных утверждений. Например, Н. М. Дружинин утверждал, что феодализм не исчерпал себя в XVII в. и развивался по восходящей линии до 60-х гг. XVIII в.

При разработке проблем социально-экономической истории XIX в. основное внимание было уделено исследованию истории крестьянства и сельскохозяйственного производства. Наибольший вклад в изучение данных вопросов внес Н. М. Дружинин, выпустивший двухтомное исследование о государственных крестьянах и реформе П. Д. Киселева (1946-1958 гг.). Он проанализировал всю систему «государственного феодализма», охарактеризовал ее изменение в ходе социально-экономического развития. Помещичье крестьянство рассматривалось в работах К. Н. Щепетова, Е. И. Индовой, И. Д. Ковальченко, И. М. Катаева, К. В. Сивкова. Классовая борьба в деревне анализировалась Я. И. Линковым, М. Е. Найденовым и др.

Особо нужно отметить разработку проблем промышленного развития России. Появились работы по отдельным отраслям про-

мышленности: С. Г. Струмилин – черная металлургия, К. А. Пажитнов – текстильное производство, П. М. Лукьянов – химическая промышленность.

Во второй половине 40-х – середине 50-х гг. вышли в свет первые обобщающие работы по социально-экономическому развитию страны в XIX в. (П. И. Ляшенко, П. А. Хромов). Закономерным продолжением данной тематики стало изучение аналогичных вопросов эпохи империализма. Литературу по проблемам истории промышленности конца XIX – начала XX в. принято делить на три группы.

1. Работы по истории крупной промышленности России, позволившие в основных чертах представить общую картину промышленного развития дореволюционной России и создавшие предпосылку для изучения монополистического капитализма.

2. Работы по экономике России в годы первой мировой, источниковая база которых включала целые комплексы ранее не использовавшихся документов и материалов.

3. Работы по истории банковских и промышленных монополий в России.

В литературе по истории аграрного строя России периода империализма во второй половине 40-х – середине 50-х гг. преобладали исследования экономистов, которые исходили из положения о полной победе капитализма в сельском хозяйстве России в последнем десятилетии XIX в. Работы историков, как правило, были посвящены регионам страны. Среди них можно выделить работу А. В. Шапкарина о столыпинской аграрной реформе (1954 г.). При этом наметился новый подход к изучению преобразований. С одной стороны, исследовалось положение не выделявшихся на хутора и отруба крестьян, с другой – стали обобщаться данные по регионам, в которые направлялись основные потоки переселенцев из Европейской России, а в связи с этим анализировались последствия процесса колонизации.

Особым направлением историографии данного периода было изучение *истории революционного движения*. В этот период произошел окончательный отход от плехановской трактовки освободительного движения с абсолютизацией западноевропейского влияния на русскую общественную мысль. Общественная мысль России стала рассматриваться теперь изолированно, и в результате переоценивалась степень ее зрелости. В частности, наследие А. Н. Радищева стало рассматриваться теперь вне связи с общеевропейским историческим процессом.

Существенный шаг вперед был сделан в изучении движения декабристов, в разработке проблем которого приняли участие Н. М. Дружинин, Б. Е. Сыроечковский и др. Наиболее значительные исследования принадлежали М. В. Нечкиной. Их своеобразным итогом была вышедшая в 1955 г. монография «Движение декабристов». В ней декабризм рассматривался в целом, как единое по своей классовой основе и идейной направленности движение.

Отход от плехановских оценок стимулировал разработку темы о В. Г. Белинском, центральной для понимания идейных процессов 30-40-х гг. XIX в. Несомненным вкладом в изучение данных проблем явились работы В. С. Нечаевой и М. Я. Полякова.

Определенные шаги были сделаны в изучении рабочего движения в России. Наиболее интересной является вышедшая в 1950 г. небольшая работа Ю. З. Полевого, который провел сравнительное изучение возникновения движения рабочих в России и странах Западной Европы и попытался выявить характерные черты начального этапа развития движения российского рабочего класса. В 1954 г. вышла книга Б. С. Итенберга об истории «Южнороссийского союза рабочих». В работах середины 50-х гг. был приведен существенный материал по связи рабочего движения с социал-демократией (Ю. З. Полевой, И. Н. Васин, А. С. Рослова).

В историко-партийной науке второй половины 40-х – середины 50-х гг. достаточно рельефно просматривается ее специфика. С 1946 по 1955 гг. в стране было издано около 700 работ по истории партии и более 2 тыс. названий партийной публицистики. Появился новый вид работ – публикации стенограмм лекций по истории партии. С конца 40-х гг. началось издание серии брошюр «Съезды и конференции ВКП(б)». Среди монографических разработок по истории партии можно выделить книги О. В. Варенцовой «Северный рабочий союз и Северный комитет РСДРП» (1948 г.), И. В. Никитина «Первые рабочие союзы и социал-демократические организации в России» (1952 г.). В массе своей историко-партийные работы носили фактологический характер, причем достаточно часто подбор фактов был тенденциозен.

Характерной чертой литературы второй половины 40-х – середины 50-х гг. был интерес к истории первой российской революции 1905-1907 гг. Особое внимание уделялось событиям в национальных районах страны. Институт истории АН СССР издал два сборника статей по данной тематике под редакцией А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова (1949, 1955 гг.). В ознаменование 50-летия революции были изданы произведения В. В. Воровского, Ф. Э. Дзержинского, Б. М. Кнунянца, воспоминания Е. Д. Стасовой, М. Н. Лядова, О. Пятницкого, М. И. Васильева-Южина, И. В. Шаурова и др.

5.3. Исследование отечественной истории советского периода

Отечественная история советского периода во второй половине 40-х – середине 50-х гг. освещалась историками под несомненным воздействием сталинизма, при жестком идеологическом контроле. Поэтому достаточно трудно говорить о каких-либо новых подходах или достижениях. Но все же некоторые моменты следует отметить.

В изучении истории Октября к концу 40-х – началу 50-х гг. установился довольно устойчивый интерес к исследованию событий

на местах. Наметился единый подход к разработке революционного движения в регионах – революция на местах рассматривалась как отклик на революцию в центре страны.

При анализе революционных событий на местах историки подошли к решению проблемы двух направлений в национально-освободительном движении: буржуазно-националистического и революционно-демократического. Примером попытки подобного анализа может служить полемика вокруг осетинской революционно-демократической организации «Кермен» (1951 г.), в ходе которой были высказаны различные оценки ее характера:

1) «Кермен» является революционной организацией, смыкающейся с осетинской окружной организацией РСДРП(б);

2) «Кермен» от начала и до конца контрреволюционная националистическая организация, борющаяся за интересы осетинского кулачества и буржуазии;

3) «Кермен» – мелкобуржуазная крестьянская организация, значительную часть которой составляла крестьянская беднота, борющаяся за землю и политическую свободу.

Установление советской власти в отдельных регионах рассматривается в первой половине и середине 50-х гг., как правило, достаточно подробно. Например, в монографии И. Г. Дыкова (1955 г.) о роли Петроградского ВРК в революции изложение хода событий в столице идет на строго документальной основе. Аналогичное можно сказать и о книге Р. М. Раимова (1952 г.), описавшего процесс установления диктатуры пролетариата в Башкирии и образование здесь республики.

Помимо анализа событий в регионах страны достаточное внимание уделялось советскому строительству (Т. А. Ремезова, Д. А. Чугаев, Е. Г. Гимпельсон). Наибольший интерес представляла опубликованная в 1950 г. работа Т. А. Ремезовой о Советах крестьянских депутатов в 1917 г. Ею была составлена сводка о времени образования

губернских Советов крестьянских депутатов по 20 из 52 губерний, проанализирован материал по Петроградской, Московской, Самарской, Воронежской, Ярославской, Нижегородской губерниям, районам Донбасса, Дона и Кубани. До настоящего времени спорным является выдвинутое ею на основе этих данных положение о наличии резкой грани между Советами и крестьянскими организациями.

Большой интерес у исследователей вызывала проблема национализации промышленности. Появились крупные публикации источников, включавшие, по подсчетам Т. А. Игнатенко, около 1500 документов, большая часть из которых вводилась в научный оборот впервые. Многие ученые рассматривали процесс установления рабочего контроля и национализации в целом (И. А. Гладков, Н. П. Силантьев, В. А. Виноградов, С. М. Бабушкин, А. В. Ларев), некоторые анализировали лишь отдельные его этапы (А. Василькова, В. М. Спивак, Б. Верховень, Т. В. Маляровская).

Достаточно активно освещалась аграрная политика большевиков первого года пролетарской диктатуры. Однако следует иметь в виду то, что работы о национализации земли и о политике партии по отношению к крестьянству, вышедшие во второй половине 40-х – середине 50-х гг., носили, преимущественно, популяризаторский характер. Интерес могут представить лишь работы о конфискации помещичьих имений (М. А. Снегирев, Е. А. Луцкий) и первых коллективных хозяйствах (И. А. Конюков, Н. Скрыппев), способствовавшие освещению ряда конкретных вопросов аграрной истории.

История гражданской войны и интервенции разрабатывалась слабо. Привлекают внимание отдельные монографии, посвященные частным вопросам, например, Е. А. Болтина о контрнаступлении Южной группы Восточного фронта в 1919 г. (1949 г.), Р. Н. Мордвинова о Волжской военной флотилии (1952 г.). Нужно отметить, что в литературе о гражданской войне продолжалось восхваление И. В. Сталина и его роли в победе над белогвардейцами и интервен-

тами. Однако, в отличие от 30-х гг., делалось это более утонченно. Например, высказывалось мнение об одинаковом значении для советской власти Восточного и Южного фронтов в 1918 г.

Как положительное явление следует рассматривать монографические разработки по истории создания Красной Армии, отдельным вопросам мобилизации экономики страны и национально-государственного строительства. Большое внимание было уделено исследователями истории интервенции.

Вопрос о *переходе к НЭПу* в историографии второй половины 40-х – начала 50-х гг. трактовался в какой-то мере традиционно. Писалось о неизбежности отказа от политики «военного коммунизма», достаточно сложная ситуация 1921 г. значительно упрощалась. Примером может служить опубликованный в 1952 г. обзорный курс лекций А. А. Матюгина и Д. А. Чугаева.

Перелом в подходах к НЭПу произошел в середине 50-х гг., когда вышли монография Э. Б. Генкиной о переходе к НЭПу (1954 г.) и коллективный труд «СССР в период восстановления народного хозяйства» под редакцией А. П. Кучкина, Ю. А. Полякова, С. И. Якубовской (1955 г.). В них впервые была предпринята попытка комплексного исследования всего этапа 1921-1925 гг.

Большие сдвиги произошли в изучении *истории образования СССР*. В 1947 г. были изданы взаимодополняющие друг друга книги С. И. Якубовской об объединительном движении за образование СССР в 1917-1922 гг. и Э. Б. Генкиной о самом процессе союзного строительства. В середине 50-х гг. с историко-правовых позиций данную проблему попытались осветить Д. Л. Златопольский (1954 г.), О. И. Чистяков (1955 г.). Причем в работах юристов наметилась более свободная трактовка ряда моментов процесса образования СССР, что обусловлено, конечно, изменением историографической ситуации. Например, О. И. Чистяков отмечал условность принятой терминологии, в частности, терминов «военный союз», «военно-хозяйственный

союз». В то же время проблему периодизации отношений между республиками до образования СССР авторы решали в духе резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу.

В послевоенные годы на передний план в исследованиях стала выдвигаться проблема *индустриализации* страны. В основу ее разработки легла высказанная в 1946 г. И. В. Сталиным мысль о коренных отличиях советского метода индустриализации от капиталистического. «Вождь народов» назвал одно из таких отличий: в капиталистических странах индустриализация обычно начиналась с легкой промышленности. Партия отвергла «обычный» путь и начала с развертывания тяжелой индустрии. Данный тезис фактически иллюстрировался в работах второй половины 40-х – начала 50-х гг. (А. Леонтьев, Э. Ю. Локшин, К. А. Петросян, И. М. Бровер).

Положительным моментом стоит назвать изучение *индустриализации* в отдельных регионах: С. Н. Малинин – Белоруссия; С. Зиядуллаев, И. Монохнн – Узбекистан; С. Б. Баишев, П. Кийкбаев, Г. Н. Чуланов, Г. Ф. Дахшлейгер – Казахстан. Однако при этом исследователи не видели различия между понятиями «индустриализация СССР» и «индустриализация республики».

Исследование истории *коллективизации* сельского хозяйства было основано на положениях «Краткого курса» истории ВКП(б) и работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Поэтому тематика работ сводилась, в основном, к характеристике «года великого перелома» (Н. Н. Черноморский, П. Н. Шарова, С. П. Трапезников, Г. М. Овсянников). Особое место в историографии того периода занимала монография М. А. Краева «Победа колхозного строя в СССР» (1954 г.), явившаяся наиболее полным описанием аграрной истории первых двадцати лет советской власти.

Серьезные шаги были предприняты по изучению истории Великой Отечественной войны, в ходе которого была выработана периодизация военных действий: с 22 июня 1941 г. до начала разгрома

немецко-фашистских войск под Сталинградом (18 ноября 1942 г.) – период активной обороны; с 19 ноября 1942 г. до конца 1943 г. – период коренного перелома в ходе войны; 1944 г. – период решающих побед, «десяти сталинских ударов»; с января до сентября 1945 г. – завершающий период Великой Отечественной войны. Она была основана на высказываниях и оценках И. В. Сталина. В мае 1955 г. в «Очерках истории Великой Отечественной войны» было внесено уточнение и наименование начального этапа войны – он был назван периодом срыва плана «молниеносной» войны фашистской Германии, подготовки условий для коренного перелома в ходе войны.

В первое послевоенное десятилетие в литературе преобладали работы военно-исторического характера, анализировавшие отдельные операции войны (В. С. Тельпуховский, В. А. Захаров, В. В. Возненко, Г. М. Уткин, М. М. Минасян, Н. Д. Степанов, М. И. Толышев). В 1948 г. вышла книга заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», содержащая глубокий анализ функционирования экономики страны в годы войны. Однако в связи с репрессированием автора ее историографическое значение было заметно снижено. Н. А. Вознесенский был обвинен в попытках подогнать цифры под уже имевшееся мнение.

В рассматриваемый период были предприняты первые шаги по изучению послевоенной советской истории. Основное внимание было уделено социально-экономическому развитию страны (А. Викентьев, Ф. Кошелев). Большое число работ было посвящено сельскохозяйственному производству (Ю. В. Арутюнян, М. А. Вылцан, М. А. Краев, Н. И. Анисимов), что объяснимо воздействием сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, указавшего на причины отставания сельского хозяйства.

Период второй половины 40-х – середины 50-х гг. – последние годы сталинского руководства страной и первые годы новой после-

сталинской эпохи. Их особое место в истории исторической науки обусловлено наличием мощного давления на умы и взгляды историков со стороны сталинизма и довольно резким переходам к принципиально новым условиям работы после 1953 г. Однако говорить об их возникновении можно лишь с известными оговорками, так как идеология продолжала оставаться под жестким партийным контролем.

Список источников и литературы

1. Балашов, В. А. Историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.) : учебное пособие / В. А. Балашов, В. А. Юрченков. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1994. – 190 с.

2. Барсенков, А. С. Советская историческая наука и послевоенные годы (1945-1955) / А. С. Барсенков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 141 с.

3. Городецкий, Е. Н. Журнал «Вопросы истории» в середине 50-х годов / Е. Н. Городецкий // Вопросы истории. – 1989. – № 9. – С. 69-80.

4. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М. : Учпедгиз, 1949. – 510 с.

5. Греков, Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века / Б. Д. Греков. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. – 961 с.

6. Доклад Э. Н. Бурджалова о состоянии советской исторической науки и работе журнала «Вопросы истории» (на встрече с читателями 19-20 июня 1956 г. в Ленинградском отделении Института истории АН СССР) // Вопросы истории. – 1989. – № 9. – С. 81-96.

7. Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. В 2 т. / Н. М. Дружинин. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1946-1958. – Т. 1. – 636 с; Т. 2. – 617 с.

8. Евсеева, Е. Н. О догматизме в историческом исследовании / Е. Н. Евсеева // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 3. – С. 117-119.

9. Историография истории СССР (эпоха социализма) : учебник / под ред. И. И. Минца. – М. : Высш. школа., 1982. – 336 с.

10. Нечкина, М. В. Движение декабристов. В 2 т. / М. В. Нечкина. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – 483 с; Т. 2. – 506 с.

11. Простоволосова, Л. Н. Мы учим советских людей, а не древних греков (Из истории вузовской исторической науки конца 30-40-х гг.) / Л. Н. Простоволосова, А. Л. Станиславский // История СССР. 1989. – № 6. – С. 92-104.

12. Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во АН СССР, 1948. – 792 с.

13. Трибицов, Ю. М. Необоснованные претензии на серьезное изучение важной темы / Ю. М. Трибицов // Вопросы истории. – 1989. – № 2. – С. 152-155. .

6. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СЕРЕДИНЕ 50-Х – 60-Е ГОДЫ XX В.

6.1. Советская историческая наука в эпоху «оттепели»

«Оттепель» общественно-политической жизни страны оказала влияние и на условия развития исторической науки. Закончился послевоенный восстановительный период, произошла переоценка ценностей. Усилилась волна критических выступлений снизу. Перед страной стояла альтернатива – или десталинизация, или возобладание старых сил, цепляющихся за отживающее. Все это и определило историографическую ситуацию данного этапа развития отечественной исторической науки.

XX съезд КПСС и опубликованное вскоре постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», положившие начало обновлению страны, были знаменательной вехой для исторической науки. Началась борьба с догматизмом и стал восстанавливаться метод творческих дискуссий как главное средство решения спорных вопросов. В какой-то мере программным для исторической науки послужило выступление на съезде академика А. М. Панкратовой, которая говорила об уроне, нанесенном культом личности исторической науке, об умалении роли народных масс в истории, о серьезном отставании в развитии общественных наук, особенно в изучении советского общества. Достаточно сильно прозвучало в ее речи положение о необходимости критического рассмотрения национально-колониальной политики царизма, раскрытия национальных движений, освобождения от стереотипных оценок захватнических войн царской России – как войн всегда справедливых (XX съезд КПСС: Стенографический отчет. – М., 1956. – Т. 1. – С. 619-625).

Аналогичные мысли, однако с более глубокой проработкой и аргументацией, были высказаны Э. Н. Бурджаловым в записке о со-

стоянии исторической науки. Ее пять разделов охватили наиболее важные и требующие разработки проблемы: вопросы истории КПСС, национально-освободительные движения и колониальная политика царизма, вопросы внешней политики и международных отношений, история общественной мысли, характер руководства исторической наукой. Каждый из разделов содержал последовательную критику стереотипов сталинизма и намечал пути их преодоления:

1-й раздел – отмечалась характерная для историко-партийных работ тенденция к лакировке действительности, замалчивание трудностей, ошибок и поражений;

2-й раздел – указывалось на отступления от принципов интернационализма и проявления великодержавного шовинизма при оценке национально-освободительных движений народов России;

3-й раздел – выявлялось стремление усмотреть традиции дружбы народов не в связях революционного и рабочего движения разных стран, а исключительно в союзе правительств этих стран;

4-й раздел – отмечалась изолированность изучения общественных идей в России от Запада и принижение значения французского просветительства, немецкой классической философии;

5-й раздел – высказывалась идея создания общества историков, предлагалось организационно оформить сеть исторических журналов и т. п.

Нельзя сказать, что историческое разоблачение культа личности И. В. Сталина шло гладко и быстрыми темпами. Имелось внутреннее, носящее чисто субъективный характер сопротивление, хорошо показанное Н. С. Хрущевым в воспоминаниях. Он писал: «В течение трех лет мы не могли порвать с прошлым, собраться с мужеством и решиться поднять покров тайны, скрывавшей от нас правду об арестах, судебных процессах, казнях и произволе, обо всем, что произошло в годы правления Сталина. Казалось, что мы были скованы как цепями своими собственными действиями под руководством Сталина...»

(Цит. по: Городецкий, Е. Н. Журнал «Вопросы истории» в середине 50-х годов / Е. Н. Городецкий // Вопросы истории. – 1989. – № 9. – С. 73).

Существовало и внешнее противодействие различных уровней. Давление со стороны отдельной части партийных руководителей было зафиксировано в документах июньского Пленума ЦК КПСС 1957 г. «Тт. Маленков, Каганович и Молотов, – говорилось в его постановлении, – упорно сопротивлялись тем мероприятиям, которые проводил Центральный Комитет и вся наша партия по ликвидации последствий культа личности, по устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности и созданию таких условий, которые исключают возможность повторения их в дальнейшем» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд. – М., 1971. – Т. 7. – С. 269). В. И. Молотов грубо вмешивался в работу редакции «Правды», требуя «прекратить критиковать Сталина». Были отмечены факты противодействия и со стороны отдельных историков, целых коллективов. Например, на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова и на кафедре истории КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС прошли обсуждения публикаций журнала «Вопросы истории», который наиболее активно выступал за ликвидацию последствий культа личности. Они сопровождались требованиями репрессий, в выступлениях звучали обвинения в духе 1937 и 1949 гг. в «национальном нигилизме», «ревизионизме». Профессор Д. И. Надточеев заявил, например: «Кто выступает против Сталина, тот выступает против нашей партии».

Наличие сопротивления и целый ряд иных факторов, прежде всего идеологического плана, определили нерадикальность и непоследовательность политики десталинизации. Создавались условия, мешающие целенаправленной исследовательской работе. Порой сам Н. С. Хрущев заявлял о том, что в науке и культуре были люди, которые «теряли шаг, спотыкались об обломки прошлого, сбивались с пу-

ти сами и пытались мешать другим», что приводило к поиску «спотыкающихся».

Ограниченные возможности, противоречивость и иллюзорность идейно-теоретических исканий свидетельствовали о методологическом кризисе исторического знания в СССР, выход из которого попытались найти в обращении к наследию классики марксизма-ленинизма. В 1955 г. началась публикация второго собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в 39 томах, включавшая около 1600 произведений и 4000 писем (завершено в 1966 г.). Продолжал выходить «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Свет увидели труды, отразившие духовные искания К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1957 г. было принято решение о публикации полного собрания сочинений В. И. Ленина, осуществленное к 1965 г. В связи с этим активизировались исследования, связанные с ленинским теоретическим наследием, с анализом вклада основателя партии в развитие марксизма. В течение 1957-1959 гг. в свет вышел пятитомник «Избранных философских произведений» Г. В. Плеханова, хотя в полную силу историки не смогли воспользоваться его трудами в качестве методологического источника обновления своей науки.

Попытки методологического обновления исторических исследований фактически провалились в результате выдвижения партийным руководством утопических формул о «всемирно-исторической победе социализма». Они, «сформулированные в виде сбывшихся пророчеств, явились отправным моментом для постановки более высокой задачи – обеспечить "постепенное перерастание социализма в коммунизм"» (Наумов, В. П. Об историческом кути КПСС в свете нового мышления / В. П. Наумов, В. В. Рябов, Ю. И. Филиппов // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 10. – С. 6).

Историки, как и все обществоведы, были вынуждены растративать свои усилия на ложно-теоретические импровизации вокруг таких «актуальных» проблем, как пути превращения социалистического

труда в коммунистический, условия преодоления существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом и т. п. Нельзя не согласиться с авторами коллективной монографии «XX съезд КПСС и его исторические реальности», которые утверждали: «Примат теории, родившейся не из реалий, а из доктринальных схем подновленного, облагороженного сталинизма, определял облик всех отраслей обществоведения в 50-60-е годы. Дистанция от заблуждений к прозрению оставалась огромной» (XX съезд КПСС и его исторические реальности. – М., 1991. – С. 255).

Гораздо более успешно развивалась источниковая база исторической науки. Исторический факт становился воздухом ученого, благодаря недолгой, типичной для второй половины 50-х – начала 60-х гг. открытости архивов. Если в 1947 г. в читальных залах системы Государственного архивного управления получили доступ к документам более 4 тысяч человек, то в 1957 г. – свыше 23 тысяч. Расширению источниковой базы способствовала публикаторская деятельность Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Начался выпуск многотомных «Протоколов ЦК РСДРП(б) – РКП(б)», переписки секретариата ЦК партии с местными организациями. Увидели свет протоколы Русского бюро ЦК РСДРП(б), материалы мартовского совещания большевиков в 1917 г. и т. д.

Определенные изменения произошли в структуре исторической науки. Организационными центрами исторических исследований стали научные советы по крупным проблемам при АН СССР, функция которых заключалась в координации исследовательской работы в масштабах всей страны. Наиболее важными были научные советы по следующим проблемам: закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой; основные закономерности и особенности развития России в период империализма; история Великой Октябрьской социалистической революции; закономерности развития социализма и перехода к

коммунизму; история внешней политики СССР и международных отношений; история международного рабочего и национально-освободительного движения; история исторической науки. Возникли научные советы по славяноведению, востоковедению, в 1958 г. начал свою работу Симпозиум по аграрной истории стран Восточной Европы.

Фактом, влияющим на историческую ситуацию конца 50-60-х гг., явилась подготовка к изданию ряда коллективных трудов. В 1957 г. было принято решение об издании «Советской исторической энциклопедии», которая стала выходить с 1961 г. После издания учебника по истории КПСС, подготовленного коллективом под руководством академика Б. И. Пономарева (1959 г.), началась работа над многотомной историей партии. Первые книги этого труда увидели свет в 1964-1967 гг. В 1957-1960 гг. выпуском третьего – пятого томов было завершено издание «Истории гражданской войны в СССР». В 1960-1965 гг. вышли в свет шесть томов «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза». Вновь была поставлена задача создания многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». В 1961 г. «Вопросы истории» опубликовали её план-проспект, а во второй половине 60-х гг. вышли тома первой серии.

Академик Н. М. Дружинин высоко оценил работу над коллективными трудами. В интервью журналу «Вопросы истории» в 1969 г. он говорил: «Наиболее эффективной формой научных связей является совместная подготовка коллективных монографий и крупных обобщающих трудов. Разработка плана издания, мобилизация и изучение обширного материала, обсуждение и редактирование представленных текстов требуют в таких случаях продолжительной совместной работы, коллективных поисков наиболее правильных решений, согласования различных разделов и общих выводов» (Дружинин, Н. М. Избранные труды: Воспоминания, мысли, опыт историка / Н. М. Дружинин. – М., 1990. – С. 401). В то же время следует учитывать и то, что в коллективных трудах изложение материала строи-

лось чаще всего на основе несложной концепции, простота и доступность которой закладывалась в самом привлечении к написанию труда значительного числа специалистов.

В 50-60-е гг. довольно плодотворно стало развиваться сотрудничество отечественных историков с их зарубежными коллегами. Особое значение имели международные симпозиумы и конгрессы. В сентябре 1955 г. в Риме состоялся X конгресс историков, в работе которого приняла участие советская делегация (21 человек). Наибольший интерес вызвали сообщения Л. В. Арциховского об археологических открытиях в Новгороде и В. Б. Пиотровского о раскопках урартской крепости на холме Калмир-Блур. В 1960 г. в Стокгольме на XI конгрессе историков присутствовала делегация в 42 человека. Выступления советских ученых были посвящены достаточно большому спектру проблем: М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, Л. В. Арциховский осветили отдельные проблемы русского средневековья; П. Л. Сидорова и С. Д. Сказкин коснулись некоторых закономерностей общественного развития отдельных европейских стран в период зарождения капитализма; А. Л. Сидоров проанализировал структуру промышленности России в конце XIX в. На XII конгрессе историков в Вене (1965 г.) делегация советских исследователей составила уже 60 человек. Показательным было то, что прозвучали коллективные доклады: М. В. Нечкиной, В. Т. Пашуто, Е. Б. Черняка об эволюции исторической мысли в середине XX в., А. А. Губера и А. Ф. Миллера о политических и экономических изменениях в странах Азии и Африки в XX в.; А. Л. Сидорова, В. И. Бовыкина, П. В. Волобуева о проблемах первой мировой войны.

6.2. Изучение истории дореволюционного периода в середине 1950-х – 1960-е гг.

Тематически отечественная историческая наука продолжала разработку проблем, интерес к которым был традиционен.

Генезис феодализма на Руси с наибольшей полнотой был представлен Б. А. Рыбаковым, концепция которого изложена в главах коллективной монографии «Очерки истории СССР. III – IX вв.» (1958) и авторской работе «Первые века русской истории» (1964 г.). Он показал, что начавшийся у наиболее развитых славянских племен в первые века нашей эры кризис первобытных отношений к VI в. достиг отчетливых форм. Переход от подсечного земледелия к пашенному, который в лесостепных нечерноземных районах начался уже во II – V вв., а в лесостепной полосе с суглинистыми почвами – в IX – XI вв., повлек за собой перерождение большесемейной общины в территориальную. Неизбежное следствие этого – имущественная дифференциация и социальное неравенство, отчетливо проявившееся в восточно-славянской среде в VII и VIII вв. Именно на это время приходится возникновение в Поднепровье дружинных поселков – зародыша боярской усадьбы. Б. А. Рыбакову удалось установить существование в VI в. в бассейне Роси, притока Днепра и прилегающих к нему территорий устойчивого племенного союза, ставшего историческим ядром Киевской Руси. Он показал, что короткий период княжения норманнов на Руси был незначительным эпизодом, не оказавшим существенного влияния на формирование древнерусской государственности.

Концепция Б. А. Рыбакова была достаточно ярко проиллюстрирована археологическими работами В. И. Довженко, А. В. Кирьянова, В. П. Левашевой, которые показали большую древность земледельческой культуры на Руси. При изучении археологического материала к интересному выводу пришли исследователи Государственного исторического музея: русское крестьянское производство X – XIII вв. в своих основных чертах дожило до XIX.

Процесс становления феодально зависимого населения рассматривался Л. В. Черепниным и И. И. Смирновым. Л. В. Черепнин поднял вопрос о статусе сельского населения, именуемого смердами. По

его мнению, смерды являлись крестьянами-общинниками, находящимися в зависимости от феодального государства. Лишь позднее они перешли в зависимость от отдельных феодалов. И. И. Смирнов рассматривал эволюцию вотчины. В XI в., по его мнению, вотчина выступала феодальным хозяйством, основанным на эксплуатации труда различных групп челяди, а ее социальным антиподом была вервь, выступавшая внешним, чуждым миром. В XII – XIII вв. их антагонизм ликвидируется, вервь оказывается включенной в сферу феодальных отношений и феодальной зависимости. Возникновение этих новых черт знаменовало переход от раннефеодальной вотчины к вотчине – сеньории развитого феодализма.

Большой интерес представляют вышедшие в конце 50-60-х гг. работы по истории материальной и духовной культуры Древней Руси. Данная тематика получила отражение в работах Д. С. Лихачева, М. К. Каргера, И. П. Еремина и др. Однако особо следует выделить вышедшую в 1961-1962 гг. двухтомную монографию И. Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси XII – XV вв.», удостоенную Ленинской премии. Автор не только раскрыл величие русского зодчества, но и показал его значение для изучения политической и социально-экономической истории. Отметим и вышедшую в 1963 г. монографию Б. А. Рыбакова «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи», в которой была предпринята попытка комплексного освещения духовной культуры Руси.

В 1963 г. историк А. А. Зимин высказал мнение о подражательном характере «Слова о полку Игореве», что вызвало «взрыв» в академических кругах и «дискуссию» в Отделении истории АН СССР. А. А. Зимин считал автором «Слова о полку Игореве» монаха XVIII в. Иоилия Быковского. Н. И. Павленко вспоминает: «Последующие события развивались так: рукопись Зимина была тиражирована в нескольких десятках экземпляров, каждому из них, как архисекретному документу государственной важности, был присвоен номер. Рукопись

под расписку раздали избранному кругу специалистов, которые в мае 1964 г. участвовали в закрытом ее обсуждении. Дерзость Зимина была осуждена, отменена его научная командировка в Болгарию, а монография не опубликована и поныне» (Павленко, Н. И. Историческая наука в прошлом и настоящем / Н. И. Павленко // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 97). Фактически А. А. Зимина поддержал лишь В. Б. Кобрин, который в рецензии на обсуждаемую книгу написал: «Заслугой А. А. Зимина является большая научная честность, щепетильность, добросовестность. Он приводит не отдельные факты, вырванные из окружения, а все факты, в том числе и такие, которые, на первый взгляд, говорят не в его пользу. Именно поэтому так убеждает его аргументация, именно поэтому самый придирчивый взгляд (даже человека, не разделяющего его основных положений) не найдет в работе А. Л. Зимина, следовательно, вольной или невольной подтасовки, подгонки фактов под концепцию» (Цит. по: Юрганов, Л. Л. Творческое наследие В. Б. Кобрин в контексте истории исторической науки / Л. Л. Юрганов // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 14).

В рассматриваемое время в изучении развитого феодализма ведущей оставалась социально-экономическая тематика, однако по сравнению с предшествующими этапами в литературе появлялись новые моменты:

1) углубленному изучению подвергалась история производительных сил периода феодальной раздробленности (В. П. Левашева, А. В. Кирьянов, Г. Е. Кочин, А. Д. Горский);

2) детальнее стали представления о сельских промыслах средневековой Руси (А. В. Успенский, В. Л. Мальм и др.);

3) пересматривались утвердившиеся в литературе представления об эволюции феодальной земельной ренты (А. П. Пьянков, А. Д. Горский, Л. В. Черепнин).

Среди монографических работ по социально-экономической тематике стоит выделить наиболее значимые. В 1965 г. вышла в свет книга Г. Е. Кочина о сельском хозяйстве в период образования Российского централизованного государства, в которой был поставлен вопрос о связи уровня развития земледелия в отдельных частях страны с колонизацией и формированием великорусской народности. В ходе дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма В. А. Голобуцким было высказано мнение о том, что «применение наемного труда в условиях развивающегося в недрах феодализма товарно-денежного хозяйства явилось... вполне достаточным показателем возникновения и развития буржуазных отношений» (Голобуцкий, В. А. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации / В. А. Голобуцкий // Вопросы истории. – 1959. – № 9. – С. 129). Эта мысль легла в основу изданной в 1960 г. в Смоленске монографии Д. П. Маковского «Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства XVI в.», который утверждал, что капиталистические отношения появились в России уже в XV в., но их становление было искусственно прервано крепостнической реакцией второй половины XVI в. Отношение большинства специалистов к работе Д. П. Маковского выразила Л. В. Данилова, которая писала: «Нужно безусловно согласиться с Д. П. Маковским в том, что централизация государства имела не только положительные, но и известные отрицательные последствия для экономического развития России. Но общие выводы работы – выводы о возникновении капиталистического уклада в России в конце XV в., а затем, спустя столетие, гибели его вследствие распространения крепостничества и разорения, вызванного опричниной, а позже польско-шведской интервенцией – не убедительны» (Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. – М., 1962. – С. 61).

Политическая история феодальной России, относительно слабо разрабатываемая прежде, становится во второй половине 50-60-х гг.

объектом пристального внимания. Уже в 1956 г. вышла в свет монография В. Т. Пашуто «Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век)», в которой автор характеризует политический строй Руси того времени как органическое порождение социально-экономических отношений. Развитие этой идеи можно проследить в фундаментальной работе Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV – XV вв.» (1960 г.). Уделив большое внимание складыванию новых форм феодальной земельной собственности и аграрных отношений, Л. В. Черепнин пришел к выводу о крепостничестве не только как следствии, но и предпосылке централизации. Составными частями концепции Л. В. Черепнина явилось рассмотрение воздействия на процесс образования централизованного государства классовой борьбы в городе и деревне роста товарно-денежных отношений и т. п.

В начале 60-х гг. с попыткой пересмотра сложившихся в историографии воззрений на *возникновение централизованного государства* выступил А. М. Сахаров, который обосновал коренное отличие процесса централизации в России от аналогичных явлений в Западной Европе. По его мнению, в Западной Европе социально-экономической базой централизации был рост городов и формирование класса мелкой буржуазии. Базой же Русского централизованного государства, в его трактовке, служило расширение феодальной земельной собственности и рост феодальной зависимости крестьянства.

В мае 1956 г. историки Москвы и Ленинграда обсуждали яркий полемический доклад С. М. Дубровского «О культе личности и некоторых работах по вопросам истории (об оценке Ивана IV и других)», положивший начало переосмыслению истории XVI в. Докладчик призвал покончить с идеализацией Ивана IV Грозного и признал бессмысленность опричной политики и борьбы с боярством. Установление самодержавия С. М. Дубровский трактовал как явление отрицательное. В ходе обсуждения участники дискуссии призвали соблю-

дать принцип историзма и не впадать в крайности. Было отмечено, что С. М. Дубровский сам представляет роль Ивана IV Грозного нечетко. С одной стороны, в его трактовке, царь выступает результатом деятельности определенного класса, с другой – некоторые существенные моменты истории России XVI в. представляются только как результат личных действий Ивана Грозного. Дискуссия заметно активизировала изучение истории XVI в. Уже в 1958 г. вышла монография И. И. Смирнова «Очерки политической истории Русского государства 30-50-х годов XVI в.», в которой автор пришел к выводу о дворянском характере политики Ивана Грозного. Он обоснованно критиковал традицию подмены вопроса о правительстве 50-х гг. XVI в. проблемой «Избранной Рады». И. И. Смирнов сделал заключение по поводу развития государства, выраженного «прежде всего в росте и развитии бюрократического аппарата – в росте роли и значения приказов и дьяков». В 1960 г. вышла монография А. А. Зимина «Реформы Ивана Грозного», спустя четыре года ее продолжение – «Опричнина Ивана Грозного». В отличие от И. И. Смирнова он негативно оценил деятельность Ивана Грозного, подчеркнул грубо насильственный характер его политики. Аналогичные оценки содержала вышедшая в 1963 г. книга С. Б. Веселовского «Исследования по истории опричнины».

Дальнейшая разработка истории эпохи Ивана Грозного связана с именем Р. Г. Скрынникова, который далее всех отошел от предшествующих воззрений на опричнину. В 1966 г. он выпустил книгу «Начало опричнины», в 1969 г. – «Опричный террор». Р. Г. Скрынников разделил историю опричнины на два периода. В первый, завершившийся Собором 1566 г., опричнина имела ярко выраженную антикняжескую направленность, подорвала политическое влияние княжеской аристократии и привела к крушению княжеско-вотчинного землевладения. Опричные мероприятия и сопровождающие их злоупотребления затронули интересы старомосковской знати и широких

кругов дворянства, что вызвало всеобщую оппозицию в среде феодалов. Пытаясь упрочить свое положение, монархия прибегла к массовому террору. Начался второй этап в истории опричнины.

Особое место в исследованиях истории XVI в. занимают работы о системе государственной власти и отдельных ее элементах. Интересны работы В. Б. Кобринина о местничестве, С. О. Шмидта о дьячестве, А. К. Леонтьева об организации приказной системы, М. Н. Тихомирова о земских сборах. Новый аспект проблемы был впервые проанализирован Н. Е. Носовым в монографии «Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века» (1957 г.). Он обратился к истории местной власти – созданию института городских приказчиков, осуществлению первых этапов губернской реформы. Им же был наиболее глубоко проработан вопрос о существовавшей, но нереализованной возможности развития России по пути сословно-представительной монархии. Этому была посвящена вышедшая в 1969 г. книга «Становление сословно-представительных учреждений в России».

При характеристике работ, посвященных XVI в., стоит назвать монографию М. Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии» (1962 г.), представляющую собой чуть ли не единственное историко-географическое исследование. Анализируя специфику различных областей страны, автор выступил против тех концепций, которые были склонны преувеличивать степень централизации и смешивать могущество великого князя с понятием централизации.

История России XVII – XVIII вв. в конце 50-60-х гг. XX в. исследовалась слабо и чаще всего в связи с дискуссией о *«восходящей»* и *«нисходящей»* стадиях феодальной формации. В ходе ее большинство ученых отнесли зарождение буржуазных отношений к XVII в., однако в оценке степени развития этого процесса имелись существенные различия. А. Г. Маньков, например, в вышедшей в 1962 г. монографии «Развитие крепостного права в России второй половины

XVII века» показал усиление крепостничества в XVII в. В. И. Шунков доказал феодальный характер общественно-экономических отношений на материалах Сибири XVII в. Достаточно четко заявила о своей позиции в монографии о формировании пролетариата в XVII – XVIII вв. А. М. Панкратова, которая писала: «Ни в XVII, ни далее в XVIII в., за исключением двух – трех последних его десятилетий, не может быть и речи ни о капитализме, ни о пролетариате...». Иную позицию занимала группа исследователей, поддержавших концепцию С. Г. Струмилина об экономическом развитии страны. В 1966 г. вышла монография А. Н. Сахарова о русской деревне XVII в., написанная по материалам патриаршего хозяйства. Автор доказывал, что постепенное развитие денежной ренты и вообще вся эволюция форм ренты, включая их унификацию и деление районов на барщинные и оброчные, происходили под влиянием роста товарно-денежных отношений и что в русской деревне XVII в. появились буржуазные тенденции, носителем которых было крестьянство. В. Я. Кривоногов на примере горнозаводской промышленности Урала пытался доказать капиталистический характер мануфактур того времени.

В какой-то мере компромиссную позицию занимали исследователи истории XVIII в. Н. И. Павленко в монографии по истории металлургии в России в XVIII в. (1962 г.) писал о сложном переплетении феодальных и капиталистических элементов в промышленности. К осторожному выводу о формировании капиталистического уклада в области сельского хозяйства с 60-х гг. XVIII в. пришел П. Л. Рубинштейн в своей книге о сельскохозяйственном производстве и крестьянстве (1962 г.).

Значительный материал по социально-экономической истории XVIII в. содержится в монографиях Э. С. Когана о вотчинах Куракиных в Пензенской и Саратовской губерниях (1960 г.), И. А. Булыгина о крестьянском хозяйстве на примере Пензенской губернии (1966 г.),

С. А. Волкова о крестьянах дворцовых владений (1959 г.), Е. И. Индовой о дворцовом хозяйстве в первой половине XVIII в. (1964 г.).

Из *политической истории* XVII – XVIII вв. разрабатывались, преимущественно, сюжеты о классовой борьбе. В 1958-1961 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» развернулась дискуссия по ряду спорных вопросов по истории крестьянской войны начала XVII в. В ней приняли участие А. А. Зимин, И. И. Смирнов, В. И. Корецкий, Р. В. Овчинников, И. М. Скляр, С. С. Лурье. Начало обсуждению положила статья А. А. Зиминой, который предложил включить в понятие крестьянской войны начала XVII в. все события классовой борьбы этого периода. Он считал, что крестьянская война начала XVII в. задержала наступление крепостничества и содействовала колонизации юга и Сибири вследствие перемещения масс беглого населения. С общей постановкой вопроса участники дискуссии согласились, однако утверждение А. А. Зиминой о том, что война затормозила процесс закрепощения русских крестьян, признано было неубедительным. Закрепощение русских крестьян в основном уже было завершено до начала войны. Колебания в законодательстве первой половины XVII в. касались лишь срока сыска беглых.

Среди работ, посвященных крестьянской войне под руководством С. Т. Разина, следует отметить книгу В. И. Лебедева, содержащую краткий обзор восстания. Первым же фундаментальным исследованием стала монография И. В. Степанова (1966 г.). Об отдельных событиях войны писали И. П. Паньков, И. Р. Романов, Е. В. Чистякова, А. Л. Шапиро. Достаточно широко изучалась крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева. На базе исследований хода войны в различных регионах страны была написана трехтомная коллективная монография «Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева» (1961-1970 гг.). В начале 60-х гг. Е. П. Подъяпольской была высказана мысль, ставившая

восстание под руководством К. Булавина в один ряд с крестьянскими войнами.

Результаты специальных исследований попытались синтезировать И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин в коллективной работе «Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв.» (1966 г.). Однако даже после ее выхода многие вопросы не были решены. Например, не была выявлена направленность крестьянских войн: был ли это протест против феодального строя в целом или же только против крепостничества как его наиболее жесткой и грубой формы.

Достаточно прочным был интерес к эпохе Петра I. Продолжалось издание возобновленной в 1946 г. серии документов и материалов «Письма и бумаги Петра Великого». Вышли в свет сборники статей, посвященные 250-летию Полтавской битвы. В конце 50-х гг. были опубликованы фундаментальные исследования Л. А. Никифорова и С. А. Фейгиной по истории внешней политики и дипломатии России на заключительном этапе Северной войны.

В 1968-1971 гг. в журналах «История СССР» и «Вопросы истории» была проведена дискуссия об абсолютизме в России, начатая по инициативе А. Я. Авреха. В апреле 1968 г. он выступил на советско-итальянской конференции с обоснованием тезиса об относительной самостоятельности государства в России, которое наряду с интересами господствующего класса обеспечивало и общенациональные интересы, и это дало ему массовую социальную базу – крестьянство. В абсолютной монархии он видел прототип буржуазного государства, противопоставляя ее деспотической форме, неограниченной самодержавной власти. А. Я. Аврех был поддержан П. В. Волобуевым и Н. И. Павленко, с критикой выступила М. В. Нечкина. К сожалению, дискуссия не была завершена, но она показала необходимость учета конкретно-исторической обстановки возникновения абсолютизма.

Разложение феодальных и развитие капиталистических отношений явились центральными проблемами истории России первой половины XIX в., активно разрабатываемыми исследователями конца 50-60-х гг. В центре внимания оказались категории крестьянства. В 1959 г. вышла книга Н. П. Гриценко об удельных крестьянах Среднего Поволжья. Поскольку в регионе была сосредоточена половина всех удельных крестьян России, выводы исследователя распространялись на всю категорию. Н. П. Гриценко удалось показать два типа явлений: деградация под влиянием тяжелой зависимости крестьян от удела и некоторое расширение экономической самостоятельности крестьянского хозяйства благодаря неотвратимым изменениям хозяйственной жизни. Одновременно увидела свет монография И. Д. Ковальченко «Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в.». Исследователь пришел к выводу, что кризис возник в 30-е гг. XIX в. в результате энергичного наступления помещиков на крестьянское хозяйство, выразившегося в форме сокращения наделов и повышения феодальных повинностей. Это происходило как раз в то время, когда крестьянское хозяйство и без того претерпевало большие трудности, сложившиеся к 20-м гг. XIX в. В основе разорительной политики помещиков лежала их сильно укрепившаяся связь с рынком.

С именем И. Д. Ковальченко связано первое в отечественной историографии использование методов математической статистики применительно к материалу первой половины XIX в. С наибольшей полнотой результаты подобных исследований были изложены им в монографии «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века» (1967 г.). И. Д. Ковальченко удалось дать оригинальные решения некоторых основополагающих проблем перехода от феодализма к капитализму:

1) исследователь доказал, что развитие товарно-денежных отношений в деревне не могло быть завершено в рамках феодально-крепостнической системы;

2) показал определяющее влияние товарно-денежных отношений в условиях кризиса феодально-крепостнического строя не только на помещичьи, но и на крестьянские хозяйства;

3) установил неоднородность процесса расслоения крепостного крестьянства, который мог проходить начальную стадию даже во время кризиса феодально-крепостнических отношений,

Большое внимание продолжала привлекать к себе тема *отмены крепостного права*, центральное место в изучении которой заняли труды П. А. Зайончковского. Он первым отошел от трактовки законоположений 1861 г. в формально-юридическом плане и обратился к анализу уставных грамот. Чрезвычайно важное значение имело выявление П. А. Зайончковским факта определения размеров крестьянского наделного земледелия и условий получения наделной земли не только уставной грамотой.

Пореформенное развитие села России в конце 50-60-х гг. исследовалось значительно слабее. Трудности в изучении данного периода были обусловлены нерешенностью вопроса о путях эволюции крестьянского хозяйства и преобладающих его типах. Сложность проблемы одной из первых осознала П. И. Малахинова, выпустившая в 1962 г. в Улан-Удэ монографию «О двух типах аграрной революции в России».

Особый интерес исследователей вызвало *крестьянское движение XIX в.* Наиболее ценными из вышедших в рассматриваемое время можно назвать работы И. И. Игнатович о выступлениях крестьян первой четверти XIX в. (1963 г.), Я. И. Линкова о крестьянских выступлениях 1825-1861 гг. (1952 г.). Характерной чертой изучения крестьянского движения явился поиск новых подходов. Уже в начале 60-х гг. В. А. Федоров попытался собрать и изучить требования кре-

стьян, то есть исследовать идейную сторону движения. Дальнейшее развитие этой тенденции четко просматривается в интересе к общественному сознанию крестьянства, о чем свидетельствуют монографии А. И. Клибапова о социальных утопиях в крестьянских движениях (1966 г.), Л. А. Когана о крепостных вольнодумцах (1966 г.), К. В. Чистова о народных социально-утопических легендах (1967 г.). Другой подход к традиционной теме наблюдается у Б. Г. Литвака, предложившего в 1967 г. изучать крестьянское движение методами статистики. Кроме того, в 60-е гг. обнаружилась нелепость формулы «положение крестьянства ухудшалось». На смену пришли менее жесткие формулировки: «Петля крепостничества затянулась туже», «нищета возросла».

Важнейшим направлением изучения истории России XIX в. явилось исследование *генезиса и развития капитализма в промышленности*. В этой связи встал вопрос об уточнении датировки и сущности промышленного переворота. В 1958 г. появилась статья Б. Л. Цыпина, который значительно ограничивал представления о перевороте как в территориальном, так и в отраслевом отношении. Крупнейший знаток экономической истории России В. К. Ядунский предложил свое видение проблемы. Он разбил развитие промышленного производства дореформенного периода на два этапа. Первый, по его мнению, охватывал 1790-1835 гг. и характеризовался расцветом мануфактуры. Отличительная черта этапа – рост в обрабатывающей промышленности капиталистической мануфактуры, обгонявшей по размерам производства мануфактуру с принудительным трудом. Вторым этапом охватывал 1836-1860 гг., и его основным содержанием было начало промышленного переворота.

Серьезные шаги были сделаны в изучении торговли и финансов. Г. А. Дихтяр проанализировал состояние внутренней торговли, С. Я. Боровой изучил кредит и банки России. Однако наибольший интерес представляют работы И. Ф. Гиндина по истории экономиче-

ской политики правительства. Основной чертой правительственного курса он считал непосредственное вмешательство в хозяйственную жизнь, направленное на повышение доходности находившихся под покровительством царизма отраслей производства, отдельных предприятий или капиталистов.

Традиционной темой советской историографии является *история русского революционного движения и общественной мысли XIX в.* Историки второй половины 50-60-х гг. получили от предшествующих этапов в этом плане богатое наследство в виде введенных в научный оборот источников, исследований по общим и частным вопросам и т. д.

Историография декабризма пополнилась академическим изданием «Русской правды» П. И. Пестеля (1958 г.) и записок И. И. Горбачевского (1963 г.), что позволило существенно расширить источниковую базу. Наиболее крупными работами были монография С. С. Волка об исторических взглядах декабристов (1958 г.), книга Г. П. Шатрова «Декабристы и Сибирь» (1962 г.), исследование С. Б. Окуня о М. С. Луние (1962 г.). Впервые В. А. Федоровым монографически была разработана тема солдатского движения как составной части антикрепостнической борьбы, роли солдат в выступлениях декабристов.

Общественно-политическое движение второй четверти XIX в. получило детальное освещение в монографии И. А. Федосова (1958 г.). Он уточнил и расширил сведения о кружках братьев Критских, Сунгурова, привел данные о ранее неизвестных организациях. В связи с революционными кружками он осветил деятельность В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Принципиальное значение имел вывод И. А. Федосова о незавершенности процесса размежевания революционной и либеральной идеологии в 40-е гг. XIX в. Достаточно обширная литература была посвящена В. Г. Белинскому, различные аспекты деятельности которого освещались в книгах Ю. Г. Оксмана

(1959 г.), М. Я. Полякова (1960 г.), И. Я. Дьякова (1962 г.). Кирилло-Мефодиевскому обществу была посвящена вышедшая в 1958 г. монография П. А. Зайончковского. Автор положительно решил спорный вопрос о членстве Т. Г. Шевченко, которого он считал единственным представителем революционного направления в этой организации. В целом общество оценивалось как либерально-реформистское.

Особое место в изучении революционного движения в России занимает история петрашевцев, освещавшаяся в целом ряде работ. В. В. Богатов в вышедшей в 1958 г. монографии характеризовал петрашевцев как дворянских революционеров, антикрепостнические настроения которых определялись положением разорявшегося мелкопоместного и беспоместного дворянства. Н. К. Каратаев считал их либералами, постепенно переходящими на позиции демократов. Следствием подобных оценок определилась концепция о двух течениях в движении петрашевцев, которая не была поддержана большинством исследователей. Вышедшая в 1965 г. книга В. Р. Лейкиной-Свирской «Петрашевцы» подвела итоги изучения этой темы.

В 1962 г. был отмечен 150-летний юбилей А. И. Герцена, в ходе которого достаточно четко выявились две тенденции в изучении его жизни и деятельности: раскрытие мировоззрения и показ его как революционера и социалиста. Большее количество работ посвящалось другу и соратнику А. И. Герцена Н. П. Огареву (Я. Черняк, В. А. Путинцев, Е. Л. Рудницкая).

В 1958 г. при Институте истории АН СССР под руководством М. В. Нечкиной была создана проблемная группа по изучению революционной ситуации 1859-1861 гг., которая подготовила и издала семь томов сборников статей «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.». Кроме того, этой группой был переиздан ряд ценнейших источников («Колокол», «Полярная звезда», «Голоса из России»). Основными направлениями исследовательской деятельности группы были: 1) ленинская концепция революционной ситуации;

2) экономические предпосылки революционной ситуации; 3) крестьянское движение в стране и его особенности в годы революционной ситуации; 4) солдатское движение в годы революционной ситуации; 5) революционное движение в России и польское национально-освободительное движение 1863 г.; 6) деятельность Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева в годы революционной ситуации; 7) революционная деятельность «Земли и Воли» 60-х гг.; 8) студенческое движение в годы революционной ситуации; 9) кризис «верхов»; 10) революционное движение в различных регионах страны и на национальных окраинах.

Особый интерес при обобщении литературы по истории революционного движения в России представляет изучение народничества, спорным вопросам которого были посвящены дискуссии в журналах «Вопросы литературы» (1960-1961 гг.) и «История СССР» (1961-1962 гг.). Разногласия возникали при оценке сроков появления и характера народничества. Относительно сроков возникновения народничества были высказаны две точки зрения: 1) Б. П. Козьмин считал, что народническая доктрина была сформулирована уже в трудах Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена; 2) Ш. М. Левин доказывал, что оформление доктрины народничества произошло на рубеже 60-70-х гг. в произведениях П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева.

Объектом изучения во второй половине 50-60-х гг. служило рабочее движение как составная часть революционного движения. Исследования опирались на документы, воспоминания пролетарских руководителей (В. Г. Герасимов, П. А. Моисенко), архивные материалы. Историки проанализировали роль народников в вовлечении рабочих в борьбу с самодержавием, а также деятельность самих рабочих организаций. Особое внимание обращалось на связь рабочего движения с марксизмом. Процесс возникновения марксизма в России был изучен Ю. З. Полевым, издавшим в 1959 г. монографию по дан-

ной проблеме. Специалисты оценили ее в общем положительно, указав на спорность утверждения о существовании в России «рабочего утопического социализма».

В атмосфере относительной свободы конца 50-х – начала 60-х гг. в отечественной исторической науке стало формироваться «новое направление», характерной чертой которого было применение системного подхода к анализу исторических явлений эпохи империализма. В 1957 г. П. В. Волобуев заявил о необходимости изучения «взаимодействия отсталых и передовых черт в русской экономике» и определения значения и места в этой взаимосвязи в победе социалистической революции. В 1962 г. К. Н. Тарновский сделал вывод о существовании в литературе двух направлений при трактовке проблем государственно-монополистического капитализма. Споры шли вокруг тезисов о подчинении государственного аппарата самодержавия монополиям: степени влияния феодальных пережитков в экономическом и политическом строе и т. д. К. Н. Тарновский же определил понятие многоукладности как исходное для анализа предреволюционной экономики.

Сторонники «нового направления» трактовали многоукладность как сочетание капитализма с пережитками феодализма и патриархальщины, с одной стороны, и как сочетание в пределах капиталистического уклада мелких кустарных промыслов с крупной монополизированной индустрией – с другой. Кроме того, отмечалась связь многоукладности российской экономики с характером аграрных отношений и перспективами развития революции. Один из лидеров «нового направления» П. В. Волобуев писал, что оно «стало развивать идеи об отсутствии прямой связи между уровнем развития производительных сил и зрелостью страны к социалистической революции, об особом, российском типе капиталистической эволюции и порожденном им новом типе революционно-освободительного движения, о роли многоукладности экономики, о принципиально иной рас-

становке классовых и политических сил в ходе Октябрьской революции, чем считалось ранее, о демократическом потенциале социалистической революции в России и т. п.» (Волобуев, П. В. От редактора / П. В. Волобуев // Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов / К. Н. Тарновский. – М., 1990. – С. 5).

Среди монографических работ этого периода заметно выделяется исследование А. Л. Сидорова «Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.)» (1960 г.). Содержание монографии выходит за хронологические рамки войны – в первой главе дается характеристика финансового положения России накануне военных действий. А. Л. Сидоров проанализировал внутренние источники покрытия военных расходов и общую военную задолженность царского и временного правительств.

Разработка *аграрной истории эпохи империализма* характеризуется расширением проблематики и появлением различных оценок уровня развития капитализма в сельском хозяйстве России. Конкретные историко-аграрные исследования связаны с изучением аграрной реформы П. А. Столыпина в отдельных регионах страны (В. Г. Казаков, М. С. Симонова, Х. Ф. Усманов, Т. А. Воскресенская, А. М. Гребнев), на базе которого в 1963 г. вышла обобщающая монография С. М. Дубровского «Столыпинская земельная реформа». Достаточно продуктивно в области изучения аграрных отношений работал А. М. Анфимов, в монографиях которого были детально освещены земельная аренда в начале XX в. (1961 г.), положение российской деревни в годы первой мировой войны (1962 г.), крупное помещичье хозяйство Европейской России в конце XIX – начале XX вв. (1966 г.).

Важным этапом в уяснении особенностей аграрно-капиталистической эволюции в России в эпоху империализма стала дискуссия о мелкотоварном укладе, начатая по инициативе П. Г. Рындзюнского в 1961 г. В ходе ее И. Д. Ковальченко выдвинул

точку зрения о наличии трех исторически последовательных, качественно отличных периодов в развитии крестьянства с момента его оформления как класса: период господства натурального хозяйства, период становления и развития мелкотоварного производства, период становления и утверждения капитализма в крестьянском хозяйстве. А. М. Анфимов дополнил это мнение положением о двух типах капиталистического расслоения крестьянства. Первый он связал с выделением из крестьянства торгово-ростовщической буржуазии, второй – с развитием собственно аграрного капитализма, когда деревенская буржуазия организует более или менее крупное земледелие и начинает эксплуатировать деревенскую бедноту.

Среди проблем политической истории России эпохи империализма особое внимание историков привлекала проблема революции 1905-1907 гг. и роли большевиков в ней. В связи с 60-летием событий 1905-1907 гг. вышли обобщающие работы В. И. Бовыкина, Н. Н. Демочкина, Л. К. Ермана, Е. Д. Черменского, А. В. Пясковского, П. Н. Яковлева, в которых рассматривались причины и предпосылки революции, уточнялась ее периодизация, анализировалась роль большевиков на различных этапах революции. Помимо обобщающих работ свет увидели специальные исследования о Советах 1905 г., крестьянском движении, интеллигенции в революции, позиции московской буржуазии в 1905-1907 гг.

Значительный вклад в изучение политической истории России эпохи империализма внес А. Я. Аврех, выпустивший ряд монографий о третьеиюньской политической системе. Он не только осветил взаимодействие Думы и царского правительства в третьеиюньский период, возникновение и ход правительственных кризисов, начало распада третьеиюньской системы, но и проанализировал основные вопросы социально-экономической и национальной политики царизма и различных партий. А. Я. Аврех считал, что царизм не мог дать реформ, поскольку они, по мнению правительства, неизбежно привели

бы к усилению революционного движения в стране, так как она перманентно находилась в состоянии революционной ситуации в начале XX в.

С именем А. Я. Авреха связано начало дискуссии о революционной ситуации, развернутой в 1966 г. на страницах журнала «Вопросы истории КПСС». Он выступил против упрощенного представления о том, что зрелость материальных предпосылок для социализма вообще равнозначна непосредственной конкретной возможности совершения социалистической революции по призыву революционной партии. Им было высказано мнение о нетождественности понятий «верхи» и «господствующий класс» и выдвинута точка зрения на природу самодержавия как самостоятельной политической силы. С критикой данной позиции выступил Е. Д. Черменский, заявивший об опоре самодержавия после событий 1905-1907 гг. на блок крепостников-помещиков с верхами буржуазии и обвинивший А. Я. Авреха в игнорировании положения в либеральном лагере.

6.3. Работы по отечественной истории советского периода

Октябрьская революция явилась центральной темой в исследованиях по советскому периоду отечественной истории. Предыдущее развитие истории советского периода исторической науки привело к необходимости создания фундаментального труда на эту тему. За решение этой задачи взялся академик И. И. Минц, выпустивший в 1967-1972 гг. трехтомную «Историю Великого Октября». Им был изучен процесс свержения царизма, перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, победа Октябрьской революции и триумфальное шествие советской власти. Общее значение труда И. И. Минца определили Е. Н. Городецкий и Т. А. Игнатенко, которые писали: «Значительный интерес представляют выводы Минца о различных формах руководящей роли рабочего класса в условиях нарастания крестьянских восстаний и восстаний в армии

против буржуазно-помещичьего правительства, о выработке в связи с этими объективными факторами ленинского плана вооруженного восстания, который был построен на наступательных операциях, решительном и смелом натиске...» (Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1985. – Т. 5. – С. 408).

Работа И. И. Минца – итог развития советской историографии Октября, как начальных ее этапов, так и новой волны исследований середины 50-60-х гг., для которой характерен рост специализации историков по отдельным, наиболее важным проблемам.

Сохраняется интерес исследователей к рассмотрению участия всех классов и партий в революции. Примером могут служить работы П. В. Волобуева по истории экономической политики Временного правительства и классовой борьбы пролетариата и буржуазии в 1917 г. В них впервые после длительного перерыва стала изучаться внутренняя политика буржуазии и ее правительства в России.

В центре внимания исследователей истории политических партий находилась деятельность большевиков в Октябре 1917 г. Различные аспекты ее стратегии и тактики рассматривались в работах И. И. Минца, И. Ф. Петрова, И. Я. Иванова, Е. Ф. Ерыкалова. В 1963 г. вышла книга К. В. Гусева о левых эсерах, вызвавшая дискуссию. Некоторые историки согласились с выводом автора о возможности сотрудничества коммунистов с мелкобуржуазными партиями (Л. М. Спирин, К. Маслов, Р. Илюхина, А. Х. Бурганов, А. Совокин, П. Н. Соболев). Другие исследователи отметили переоценку К. В. Гусевым положительных результатов соглашения большевиков с левыми эсерами (М. Спиридонов). В ходе дискуссии встал вопрос о социальной базе партии левых эсеров. Наиболее интересную и нетрадиционную трактовку проблемы дал Л. М. Спирин, заявивший об отходе в апреле – июле 1918 г. от большевиков части среднего крестьянства, обогатившегося в ходе разграбления помещичьих имений. Интересы

этой группы, а также кулачества, по мнению Л. М. Спирина, и представляла ПЛСР.

История Советов разрабатывалась достаточно продуктивно, свидетельством чему являются книги о Советах крестьянских депутатов (Х. А. Ерицян, В. В. Гришаков, О. Н. Моисеева), большевиках в Советах (Б. М. Морозов), советском строительстве на местах. Серьезный шаг вперед был сделан в изучении подавления свергнутых классов. В 1958 г. вышел сборник документов «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917-1921 гг.», в 1960 г. – монография П. Г. Софинова «Очерки истории ВЧК (1917-1922 гг.)». По сути дела, был поднят вопрос о закономерности применения насилия против врагов революции, обосновывалась необходимость чрезвычайных мер.

Литература по социально-экономической проблематике истории первых лет советской власти, изданная во второй половине 50-60-х гг., превосходила всю литературу, вышедшую в предшествующие годы. Только истории рабочего контроля и национализации промышленности свои работы посвятили более ста авторов. Во второй половине 50-х гг. прошла дискуссия по проблеме рабочего контроля и национализации, поводом к которой послужила статья В. П. Насырина (Вопросы истории. – 1956. – № 5). Им были высказаны «еретические» по тем временам мысли – об отсутствии в экономической программе большевиков требования национализации крупной промышленности, о преобладании карательного характера национализации в первые месяцы советской власти и т. п. С резкой критикой В. П. Насырина выступили И. А. Гладков, Л. М. Спирин, В. М. Готлобер, С. М. Бабушкин. Дискуссия дала толчок разработке многих спорных проблем, например, был поставлен вопрос о содержании терминов «национализация» и «конфискация».

Разработка отдельных проблем рабочего контроля и национализации позволила возобновить дискуссию о данных процессах.

Начало положили опубликованные в 1967-1968 гг. в журнале «История СССР» статьи З. В. Степанова и В. И. Селицкого, которые основное внимание уделили раскрытию и уточнению самого понятия «рабочий контроль». Они отметили особенности этой формы борьбы – непосредственное вмешательство в процесс капиталистического производства, которое на определенной стадии вело к захвату политической власти пролетариатом.

Положение в аграрном секторе экономики в первые годы советской власти исследовалось достаточно интенсивно. Крупным шагом вперед явилось начало сравнительного изучения материалов сельскохозяйственных переписей 1917, 1919, 1920 гг., осуществленное большой группой ученых под руководством Ю. А. Полякова, В. П. Данилова и Л. М. Спирина. На этой основе удалось получить детальное представление об осереднячивании крестьянства и характере классово-вой борьбы в деревне.

Внимание исследователей при анализе социально-экономического развития деревни в 1917-1920 гг. уделялось проблемам реализации декрета о земле и конфискации помещичьих имений, деятельности комбедов. При этом в основу их разработки был положен материал по отдельным регионам страны. Среди крупных монографических работ следует назвать книгу Г. В. Шарапова «Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции».

Определенный вклад в разработку вопросов аграрной истории первых лет диктатуры пролетариата внесла дискуссия об уравнительном землепользовании, начатая в 1956 г. по инициативе Е. А. Луцкого. В его трактовке требование уравнительного землепользования соответствовало программе большевиков, а само уравнительное землепользование было переходной ступенью к социализму. Г. В. Шарапов и А. Н. Лопаткин выступили с критикой этой точки зрения и свели значение уравнительного передела к политическому маневру в целях

упрочения союза рабочего класса и крестьянства. В принципе, оба мнения тяготели к упрощенной схеме «Краткого курса истории ВКП(б)». В апреле 1961 г. прошла научная сессия по истории советского крестьянства и колхозного строительства, по которой дискуссия была продолжена. Ее результатом явилась трансформация уже высказанных мнений. Г. В. Шарапов, например, стал рассматривать перераспределение земли весной 1918 г. в связи с содержанием этапов аграрных преобразований.

Проблематика исследований по *истории гражданской войны* приобрела существенные изменения, что было связано с переоценкой роли И. В. Сталина в событиях 1918-1920 гг. Большое внимание было уделено показу военной деятельности В. И. Ленина, который в литературе периода «культы личности» был отодвинут на второй план. Фактически произошел отказ от сталинской периодизации гражданской войны по походам Антанты и по-новому оценены события 1918 г., особенно роль и значение Восточного фронта летом 1918 г., боевые действия Восточного фронта зимой 1918 г., в том числе операция 3-й армии (Ю. Поляков, Д. Шелестов, А. Антонов, Р. Мордвинов, А. Фрайман).

Свидетельством детализации изучения истории гражданской войны является зарождение ее историографии (А. И. Зевелев, Д. К. Шелестов, И. Л. Шерман, Н. Ф. Варгин, С. Ф. Найда, В. П. Наумов).

Во второй половине 50-х – 60-х гг. начинается новый этап в изучении НЭПа. Большую роль в его оформлении сыграли дискуссии в журналах «Вопросы истории» (1964-1967 гг.), «Вопросы истории КПСС» (1966-1968 гг.), в которых приняли участие Ю. А. Поляков, Э. Б. Генкина, И. Я. Трифонов, И. Б. Берхин и др. В ходе дискуссий была подчеркнута преемственность экономической политики весны 1918 г. и весны 1921 г., предпринята попытка разработать периодизацию НЭПа. В то же время не был решен вопрос о ликвидации НЭПа,

выявились расхождения в оценке взаимоотношений различных укладов.

Дискуссии стимулировали исследование проблем НЭПа, существенный вклад в него внес Ю. А. Поляков. Он первым рассмотрел переход к НЭПу через призму трех проблем:

- 1) определение партией стимула для развития мелкого крестьянского хозяйства;
- 2) мера уступок капиталистическому укладу в экономике;
- 3) темпы социалистического строительства.

Ю. А. Поляков выступил с критикой историков, которые оценили решения VIII съезда Советов как первый шаг к НЭПу.

Существенный вклад в разработку политической истории НЭПа внес И. Я. Трифонов, раскрывший в своих монографиях сложный комплекс взаимоотношений между классами в 20-е гг. Им с марксистских позиций проанализированы практически все наиболее известные проявления классовой борьбы периода НЭПа, рассмотрены условия уничтожения бывших господствующих классов.

Значительный сдвиг во второй половине 50-х – 60-х гг. произошел в изучении *индустриализации и истории рабочего класса*. Огромный размах в это время приняла публикация документов, своеобразной вершиной которой стал четырехтомный свод «Индустриализация СССР. Документы и материалы» (1969, 1973 гг.). Расширение источниковой базы позволило выйти обобщающим работам А. Ф. Хавина (1962 г.), Ю. В. Воскресенского (1969 г.), коллективным монографиям (1967, 1969 гг.).

Несомненным достижением историографии той поры можно считать обращение к сопоставлению уровня незавершенной капиталистической индустриализации России и особенностей социалистической индустриализации. Одним из первых этот вопрос поднял А. И. Ноткин, который писал: «Сосредоточение основных усилий при осуществлении социалистической индустриализации СССР с самого

начала на развитии тяжелой индустрии стало возможным, кроме прочего, еще благодаря тому, что капиталистическая индустриализация дореволюционной России привела к созданию сравнительно обширной легкой промышленности» (Ноткин, А. И. Социалистическая индустриализации СССР и новый технический переворот / А. И. Ноткин // Вестник АН СССР. – 1958. – № 1. – С. 14). В коллективном труде «Построение фундамента социалистической экономики в СССР 1926-1932 гг. (1960 г.) данная точка зрения получила конкретизацию. Авторы отмечали, что в 1913 г. Россия занимала третье место в мире по выработке хлопчатобумажных тканей и одно из первых мест в выработке сахара. Ей принадлежало первое место по сбору пшеницы, ржи, ячменя, льноволокна и второе – по поголовью скота.

В связи с индустриализацией страны предметом исследования стал и рабочий класс. Подсчеты показали бурный рост интереса к данной тематике. Если в 1946-1953 гг. история рабочего класса освещалась только в 81 работе, то в 1954-1964 гг. – уже в 1041. Эти работы давали достаточно полное представление о социальном облике рабочего класса, источниках его пополнения, общественно-политической и трудовой активности пролетариата и т. д.

Накопление фактического материала по истории рабочего класса привело к дискуссии о превращении российского пролетариата в советский рабочий класс. В ходе споров четко выделились две точки зрения:

- 1) в переходный период от капитализма к социализму шел процесс формирования нового рабочего класса;
- 2) речь может идти только о преобразовании социальной природы рабочего класса, о его сплочении, объединении и консолидации.

Отмечая наработки исследователей, нужно указать на отсутствие обобщений, недостаточную изученность данных по пятилеткам. В связи с этим в 1967 г. в Институте СССР АН СССР было принято решение о подготовке многотомной истории рабочего класса.

С середины 50-х гг. развернулась интенсивная работа по изучению отечественной аграрной истории, в первую очередь процесса *коллективизации*. Детальному исследованию был подвергнут ленинский кооперативный план (С. П. Трапезников, И. И. Сергеев, В. М. Слунская, Л. Е. Файн). Началось изучение развития кооперации в 20-е гг. и ее роли в подготовке коллективизации (И. Г. Булатов, В. А. Голиков), поднимались вопросы характера социальных отношений внутри крестьянства (В. П. Данилов), анализировалась материально-техническая база колхозов (М. А. Вылцан, О. Б. Джамалов, И. И. Слынько). Появились первые монографические исследования по истории создания квалифицированных кадров в сельском хозяйстве, освещалась деятельность двадцатипятидесятников.

В ходе разработки аграрной истории периода коллективизации обнаружились различия в оценках некоторых явлений, например, общины. Так, В. П. Данилов считал, что изменения в характере земельных отношений после Октября и особенно в 1928-1929 гг. не трансформировали общины, не превратили ее в переходную ступень к сплошной коллективизации. Противоположную позицию заняли С. П. Трапезников, С. Д. Зак, М. М. Широков, которые считали, что в России осуществилось предвидение основоположников марксизма о возможности перерастания общины в социалистическую форму земледелия.

Особое внимание исследователи стали уделять истории классовой борьбы в деревне и ликвидации кулачества как класса. Причем изучались эти процессы через призму деятельности сельских Советов. Ведущим специалистом в этой области был Ю. С. Кукушкин. В его книге «Роль сельских Советов в социалистическом переустройстве деревни 1929-1932 гг.» охарактеризована деятельность полномочных органов государства в деревне в период коллективизации, рассмотрены важнейшие аспекты социалистической реконструкции сельского хозяйства в СССР. Привлеченный Ю. С. Кукушкиным ма-

териал позволил воспроизвести картину борьбы партии за укрепление местных органов советской власти в деревне и раскрыть роль сельских Советов как основных рычагов коллективизации. В монографии Ю. С. Кукушкина «Сельские Советы и классовая борьба в деревне 1921-1932 гг.» освещены развитие сельских Советов, их роль в восстановлении и развитии народного хозяйства, особенности развития и функционирование Советов в условиях классовой борьбы.

С середины 50-х гг. начался новый этап в изучении *Великой Отечественной войны*, связанный с разработкой и выходом в свет многотомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг.». Решение о ее издании ЦК КПСС принял в сентябре 1957 г., одновременно в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был сформирован отдел истории Великой Отечественной войны. В 1964 г. РИСО АН СССР в издательстве «Наука» образовал редколлегию серии «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах». Серия стала академическим изданием.

Выпуск многотомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг.» (1960-1965 гг.) был, без сомнения, крупным событием. В работе приведены общий обзор и характеристика экономических и военных сил СССР и гитлеровской Германии накануне войны, показаны ход военных действий, единство фронта и тыла, роль партии в организации сопротивления врагу. В то же время авторам не удалось избежать выводов субъективного характера, одностороннего освещения некоторых вопросов и важных военных событий.

Среди конкретных исследований следует отметить работы, анализирующие ход отдельных сражений и операций, освещающие историю отдельных частей и соединений. Необходимо выделить исследования А. М. Самсонова, С. Д. Сахарова о битве под Москвой; Д. В. Павлова, Н. А. Манакова об обороне Ленинграда; А. М. Самсо-

нова о Сталинградской битве; Ф. Т. Селиванова, И. И. Маркина о Курской дуге и т. д.

Чрезвычайно важным событием была публикация воспоминаний и отдельных фрагментов из них выдающихся полководцев Великой Отечественной войны Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского и других, в которых личные впечатления совмещались с кропотливой аналитической работой.

Существенно пополнилась историография истории военной экономики и народного хозяйства. Здесь в первую очередь необходимо указать на обобщающие работы Г. С. Кравченко «Военная экономика СССР» и Я. Е. Чадаева «Экономика СССР в период Великой Отечественной войны», в которых освещались наиболее важные вопросы развития народного хозяйства страны в военное время.

В конце 50-х – 60-х гг. появились первые работы по истории послевоенного восстановления народного хозяйства. Общие черты этого процесса получили освещение в монографии М. А. Двойнишниковой и В. Г. Широкова (1967 г.), специфика четвертой пятилетки – в книге В. С. Лельчука (1967 г.). Отдельные аспекты аграрной истории послевоенного периода рассматривались Ю. В. Арутюняном, М. А. Вылцаном, И. Е. Зелениным и др.

Обобщая сказанное, можно отметить, что историческая ситуация середины 50-х и 60-х гг. характеризовалась широким исследованием ранее закрытых тем, возникновением новых направлений в советской исторической науке, развитием дискуссий по спорным вопросам истории. Однако к концу 60-х гг. на смену им пришли реставрационные процессы, наметилось восстановление многих догматов. В это же время российская историческая наука за рубежом преодолела возникший кризис и обратилась к освоению принципиально новой для нее тематики.

Список источников и литературы

1. Городецкий, Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930-1960 гг. / Е. Н. Городецкий. – М. : Наука, 1982. – 384 с.
2. Городецкий, Е. Н. Э. Н. Бурджалов – историк Февральской революции 1917 г. / Е. Н. Городецкий, Г. З. Иоффе, Г. С. Акепян, Н. Д. Кузнецов // История СССР – 1987. – № 6. – С. 168-173.
3. Историография истории СССР (эпоха социализма) : учебник / под ред. И. И. Минца. – М. : Высш. школа., 1982. – 336 с.
4. Игнатенко, Т. А. Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР (1917-1967) / Т. А. Игнатенко. – М. : Наука, 1971. – 260 с.
5. Некоторые проблемы истории советского общества: историография. – М. : Мысль, 1964. – 283 с.
6. Очерки по историографии советского общества / отв. ред. П. А. Жилин. – М. : Мысль, 1965. – 599 с.
7. Сахаров, А. М. Проблема образования Русского централизованного государства в советской историографии / А. М. Сахаров // Вопросы истории. – 1961. – № 9. – С. 70-88.
8. Строков, А. А. Преодоление последствий культа личности Сталина в военно-исторической науке / А. А. Строков. – М. : Знание, 1963. – 66 с.
9. Тарновский, К. Н. Социально-экономическая история России. Начало XX века. Советская историография середины 50-х – 60-х годов / К. Н. Тарновский. – М. : Наука, 1990. – 292 с.
10. Черепнин, Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV вв. / Л. В. Черепнин. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 900 с.

7. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В КОНЦЕ 60-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-Х ГГ.

7.1. Изменение историографической ситуации

После Октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС намечается процесс ресталинизации, когда после ухода Н. С. Хрущева имя Сталина стало все чаще всплывать в литературе разного рода. Поворот к сталинизму был замечен историками, но некоторые из них активно выступили против попыток прервать десталинизацию в области исторической науки. В этом плане весьма показательным выступление А. Я. Авреха в Институте истории АН СССР в феврале 1966 г. «Со всех сторон, – говорил он, – начали весьма усиленно доказывать, что «период культа личности Сталина» – определение неправильное, предлагают слово «период» выкинуть, оставив три остальных слова. Я тоже считаю, что выражение «период культа личности» неудачно и ненаучно. Давайте вспомним историю создания этой формулы. Ведь вначале она состояла всего из двух слов: «культ личности». Но главное здесь в том, что эти два слова были специально изобретены, специально придуманы исходя из соображений «политической целесообразности». Ведь это нарочно туманный, неопределенный и, я бы сказал, бессодержательный термин. Придуман он был для того, чтобы избежать настоящего, точного определения, которое дать было совсем нетрудно, но так казалось лучше, целесообразнее. По тем же соображениям целесообразности имя Сталина в формуле отсутствовало. Был «культ личности», но неизвестно чьей. Затем логика вещей заставила прибавить слово «период», ибо всем стало ясно, что невозможно употреблять эту формулу вне времени и пространства. Теперь предлагают произвести обратное действие: вместо арифметического сложения – вычитание. Этот процесс собираются осуществить в обратном порядке: сначала убрать слово «период», затем, надо пола-

гать, настанет очередь второго вычитаемого слова "Сталин"...» (Цит. по: Ганелин, Р. Ш. Творческий путь А. Я. Авреха / Р. Ш. Ганелин // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 105).

Постепенно стали возрождаться догматизм и начетничество. В 1967 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», сыгравшее существенную роль в этом процессе.

Одним из первых шагов по зажиму исторической науки явилась оценка книги А. М. Некрича «22 июня 1941 года» как антисоветской и антипартийной. В 1967 г. ее автор был исключен из партии и вскоре покинул страну. В 1969 г. из Советского Союза выехал доктор исторических наук М. Я. Геллер. Он обосновался в Париже и стал преподавать в Сорбонне. Позднее М. Я. Геллер и А. М. Некрич в соавторстве выпустили книгу «Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней».

Существенной критике была подвергнута серия книг «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах». Была запрещена публикация мемуаров Б. Л. Ванникова «Воспоминания наркома» (увидели свет в 1988 г.), снят с издания коллективный труд «Вторая мировая война в цифрах и материалах» под редакцией маршала Советского Союза М. В. Захарова. В 1969 г. журнал «Коммунист» опубликовал статью «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС», в которой целая группа историков была подвергнута резкой критике.

В 1969 г. группа научных сотрудников Института всеобщей истории АН СССР под руководством М. Я. Гефтера выпустила сборник «Историческая наука и некоторые проблемы современности», в котором был поставлен вопрос о «новом прочтении» марксистско-ленинской исторической концепции. М. Я. Гефтер пытался доказать, что теория марксизма чем дальше, тем больше лишается своей изна-

чальной всеобщности. Противоречие между всеобщностью и историзмом, утверждал он, реализуется в двух направлениях: «С одной стороны, завоевание диалектикой новых областей, ее экспансия, достигающая в наше время максимальных, сравнительно с прошлым, масштабов. А с другой, тенденция марксизма к сужению, сосредоточению на специфически "своем", к "сжатию ядра"» (Цит. по: Шурбованский, Г. Л. Обсуждение некоторых проблем методологии истории / Г. Л. Шурбованский // Вопросы истории. – 1971. – № 10. – С. 159). Естественно, что подобная постановка вопроса была подвергнута уничтожающему разному. В феврале 1971 г. состоялось заседание Бюро Отделения истории АН СССР, на котором были заслушаны доклады И. И. Минца и М. П. Кима. Напомнив ряд основных положений марксизма, они перешли к анализу сборника «Историческая наука и некоторые проблемы современности». Они отметили, что книга содержит серьезные ошибки теоретического и конкретно-исторического характера. Остановившись прежде всего на проблеме освоения марксистско-ленинского наследия, докладчики подвергли критике заявление редакции сборника о необходимости «нового прочтения» исторической концепции марксизма-ленинизма. Значительное место докладчики отвели трактовке в книге проблемы соотношения социальных законов и исторических фактов. Они отметили, что в ряде статей сборника чувствуется стремление преувеличить роль отдельных, случайных фактов истории и недооценить наличие общих законов, определяющих исторический процесс.

В конце 60-х – начале 70-х гг. фактически возродился порочный метод подмены научных дискуссий проработочными кампаниями. Примером может служить разгром «нового направления», представители которого (П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский, А. Я. Аврех, Л. М. Иванов, В. В. Абрамов и др.) пришли к выводу, что степень зрелости и материальных предпосылок революции явно завышалась, а блок ее совершивших политических и классовых сил первоначально

был более широким. В их системе доказательств фигурировало положение о многоукладности экономики России в начале XX в., которое явилось основным объектом «зубодробительной» критики. В марте 1972 г. в Отделении истории АН СССР по указанию заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С. П. Трапезникова С. С. Хромовым и Ф. М. Вагановым был организован диспут о многоукладности, завершившийся принятием разгромного постановления (в 1988 г. оно было отменено как противоречащее задачам перестройки в исторической науке). Однако сторонники «нового направления» не сдавались. В том же 1972 г. в Свердловске был подписан в печать сборник «Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности», в котором взгляды «еретиков» были представлены достаточно полно. В марте 1973 г. в Отделе науки ЦК КПСС состоялось совещание, на котором А. И. Данилов, А. Л. Нарочницкий, П. Н. Поспелов, Г. В. Шарапов, А. П. Косульников и другие оценили «новое направление» как идеологическую диверсию. Директор Института истории СССР член-корреспондент АН СССР П. В. Волобуев был освобожден от должности, отлучены от науки и его коллеги. Так, в связи с критикой «нового направления», А. Я. Аврех с 1972 по 1977 г. не опубликовал ни одной работы и писал «в стол». Он был переведен в сектор источниковедения, которым специально не занимался. А. Я. Аврех подвергался проработкам, был найден и персональный «грех» – тезис о крестьянстве как массовой опоре царизма до 1905 г., переименованный в приписываемое ему утверждение о том, что царизм выражал интересы крестьянства.

Параллельно возрождению сталинизма формировалась идеология «бодрячества» и завышенных оценок развития, теоретической базой которой стала концепция развитого социализма. Впервые положение о развитом социализме было выдвинуто Л. И. Брежневым в докладе в связи с 50-летием Октябрьской революции и повторено на XXIV съезде КПСС. Учение о развитом социализме было объявлено

крупнейшим вкладом в теорию марксизма-ленинизма. Было заявлено, что в советском обществе «осуществляется гармоничное развитие всех его сторон: экономической, социально-политической и идеологической», ему присуще «планомерно организованное и неуклонно растущее народное хозяйство», «распределение осуществляется по количеству и качеству труда», «социалистическая демократия получает всестороннее развитие, становится всенародной, охватывает все стороны жизни общества» (См.: Федосеев, П. Н. Марксизм в XX веке / П. Н. Федосеев. – М., 1977. – С. 584-585). Через призму этой теории стали рассматриваться многие проблемы истории.

Анализ историографической ситуации конца 60-х – первой половины 80-х гг. позволяет согласиться с оценками авторов коллективного сборника «На пороге кризиса», которые писали: «Брежневское руководство представляло собой консервативное аппаратно-бюрократическое начало в партии, и оно органически вписывалось в сталинскую административно-командную систему, свято охраняя ее догматы, предрассудки и пороки. Со своей стороны, концепция развитого социализма способствовала консервации этих пороков, поскольку она уводила в сторону от наболевших проблем, от реальных противоречий общества» (На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. – М., 1990. – С. 63).

7.2. Исследование проблем дореволюционной отечественной истории

Разработка проблем дореволюционной отечественной истории в конце 60-х – середине 80-х гг. велась широкой сетью исследовательских учреждений. Для этого периода было характерно увеличение числа работ специалистов различных достаточно узких исторических дисциплин (археологов, этнографов, востоковедов и т. д.), а также филологов, философов, искусствоведов.

Важным явлением отечественной *историографии ранних этапов истории Восточной Европы* были первые опыты типологии обществ на этой территории. Особую роль сыграла здесь монография А. П. Новосельцева, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина «Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)» (1972 г.), в которой были рассмотрены вопросы возникновения и формы феодальной земельной собственности (частной и государственной), типы феодальной зависимости и эксплуатации, изменение форм общинной организации, характер взаимосвязи этнических и социальных процессов и т. д. (Развитие советской исторической науки: 1970-1974. – М., 1975. – С. 12). Общий вывод был сделан Л. В. Черепниным, В. Т. Пашуто, В. Д. Назаровым, которые писали: «...В аспекте общественного развития средневековой поры европейский регион страны дает широкий спектр разнообразных структур: доклассовые – этническо-племенные, родовые и патриархально-общинные у народов Севера; раннеклассовые – княжения-земли у части народов Северного Кавказа, мордвы и ижорян; территориально-политические – конфедерации княжений-земель у землевладельческих народов (пруссков, эстонцев, латышей) и у кочевых (аваров, печенегов, торков, половцев). Наконец, собственно раннефеодальные государства – Хазария, Булгария, Древняя Русь и Литва, – сохраняющие сложный, многоэтнический облик и различающиеся как по уровню и характеру феодализации, так и по господствующей в них идеологии (иудейство, мусульманство, христианство, язычество). Древняя Русь предстает при этом как сильнейшее среди государств региона, как наследница богатого культурного достояния оседлых и кочевых народов, сменявших друг друга в Евразии на протяжении столетий» (Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС: Дооктябрьский период. – М., 1978. – С. 8-9).

К крупным обобщающим работам следует отнести вышедшую в 1980 г. монографию В. И. Буганова, А. А. Преображенского и

Ю. А. Тихонова «Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы», в которой дана «сквозная» авторская трактовка вопросов территории и расселения, классово-сословного строя, сельского хозяйства и промышленности, торговли, классовой борьбы.

Проблемы *генезиса феодализма* на Руси решались в конце 60-х – начале 80-х гг. впервые через призму серьезного сравнения с аналогичными обществами. При этом большинство исследователей стояли на позициях историко-археологической школы Б. Д. Грекова (Б. А. Рыбаков, В. Т. Пашуто, Л. В. Черешни и др.). Однако в начале 70-х гг. были предприняты попытки пересмотра ее основных выводов. Минская исследовательница В. И. Горемыкина заявила о господстве на Руси рабовладельческих отношений, а ленинградский ученый И. Я. Фроянов попытался определить еще более архаические, патриархально-общинные черты.

История Киевской Руси в данный период исследовалась, по-видимому, недостаточно. Можно лишь выделить разработку проблем дипломатий А. Н. Сахаровым, которая укрепила представление о Руси как о великой державе средневекового мира. Серьезным достижением стала книга Я. Н. Щапова «Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI – XIV вв.» (1972 г.), в которой было показано сравнительно позднее формирование и распространение церковной собственности на Руси. Крупным событием стали труды Б. А. Рыбакова о «Слове о полку Игореве» (1971, 1972 гг.), в которых автору удалось с блеском вписать этот памятник в контекст политической борьбы за преобладание на Руси. Им была выдвинута гипотеза о возможном авторе «Слова» – киевском летописце второй половины XII в. Петре Бориславиче, выразителе интересов боярства и противнике княжеских усобиц. Практически одновременно Б. А. Рыбаков приступил к разработке вопросов язычества у древних славян.

При разработке проблем периода *феодалной .раздробленности* были осуществлены попытки выявить ее предпосылки. В частности, О. М. Рапов исследовал российское боярство и процесс перерождения древнерусских кормлений в вотчины. В. Л. Янин опубликовал ряд работ о Новгородской феодальной республике, В. А. Кучкин и В. Д. Назаров – об уделах Северо-Восточной Руси в XIV – XV вв.

Особое место в исследованиях тех лет занимали вопросы *борьбы русского народа с монголо-татарским нашествием* и свержения монголо-татарского ига. Разработка данных проблем связана в первую очередь с юбилеем Куликовской битвы и стояния на Угре. В специальном сборнике статей были рассмотрены взаимоотношения русских княжеств и земель в предкуликовский период, политическая структура Золотой Орды, русско-литовские отношения этого времени, роль Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы и т. д. К юбилею были изданы памятники Куликовского цикла – «Задонщина» и лицевая рукопись «Сказания о Мамаевом побоище».

В конце 60-х – первой половине 80-х гг. исследования по социально-политическим проблемам достаточно четко группировались вокруг трех основных вопросов: образования и развития Российского централизованного государства в форме сословно-представительной монархии, генезиса и развития отечественного абсолютизма, истории социальных конфликтов и классовой борьбы.

Нужно отметить наличие диспропорций в изучении социально-политической проблематики. Собственно политические процессы привлекали внимание исследователей в большей степени, чем их социальные основания и предпосылки. Впервые в историографии в 1972 г. А. А. Зимин выпустил системное исследование политической жизни эпохи Василия III. С. О. Шмидт проанализировал события середины XVI в., сопоставляя процесс становления земских соборов с эволюцией государственно-политического строя в целом (1973 г.). *Эпоха Ивана Грозного* нашла отражение в работах Р. Г. Скрынникова

(1973, 1975, 1978 гг.), который раскрыл в деталях многие стороны и общее значение опричнины. Им же весьма убедительно было опровергнуто положение американского историка Э. Кинана о подложности переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского. В 1985 г. вышла книга В. Б. Кобрин «Власть и собственность в средневековой Руси», в которой была показана несостоятельность тезиса о противоборстве бояр и дворян. Им были выявлены специфические особенности господствующего класса на Руси. Самое существенное отличие русского боярина от западноевропейского собрата состояло, по мнению исследователя, в том, что на Руси не было боярских замков, русские бояре защищали не каждый в одиночку свое село, а все вместе все княжества в целом.

Среди исследовательских работ по данному периоду следует выделить монографию Л. В. Черепнина «Земские соборы в России XVI – XVII вв.» (1978 г.), в которой детально исследуется деятельность 50 земских соборов за 150 лет, говорится об их исторических предпосылках. Проблемам государства и права посвятил свою книгу о Соборном Уложении 1649 г. и А. Г. Маньков (1980 г.). Ему удалось показать, что законодатели оформили в правовом отношении государственный аппарат, государственную безопасность, подданство, военный долг и иные понятия.

Достаточно активно разрабатывались проблемы *внешней политики формирующегося Русского централизованного государства*. В 1975 г. И. Б. Греков издал монографию, в которой рассмотрел национальный подъем на Руси, ее освободительную борьбу и разгром Золотой Орды. В 1980 г. вышла книга А. Л. Хорошкевича о взаимоотношениях Руси и европейских стран конца XV – начала XVI в., когда сформировалась внешнеполитическая программа страны на ближайшее время. Ему удалось показать, как русское правительство для подрыва торговой монополии Ганзы в интересах централизации ис-

пользовало торговые связи с городами Великого Княжества Литовского и Польши.

В 70-е гг. продолжалась дискуссия о *российском абсолютизме*. Во многом мнения исследователей сходились, разногласия касались в основном проблемы предпосылок возникновения абсолютизма и роли в этом процессе классовой борьбы. Была высказана точка зрения о том, что абсолютистское государство в России выступало в значительной мере продуктом заимствования из более развитых европейских стран и приспособления к крепостнической русской действительности. Большинство исследователей с ней не согласилось. Одновременно была обнародована мысль, что нарастание классовой борьбы в XVII – XVIII вв. и формирование абсолютизма – явления синхронные, но не взаимообусловленные. Она также не была поддержана учеными.

Дискуссия привела к необходимости осмысления многих процессов и послужила поводом к изданию ряда монографических трудов. С. М. Троицким была опубликована книга о складывании российской бюрократии в начале XVIII в., Л. А. Стешенк и К. А. Сафроненко проанализировали реформы Петра I, Н. И. Павленко издал его биографию. Эпоха абсолютизма получила освещение в очередных томах широко известной публикации «Письма и бумаги Петра Великого» и в археографически обогащенном переиздании сочинения И. К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства» (1977 г.).

Отечественные историки уделяли внимание изысканиям в области социально-экономических отношений развитого и позднего феодализма. Интенсивнее всего изучалось состояние производительных сил в сельском хозяйстве. При этом ключевым стал анализ крестьянского двора – основной производительной единицы. В связи с этим исследователи обратились к вопросу об отдельных категориях крестьян. В 1974 г. вышла книга Ю. А. Тихонова «Помещичьи крестьяне в России», в которой впервые были изучены формы частнофеодаль-

ной ренты на сравнительно массовом материале XVII – первой четверти XVIII в. Дискуссию вызвал вопрос о природе землевладения черносошного крестьянства. В ее ходе выделились три точки зрения.

1. Земля черносошных крестьян находится в их владении, а верховным собственником выступает феодальное государство в лице его главы. Поэтому можно говорить о системе феодальной государственной эксплуатации в виде государственных налогов и повинностей (А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, Н. Н. Покровский, М. Д. Курмачева, В. Д. Назаров, А. Д. Горский).

2. Черносотенные земли представляют собой раздельную собственность великого князя, волостной общины и черных крестьян. При этом в перспективе наметилась постепенная ликвидация собственнических прав крестьян (Д. И. Раскин, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро).

3. Черные земли являются собственностью черносотенных крестьян. Причем отдельные исследователи считают, что преобладала частная собственность при коллективном пользовании угодьями и при наличии территориально-административных прав волости-общины на занимаемые ею земли. Другая часть ученых характеризуют черносотенную волость-общину как наделенную в значительно большей мере правами собственности.

Произошли ощутимые сдвиги в изучении *истории холопства*. В 1973 г. вышла монография А. А. Зимина о холопах на Руси, в которой определялось их место в процессе феодализации и характеризовалось общественное и правовое положение в основных землях эпохи феодальной раздробленности. Им же анализировалась борьба холопов на разных этапах истории Руси. Наибольший интерес представляют работы Е. И. Колычевой, которая сформулировала весьма важные для понимания генезиса крепостничества положения об интенсивном

развитии холопных наделов, об их государственном обложении и усилении поземельной зависимости холопов от их владельцев.

Определенный толчок получила разработка *проблемы установления крепостного права* в России. Дискуссия вокруг этого вопроса развернулась после выхода в 1970 г. книги В. И. Корецкого «Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в.» и статьи Л. В. Даниловой о причинах утверждения крепостничества. Исследователями проанализировались причины победы крепостного строя и конкретный ход процесса закрепощения.

Развитие единого аграрного рынка России на протяжении XVII – XVIII вв. нашло отражение в целом ряде работ. При этом наметились новые подходы, основное внимание стало уделяться не объемам товарных потоков, а структуре и динамике цен. Подобный анализ привел к необходимости широкого использования математико-статистических методов. На их основе исследователи стали отходить от ленинской точки зрения на «новый период» русской истории. Одним из первых это сделал Б. Н. Миронов, по мнению которого все-российский хлебный рынок сложился в 50-60-е гг. XVIII в. И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов пошли еще дальше. По их мнению, капиталистический аграрный рынок складывается в пореформенное время. Проблемы истории ремесла и торговли в условиях XIV – XVI вв. исследовались явно недостаточно.

Достаточно полно освещались вопросы *истории русской культуры и общественной мысли эпохи феодализма*. В 1970 г. Московский университет начал издавать коллективные труды «Очерки русской культуры». В этой серии увидели свет обобщающие монографии, посвященные культуре XIII – XV вв., где анализировалось функционирование культурного комплекса в условиях монголо-татарского нашествия и ига (под редакцией А. В. Арциховского), и культуре XVI в., где описаны историко-культурные процессы в усло-

виях государственного объединения русских земель (под редакцией А. В. Арциховского и А. М. Сахарова).

Изучение истории России периода кризиса феодально-крепостнических отношений и становления и развития капитализма в конце 60-х – первой половине 80-х гг. было сведено к анализу некоторых сторон политической жизни (преимущественно, революционного движения), глубокому исследованию социально-экономических процессов и фактическому описанию отдельных элементов историко-культурной реальности.

Проблемы политической истории России первой половины XIX в. исследовались весьма слабо. Исключение составили вопросы внешней политики. В 1974 г. вторым изданием вышла книга П. А. Жилина «Гибель наполеоновской армии в России», основной идеей которой было утверждение народного характера войны 1812 г. Несмотря на отсутствие новых материалов, книга явилась в какой-то мере этапной, так как обобщала публикации 60-х гг., приуроченные к 150-летию Отечественной войны 1812 г. Следом были опубликованы книги Н. И. Болховитинова о русско-американских отношениях 1815-1832 гг. (1975 г.); В. А. Георгиева о внешней политике России на Ближнем Востоке в конце 30-х – начале 40-х гг. (1975 г.) и др.

Главное место в изучении политической истории России первой половины XIX века заняли вопросы *революционного движения*. Особое место при подготовке к празднованию 150-летия восстания уделялось декабризму. В связи с этим М. В. Нечкиной был поставлен вопрос о начале русского революционного движения. Отвечая на него, она попыталась выделить главные критерии революционной борьбы: «Наличие сознательной революционной идеологии, политической программы и революционной организации, ставящей своей целью претворение этой программы в жизнь ... Все три признака необходимы в совокупности и в тесной взаимосвязи» (Нечкина, М. В. Первенцы свободы России / М. В. Нечкина // Коммунист. – 1975. – № 17. –

С. 87). Конкретная разработка истории декабризма осуществлялась М. В. Нечкиной, В. А. Федоровым, С. Б. Окунем, Н. Я. Эйдельманом и др.

Многопланово исследовалось развитие освободительного движения 30-50-х гг. XIX в. Выходят исследования о В. Г. Белинском, А. И. Герцене, Н. П. Огареве, П. Г. Чернышевском и т. д. Наконец, в 1979 г. В. А. Дьяков опубликовал монографию «Освободительное движение в России 1825-1861 гг.», в которой была предпринята попытка сравнительно-типологического изучения революционного движения. Ему удалось выявить, сопоставляя программно-идеологические и организационные формы движения, сущностные черты дворянской революционности.

Деятельность государственного аппарата в первой половине XIX в. практически не изучалась. Исключение составили лишь работы П. А. Зайончковского о чиновничестве. В 1978 г. вышла его книга «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.», в которой обобщался огромный фактический материал о всех группах российского чиновничества – от низших чинов до высшей бюрократии – и оценивалась деятельность государственных сановников того времени.

В трудах по истории реформ 60-х гг. XIX в. многие исследователи (Н. М. Дружинин, Б. Г. Литвак, А. Г. Гончий и др.) переключились с изучения подготовки реформ на анализ их реализации, претворения в жизнь программы правительства, что позволило конкретизировать представления о грабительском характере аграрной политики. При этом обобщение политической ситуации перекрывалось в работах экономическими вопросами.

Политическая история второй половины XIX – начала XX в. изучалась более интенсивно. Политическая система России, ее эволюция была представлена фундаментальными работами П. А. Зайончковского о самодержавии конца XIX в. (1970 г.), А. М. Давидови-

ча о классовой сущности и эволюции политического строя в конце XIX – начале XX в. (1970 г.), Н. П. Ерошкина о самодержавии накануне его краха (1975 г.). Некоторые положения исследователей вызвали споры, например, высказывания А. М. Давидовича о государственно-капиталистическом хозяйстве как второй экономической опоре самодержавия, о поддержке буржуазией политического господства помещиков, социальной структуре и политическом облике российской буржуазии.

Заметное оживление наблюдалось в конце 60-х – первой половине 80-х гг. при изучении пролетариата и его движения. Было развернуто исследование становления пролетариата как класса в крупнейших индустриальных районах, жизненного уровня рабочих. Опубликованы биографические материалы о деятелях рабочего движения – П. Алексееве и С. Халтурине. В 1974 г. вышла монография Б. С. Итенберга о Южнороссийском союзе рабочих. Прилагались усилия к разработке ставшей традиционной темы – возникновения марксизма и его соединения с рабочим движением. Наибольший интерес в этом направлении представляют книги Г. С. Жуйкова о группе «Освобождение труда» (1972, 1975 гг.). Определенный толчок разработке данной тематики дал выход в свет в 1970 г. первого тома «Биографической хроники» В. И. Ленина.

В конце 60-х – первой половине 80-х гг. наметились некоторые сдвиги в изучении революции 1905-1907 гг. и февральской революции 1917 г. Большое место в разработке истории событий 1905-1907 гг. занимают исследования, освещающие деятельность партии большевиков в годы революции, об отдельных течениях накануне и в ходе революций. Новым явлением данного периода стало системное изучение классов и партий, враждебных пролетариату. По мнению ученых, для работ по данной проблематике «характерно было стремление исследователей, во-первых, в широких хронологических рамках охватить весь процесс кризиса верхов, от возникновения революци-

онной ситуации в начале XX в. до свержения самодержавия, во-вторых, поднять новые, еще не решенные в исторической науке проблемы» (Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. – М., 1982. – С. 406).

Достаточно типичной работой в этом направлении была вышедшая в 1977 г. книга Л. М. Спирина «Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.)», в которой освещалась история возникновения и деятельность этих партий. Более узко подошел к данной проблематике В. И. Старцев, проанализировавший позицию буржуазии в 1905-1917 гг. Общий вывод исследователя сводился к мысли о стремлении буржуазии постепенно завоевывать государственную власть. Иную точку зрения высказали Е. Д. Черменский и А. Я. Аврех, заявившие о «властобоязни» российской буржуазии, которая не столько «раскачивала» царизм, сколько была озабочена его сохранением.

Определенный полемический оттенок носили работы В. С. Дякина, в частности, монография «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг.» (1978 г.). Он предложил трактовать бонапартизм в годы третьей ионьской монархии как неиспользованную возможность, а не как реальность. Поэтому, по мнению В. С. Дякина, борьба в верхах велась не за проведение того или иного бонапартистского курса, а за то, проводить ли его вообще или нет.

Полемика развернулась по вопросу о составе российского либерализма и его социальном облике. Е. Д. Черменский высказал мысль о единстве земского помещичьего либерализма до образования партий осенью 1905 г. Большинство исследователей заняли противоположную позицию (Л. М. Спирин, К. Ф. Шаццлло, В. Я. Лаверычев). В 70-е гг. началась разработка истории кадетской партии (В. В. Шелохаев, Н. Г. Думова), вылившаяся позднее в монографические исследования.

Изучение социально-экономической истории России начала XX в. основывалось, как и прежде, на разработке проблемы вызревания исторических предпосылок социалистической революции в стране. Ее исследование через призму системного анализа экономических явлений породило серьезные разногласия в среде историков, разрешенные, к сожалению, путем идеологического диктата и нажима. Суть же научного спора сводилась к отстаиванию некоторыми учеными определенных точек зрения:

1) в аграрном строе страны капитализм не победил и, следовательно, докапиталистические отношения продолжали господствовать вплоть до 1917 г.;

2) система крупнокапиталистического промышленного производства в России возникла принципиально отличным от Запада путем, минуя этап свободной конкуренции в результате насаждения промышленности «сверху» государством.

Общий вывод некоторых исследователей свелся к отнесению опыта России к особому типу капиталистической эволюции. С наибольшей полнотой эта точка зрения была выражена в сборнике «Вопросы истории капиталистической России» (1972 г.), который вызвал разгромную критику В. И. Бovyкина, К. Г. Левыкина, С. С. Хромова, Ф. М. Ваганова и др. Сущность расхождений, по мнению одного из критикуемых – П. В. Волобуева, «состоит в разной оценке уровня и характера (типа) капиталистического развития России, то есть степени ее готовности к социалистическому преобразованию в 1917 году». (Еще раз к вопросу о «новом направлении» // Вопросы истории. – 1990. – № 6. – С. 183).

Разгром «нового направления» не привел к спаду в исследованиях социально-экономической истории России начала XX в., хотя стал явственно просматриваться крен в сторону официальной точки зрения.

При изучении проблем российского промышленного капитализма внимание исследователей сосредоточилось на формировании и развитии монополистического капитала. Рассматривались проблемы развития крупного производства, концентрации и монополизации (В. И. Бовыкин, Г. Х. Рабинович, В. Я. Лаверычев, И. А. Дьяконов, Л. В. Матвеева и др.); вопросы функционирования кредитной системы, формирования финансового капитала и его проникновения в различные сферы жизни (А. Н. Боханов, Л. Н. Боголепова, В. Фридман и др.).

Серьезные достижения имелись в изучении аграрного строя России начала XX в. И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов в своей монографии о всероссийском аграрном рынке (1974 г.) показали его функционирование в условиях империализма. Своеобразным итогом многолетних исследований явилась посмертно изданная монография С. М. Дубровского «Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма» (1975 г.), в которой дан анализ соотношения крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве. Активно разрабатывала данную проблематику Р. М. Седельникова, обобщившая аграрную политику правительства (1973, 1980 гг.).

7.3. Изучение отечественной истории советского периода

Изучение отечественной истории советского периода в конце 60-х – первой половине 80-х гг. велось вокруг традиционно сложившихся в историографии тем. Новой была лишь проблематика «развитого социализма». Практически не изменились и подходы к тем или иным явлениям исторической реальности. Проблемы *истории Октябрьской революции* занимали особое место в исследованиях советских историков. Этот этап характеризуется дальнейшим расширением источниковой базы исследований. Во второй половине 60-х гг. появились существенные публикации новых документальных материалов. В связи с 50-летием Октября был опубликован ряд сборников воспоминаний участников революции. Значительный интерес для

исследователей представляло многотомное издание «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», четвертый том которого, вышедший в 1973 г., охватывает период подготовки и победы Октябрьской революции. ИМЛ при ЦК КПСС подготовил очередные тома «Переписки Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», в которых содержится обширный материал, раскрывающий внутреннюю жизнь партии в период решающих событий революции. Завершена публикация документов Петроградского Военно-революционного комитета. Увидели свет подготовленные В. В. Анিকেевым издания «Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году. Хроника событий» (1969) и «Деятельность ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917-1918 гг. Хроника событий» (1974).

Важное место в историографии Октября занимает ленинская тематика. В октябрьской Лениниане соединяются вопросы теории и практики социалистической революции, методологии изучения и конкретно-исторического освещения ее истории. Активизировалось изучение проблем ленинской теории социалистической революции. В ряде изданий обстоятельно анализируется вклад В. И. Ленина в развитие теории социалистической революции, а ее основные вопросы рассматриваются на опыте Октября (А. М. Ковалев, Ю. А. Красин, М. А. Селезнев, М. М. Розенталь и др.).

Особое место в историографии Октября занимают труды о переломных моментах революции, ее важнейших этапах. Историки анализируют развитие революции, исходя из закономерности этого явления. Как и прежде, делается акцент на классовый смысл событий. Данные проблемы разрабатывались в работах М. И. Капустина, А. Я. Грунта, В. Д. Поликарпова, Ю. К. Кириенко.

Возрос интерес к проблеме истории рабочего класса в революции. Значительно расширилась проблематика: наряду с изучением основных этапов, характерных черт и особенностей рабочего движения в период подготовки и проведения социалистической революции

в поле зрения ученых находились также важные вопросы, связанные с характеристикой рабочего класса, его политического и морального облика, его социальной структуры (Д. А. Баевский, Е. Г. Гимпельсон, В. З. Дробижев, Л. С. Гапоненко, Г. А. Трукан и др.). В ходе разработки истории рабочего класса было выдвинуто положение, ставящее под сомнение тезис о решающей роли рабочего класса на отдельных этапах подготовки социалистической революции. В 1970 г. вышел сборник «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония», в котором П. В. Волобуев утверждал, что после февраля пролетариат, «естественно, не был готов к роли вождя новой революции». Книга содержала «еретические» по тем временам идеи о соотношении задач социалистической и буржуазно-демократической революции на различных исторических этапах, о факторах, определяющих уровень сознательности пролетариата, и т. д. Данные положения были подвергнуты уничтожающей критике (В Отделении истории АН СССР // Вопросы истории. – 1972. – № 8. – С. 141-145).

По истории крестьянского движения в 1917 г. в конце 60-х – первой половине 80-х гг. появились сводные труды, охватывающие как проблему в целом, так и особенности крестьянского движения в отдельных районах страны. Советские историки анализировали экономические и политические предпосылки образования союза рабочего класса и беднейшего крестьянства как важнейшего условия победы социалистической революции. Вышли в свет научные труды, в которых освещался более широкий, чем прежде, круг проблем, относящихся к истории крестьянского движения в 1917 г. При исследовании проблем крестьянства была предпринята попытка пересмотреть сложившееся в историографии мнение о характере союза рабочего класса и крестьянства в Октябрьской революции. Исследователи поставили вопрос о том, был ли этот союз пролетариата с беднейшим крестьянством или со всем крестьянством в целом.

Для историографии конца 60-х – первой половины 80-х гг. характерно обращение к исследованию политических сил, противостоящих большевикам в революции. Основные вопросы истории партии эсеров в целом, тактика большевиков по отношению к ним, блок большевиков и левых эсеров (первый опыт правительственного соглашения с мелкобуржуазной партией в условиях диктатуры пролетариата) нашли отражение в ряде специальных исследований. Из числа наиболее значительных работ следует выделить исследование Л. М. Спириным истории мятежа левых эсеров летом 1918 г. и обстоятельную работу Т. А. Сизохиной о деятельности представителей мелкобуржуазных партий во ВЦИК после выхода левых эсеров из состава советского правительства. Заметным вкладом в изучение истории классовой борьбы в период Октябрьской революции и гражданской войны явилась монография К. В. Гусева об эсерах. Появился ряд специальных исследований по истории деятельности и других мелкобуржуазных партий. Среди них книга Н. В. Рубана (1968 г.), в которой проанализированы внутренние процессы, происходившие в меньшевистской партии накануне Октябрьской революции, теоретические воззрения меньшевиков, их деятельность как политической организации.

Проблемы истории мелкобуржуазных партий породили ряд дискуссий, в частности, о социальной базе левых эсеров. По этому вопросу высказаны три точки зрения. Одни авторы полагают, что левые эсеры до весны 1918 г. были крестьянской партией, а затем превратились в кулацкую. Другие считают, что социальная база политической партии меняться не может, и, исходя из этой посылки, выдвигают две новые точки зрения о том, что партия левых эсеров с момента образования и до конца была кулацкой и что это была партия среднего крестьянства.

В рассматриваемый период наметились первые подходы к изучению партии кадетов в революции (Л. М. Спирин, Х. М. Астрахан, Н. Г. Думоза) и позиции монархистов и их организаций (Г. З. Иоффе).

История *гражданской войны* представлена двухтомной обобщающей коллективной монографией «Гражданская война в СССР». Событием стало завершение издания серии документов и материалов по истории войны, публикация которой началась еще в 60-е гг. Среди обобщающих работ следует назвать исследования, анализирующие общее руководство обороной Советской Республики (Ю. И. Кораблев, И. Н. Азовцев, С. В. Липицкий); деятельность партийных органов на фронте (В. Г. Колычев, Н. Ф. Катков); функционирование Советов (П. А. Селиванов, Д. П. Шмуровский). Проблемы «военного коммунизма» обобщались в работах Е. Г. Гимпельсона (1973 г.), который увидел в нем переплетение политики, экономики и идеологии. Подобный подход сделал его книгу заметным вкладом в историографию.

Изучение *истории НЭПа* в конце 60-х – первой половине 80-х гг. стало фактически сворачиваться. Лишь отдельные авторы вели разработку либо теоретических проблем, либо отдельных вопросов периода НЭПа: Ю. А. Поляков – голод 1921 г., В. П. Дмитренко – торговая политика государства в 1921-1924 гг., Н. Я. Трифонов – ликвидация эксплуататорских классов. Проблемы НЭПа стали подменяться тематикой восстановления народного хозяйства после гражданской войны. Типичным примером могут служить работы А. А. Матюгина о рабочем классе в 20-е гг.

Определенный сдвиг произошел в исследовании процесса *индустриализации* и истории рабочего класса. Наибольший интерес представили монографии В. И. Касьяненко о завоевании экономической независимости СССР (1972 г.), В. И. Кузьмина о реконструкции экономики в 1926-1937 гг. (1976 г.). Наметились некоторые шаги в

изучении социально-экономических последствий индустриализации страны.

Аграрная история и проблемы *коллективизации сельского хозяйства* в историографии конца 60-х – первой половины 80-х гг. представлены исследованиями различных сторон этих процессов. Историографы отмечали: «Особенность историографии 70-х годов в том, что производственные отношения крестьянства все чаще рассматриваются не только на уровне внутрикрестьянских, внутридеревенских отношений, но и через призму ожесточенной борьбы рабочего класса с городской и деревенской буржуазией за влияние на крестьянские массы» (Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. – С. 149). В связи с этим исследовались особенности классовой борьбы в деревне накануне и в ходе коллективизации. В 1972 г. вышла книга Н. А. Ивницкого о ликвидации кулачества как класса, в 1975 г. – монография Н. Я. Трифонова о борьбе с эксплуататорскими классами, в 1978 г. – В. А. Сидорова о борьбе в доколхозной деревне.

В исследованиях В. П. Данилова о доколхозной деревне (1977, 1979 гг.), В. Я. Осокиной о поземельной общине в 20-е – начале 30-х гг. (1978 г.) крестьянское хозяйство рассматривалось как элемент определенной динамично развивающейся системы экономических отношений, в которой участвуют практически все основные классы переходной эпохи. При разработке аграрной истории исследователи широко стали привлекать массовые статистические источники.

В конце 1977 г. отмечалось 50-летие XV съезда партии, в связи с чем вышло в свет большое количество работ о коллективизации. Среди обобщающих можно назвать исследование М. А. Вылцана о завершающем этапе коллективизации (1978 г.) и многочисленные книги по регионам.

Серьезный прорыв был сделан в 70-е гг. в изучении Великой Отечественной войны. Только во второй половине 70-х гг. по данной

тематике было опубликовано около 3 900 книг, брошюр, журнальных статей и рецензий. Произошло расширение источниковой базы изучения войны. Окончательно оформились архивы (в частности, Центральный военный архив Министерства обороны СССР), были опубликованы важнейшие документы. Особо следует отметить выход в свет воспоминаний выдающихся военачальников: И. С. Конева (1972 г.), К. К. Рокоссовского (1972 г.), Г. К. Жукова (1974 г.), И. Х. Баграмяна (1975 г.) и т. д. Причем личные впечатления в мемуарах военных сочетались с серьезной исследовательской работой.

Достаточно сложно определить место в историографии тех лет книги «Малая земля», написанной группой авторов и опубликованной под именем Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в 1978 г. Несомненно одно: ее выход положил начало не только очередному витку восхвалений партийного лидера, но и изучению 225-дневной обороны небольшого плацдарма, отвоеванного у гитлеровцев в предместье Новороссийска.

Великая Отечественная война получила освещение в обобщающих коллективных монографиях: очередные тома «Истории второй мировой войны», «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны» (1976 г.) и т. д. Среди авторских работ следует выделить второе издание монографии А. М. Самсонова «Крах фашистской агрессии, 1939-1945 гг.» (1980 г.). По сравнению с первым изданием в книгу дополнительно были включены главы о движении Сопротивления в оккупированных странах Европы, внесены некоторые уточнения в цифровой материал и т. д.

Следует отметить сильную идеологизированность исторической науки конца 60-х – первой половины 80-х гг. Данная тенденция прослеживается при освещении практически любой проблемы отечественной истории советского периода. Наиболее ярко это просматривается в работах по истории так называемого периода «развитого социализма» (П. А. Игнатовский, В. И. Староверов, В. И. Касьяненко,

И. Б. Берхин). Их появление служит свидетельством кризиса исторической науки.

Список источников и литературы

1. Бовыкин, В. И. Еще раз к вопросу о «новом направлении» / В. И. Бовыкин, Е. И. Дружинина, П. В. Волобуев // Вопросы истории. – 1990. – № 6. – С. 164-184.

2. Бурганов, А. Х. Затянувшееся дело / А. Х. Бурганов // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 179-181.

3. Ворожейкин, И. Е. Очерк историографии рабочего класса СССР / И. Е. Ворожейкин. – М. : Политиздат, 1975. – 288 с.

4. Дмитриев, М. В. История отечественной духовной культуры в исследованиях А. И. Клибанова / М. В. Дмитриев // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 124-136.

5. Дружинин, Н. М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. / Н. М. Дружинин. – М. : Наука, 1978. – 287 с.

6. Зорина, В. И. Гегемония пролетариата на буржуазно-демократическом этапе революции в советской историографии / В. И. Зорина, О. Н. Лежнева // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 10. – С. 150-157.

7. Историография истории СССР (эпоха социализма) : учебник / под ред. И. И. Минца. – М. : Высш. школа., 1982. – 336 с.

8. Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. – М. : Наука, 1982. – 598 с.

9. Историческая наука России в XX веке. – М. : Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. – 568 с.

10. Кара-Мурза, С. Г. Советская наука и бюрократическая система: грани взаимодействия / С. Г. Кара-Мурза // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 57-67.

11. Классы и классовая борьба в СССР в переходный период от капитализма к социализму: (Советская историография за 1981-1985 гг.). – М. : ИНИОН АН СССР, 1987. – 108 с.

12. Лельчук, В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы / В. С. Лельчук. – М. : Политиздат, 1984. – 304 с.

13. Минц, И. И. История Великого Октября. В 3 т. / И. И. Минц. – 2-е изд. – М. : Наука, 1977-1980. – Т. 1. – 784 с; Т. 2. – 1008 с; Т. 3. – 904 с.

14. Новосельцев, А. П. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика) / А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1972. – 338 с.

15. Опенкин, Л. А. Механизм торможения в сфере общественных наук: история возникновения, факторы воспроизводства / Л. А. Опенкин // История СССР. – 1989. – № 4. – С. 3-16.

16. Ортабаев, Б. Х. Защита «нового направления» негодными средствами / Б. Х. Ортабаев // Вопросы истории. – 1989. – № 10. – С. 180-181.

17. Поликарпов, В. Д. «Новое направление» – в старом прочтении / В. Д. Поликарпов // Вопросы истории. – 1989. – № 3. – С. 44-61.

18. Семенникова, Л. И. Историко-партийные концепции: научная истина или политический феномен? / Л. И. Семенникова // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 2. – С. 106-118.

8. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В СЕРЕДИНЕ 1980 – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

8.1. Изменение теоретических основ отечественной исторической науки

В середине 80-х гг. отечественная историческая наука вступила в весьма сложный период развития, как и вся общественно-политическая система страны. С одной стороны, наметился необычайно высокий общественный интерес к истории, с другой – произошло резкое падение престижа исторических трудов. Разрешение противоречия большинство историков связало с творческим прочтением трудов классиков марксизма-ленинизма. М. П. Ким, например, заявил: «Наша беда в том, что в изучении истории, развитии исторической науки мы непоследовательно использовали ленинское теоретическое наследие» («Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. – 1988. – № 3. – С. 8). Реализации идеи творческого прочтения работ К. Маркса и В. И. Ленина призваны были служить публикации их ранее малоизвестных или же запрещенных произведений, в частности труда К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». При этом выяснилось, что

марксизм при трактовке истории России наряду с верными положениями включал в себя ошибки принципиального характера. Например, он игнорировал роль внутренних факторов в истории Древнерусского государства, выдвинув явно ошибочное положение об исключительно варяжском составе дружин Рюриковичей и т. п. Приниженную характеристику дал он Ивану Калите, политику, которого назвал «макиавеллизмом раба, стремящегося к узурпации власти». Не менее тенденциозна оценка деятельности Ивана III, который «не сокрушил иго, а избавился от того исподтишка». (Маркс, К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века / К. Маркс // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 4, 6, 11).

Обращение к марксистским оценкам истории России еще более усугубило ситуацию. Поиск выхода из нее привел к идее альтернативности в истории, выборе путей общественного развития, наиболее полно выраженной в историко-методологических работах П. В. Волобуева. Он писал: «... исторический процесс во всех трех его составных частях и параметрах (прошлое, настоящее, будущее) не предопределен и не запрограммирован; он вероятностен. Его вероятностная природа проявляется и в многовариантности развития. Иначе он и не может протекать, так как общественные закономерности реализуются людьми в ходе их деятельности неоднозначно, а во множестве различных форм и видов («многих историй») в зависимости от конкретно-исторических условий, которые весьма разнообразны в каждую эпоху в разных странах и даже в каждой отдельной стране» (Волобуев, П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность / П. В. Волобуев. – М., 1987. – С. 32). Одновременно была предпринята попытка рассмотрения альтернативности на примерах советской истории. Стали писать о повороте 1929 г. и альтернативе Н. И. Бухарина, позиции Л. Д. Троцкого и т. п. Одновременно в научный оборот были введены работы представителей ленинского

окружения (Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин и т. д.) с весьма своеобразной трактовкой марксизма.

Существенные изменения в осмыслении отечественной истории стали происходить в связи с публикацией трудов выдающихся русских философов и историков начала XX в., произведения которых позволили исследователям понять, что стремление к канонизации марксизма является его имманентной закономерностью. Уже С. Н. Булгаковым было показано, что марксизм «чужд всякой этике», так как обосновывает свои выводы и прогнозы, исходя не из требований этического идеала, а из самой действительности. Но он же и «насквозь» этичен, так как, отвергая всякую религию, отвергает тем самым и религиозную нравственность, на место которой ему нечего поставить, кроме самого себя. Таким образом, возникает возможность самого тяжкого «застоя» в области общественных наук.

Публикация российских мыслителей начала XX в. способствовала складыванию понимания всего аморализма учения о классовой борьбе как двигателе истории. Идея К. Маркса и В. И. Ленина о необходимой смене оружия критики критикой стала рассматриваться как своеобразное обоснование террора против инакомыслия во всех сферах общественной жизни. Установившееся в результате этого единообразие обеднило исследование исторической реальности, в первую очередь исключив из процесса человека. С. И. Булгаков писал: «Для взоров Маркса люди складываются в социологические группы, а группы эти чинно и закономерно образуют правильные геометрические фигуры так, как будто кроме этого мерного движения социалистических элементов в истории ничего не происходит, и это упразднение проблемы и заботы о личности, чрезмерная абстрактность есть основная черта марксизма, и она так идет к волевому душевному складу создателя этой системы» (Булгаков, С. Н. *Философия хозяйства* / С. Н. Булгаков. – М., 1990. – С. 315). После публикации работ русских мыслителей начала XX в. широким слоям истори-

ков открылись многие религиозно-мифотворческие моменты марксизма, его многогранное идеалистическое начало. Н. А. Бердяев, в частности, писал: «Маркс создал настоящий миф о пролетариате. Миссия пролетариата есть предмет веры. Марксизм не есть только наука и политика, но есть также вера, религия» (Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М., 1990. – С. 83).

Параллельно шла «реабилитация» зарубежной немарксистской философии истории и исторической мысли. В круг чтения российских историков вошли книги Ф. Броделя, Л. Февра, М. Блока, К. Ясперса, А. Дж. Тойнби, Э. Карра и др. При этом в их трудах достаточно четко просматривалось уважительное и объективное отношение к истории России, что явно противоречило основному тезису советской историографии о зарубежной литературе как о фальсификации исторического процесса. В этом плане показательным является заявление Л. Февра: «...Россия. Я не видел ее собственными глазами, специально не занимался ее изучением и все же полагаю, что Россия, необъятная Россия, помещичья и мужицкая, феодальная и православная, традиционная и революционная, – это нечто огромное и могучее» (Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991. – С. 65).

Описанные процессы привели к переосмыслению марксизма-ленинизма как теоретической базы исторической науки. Историками был поставлен вопрос: в какой мере марксистская теория формаций способствует углублению и прогрессу исторического познания? В ходе дискуссий многие охарактеризовали сведение всего многообразия «мира людей» к формационным характеристикам как «формационный редукционизм» (Формации или цивилизации? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 34), ведущий к игнорированию или недооценке человеческого начала, в чем бы оно ни выражалось. Размышляя по этому поводу, А. Я. Гуревич писал: «... мировой исторический процесс едва ли правомерно понимать в виде линейного восхождения от одной формации к другой,

равно как и размещения этих формаций по хронологическим периодам, ибо так или иначе на любом этапе истории налицо синхронное сосуществование и постоянное взаимодействие различных социальных систем» (Гуревич, А. Я. Теория формаций и реальность истории / А. Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 37). Кроме того, современная историческая наука приступила к изучению «малых групп», тогда как формационный подход к истории предполагает оперирование обобщенными понятиями, которые выражают высокую степень абстрагирования.

Развитие исторической науки в России поставило перед учеными задачу разработки гибкого и адекватного современной эпохе теоретического и методологического инструментария. Вышеуказанное противоречие выступает лишь проявлением этой тенденции. Попытки же его разрешения привели к расширению методологической базы отечественной исторической науки и началу складывания направлений и школ. Среди них, допуская определенную условность классификации, можно выделить:

1) марксистское направление, представленное основной массой историков как центра, так и провинции. В силу определенных причин оно не охватывает обширные пласты актуальной проблематики, выдвинувшейся в наши дни на передний план в гуманитарном знании;

2) школа структурно-количественных методов, ориентированная в значительной степени на достижения англо-американской историографии. Ее сторонники допускают и требуют:

- широкого подхода к объекту познания, разностороннего его рассмотрения;

- применения различных методов выявления, сбора, обработки и анализа конкретно-исторических данных;

- всесторонней интерпретации и обобщения результатов конкретно-исторического анализа.

При этом основная цель применения математического аппарата в исследованиях состоит в том, чтобы «в результате математической обработки и анализа исходных количественных показателей получить новую, непосредственно не выраженную в исходных данных информацию. Историко-содержательный анализ этой информации должен дать новые знания об изучаемых явлениях и процессах» (Количественные методы в советской и американской историографии. – М., 1983. – С. 13);

3) школа «антропологически ориентированной истории», представители которой провозгласили, что «наиболее перспективными представляются современные школы гуманитарного знания, которые исследуют знаковые системы, присущие данной цивилизации, систему поведения принадлежащих к ней людей, структуру их ментальностей, их концептуальный аппарат, психологическую вооруженность» (Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры: 1989 год. – М., 1989. – С. 5). В своих исследованиях историки этого направления ориентируются на достижения историко-психологической школы дореволюционной России (Л. П. Карсавин, П. М. Бицилли), французской, а ныне международной школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Дюби) и западногерманской школы «повседневной истории».

Кроме того, во второй половине 80-х – начале 90-х гг. наметилось возрождение региональной историографии, связанное с крахом идеи унификации исторической науки. Несмотря на наличие кризисных явлений в провинциальной исторической мысли, исследователи заговорили о своеобразии и специфике местной истории.

8.2. Основные проблемы изучения дореволюционной отечественной истории

Современная отечественная историография проблемы характеризуется широким обменом мнениями по целому ряду ключевых

проблем феодальной фазы исторического развития. Одной из главных тем при этом выступают вопросы генезиса феодализма в Древней Руси. До последнего времени при их рассмотрении господствовали и развивались традиции школы Б. Д. Грекова (работы Б. А. Рыбакова, М. Б. Свердлова и др.), основной идеей которого была мысль об изначальном феодализме Древней Руси. В качестве доказательств развития феодального способа производства при этом фигурируют три основных фактора: 1) система государственных податей и повинностей (отсюда – свободные смерды становились феодально-зависимыми); 2) использование железных орудий труда (это вело к появлению хозяйственно самостоятельных малых семей и соседских общин); 3) чинимые феодалами-боярами все виды насилия, с помощью которых они постепенно утверждали свое господство, превращая общинников в холопов и закупов. (Горемыкина, В. И. О генезисе феодализма в Древней Руси / В. И. Горемыкина // Вопросы истории. – 1987. – № 2. – С. 80). Несколько иную позицию занял И. Я. Фроянов, находящий с некоторыми оговорками и особенностями на Руси IX – XI вв. позднеродовое общество. Наконец, В. И. Горемыкина попыталась изменить устоявшуюся точку зрения и заявила: «Нам представляется, что у восточных славян общество с VI – VII вв. имело рабовладельческий характер, а затем в XII в. оно превратилось в феодальное» (Там же. С. 100). Более гибкую позицию занял А. П. Пьянков, усмотревший наличие слоя рабов в городах Руси еще в XI в. Древнерусскую государственность он возвел к более раннему времени, нежели VIII – IX вв.

Практически одновременно был поставлен вопрос о генезисе государственности на Руси. Академик Б. А. Рыбаков опубликовал ряд работ, где признал основой Древней Руси киевский регион, ведущий свою родословную от Полянского княжества. Данная точка зрения восходила к трудам Д. И. Иловайского и М. С. Грушевского и была поддержана лишь П. Толочко. С ее критикой выступил А. П. Ново-

сельцев, призвавший начинать историю Древней Руси, как это делали Б. Д. Греков и другие ученые, с объединения севера (Новгород) и юга (Киев).

Нужно отметить, что в условиях новой историографической ситуации стала возможной критика непререкаемых до этого авторитетов, в частности, работ того же Б. А. Рыбакова. К числу его ошибок и неточностей были отнесены попытки удревнить время сложения славянства до середины 2-го тысячелетия до н. э., отрицать роль Новгорода в образовании Древнерусского государства, датировать начало летописания в Киеве временем Аскольда и Дира и т. п. По мнению А. П. Новосельцева, «под прямым влиянием взглядов Рыбакова ряд авторов разной квалификации занялся поиском русов среди явно неславянских этносов (гуннов и т. д.), а самые ретивые пытаются увязать русов даже с этрусками» («Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. – 1988. – № 3. – С. 29). Серьезную критику вызвало отношение Б. А. Рыбакова к источникам, в частности, к античным и арабским.

В связи с образованием Древнерусского государства в отечественной историографии вновь был поднят вопрос о роли норманнов в генезисе государственности. При этом сложились три подхода к известиям летописи о призвании варягов. Одни исследователи считают их в основе своей исторически достоверными. Они исходят из представлений о Ладоге как «первоначальной столице Верхней Руси», жители которой выступили с инициативой призвания Рюрика. По их мнению, этот шаг был весьма дальновиден, так как позволил «урегулировать отношения практически в масштабах всей Балтики». Другие – полностью отрицают возможность видеть в этих известиях отражение реальных фактов. Летописный рассказ трактуется как легенда, сложившаяся в пылу идеологических и политических страстей конца XI – начала XII вв. Источники, по мнению, например, Б. А. Рыбакова, «не позволяют сделать вывод об организующей роли норман-

нов не только для организованной Киевской Руси, но даже и для той федерации северных племен, которые испытывали на себе тяжесть варяжских набегов». Третьи (И. Я. Фроянов) улавливают в «предании о Рюрике» отголоски действительных происшествий, но отнюдь не тех, что поведаны летописцем (Фроянов, И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов / И. Я. Фроянов // Вопросы истории. – 1991. – № 6. – С. 5-6).

Наряду с западными факторами воздействия на Древнерусское государство в современной отечественной историографии достаточно остро стоит проблема восточного влияния, постановка которой связана с исследованиями Г. А. Федорова-Давыдова и Л. Н. Гумилева. Л. Н. Гумилеву принадлежит ряд предположительных утверждений: о своеобразном характере монгольской религии, сближающей ее с монотеизмом или дуализмом, о сознательном изобретении иерусалимскими феодалами «легенды о пресвитере Иоанне», о походах Батыя 1237-1240 гг. как о двух «кампаниях», лишь незначительно уменьшивших «русский военный потенциал», о «первом освобождении Руси от монголов» в 60-е гг. XIII в. и т. д. (Лурье, Я. С. К истории одной дискуссии / Я. С. Лурье // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 129). Между ними и показаниями источников существуют прямые противоречия, на что указывал в свое время Б. А. Рыбаков.

Изменение историографической ситуации повлекло публикацию книг по истории феодализма, концепция которых отличается от традиционной. Примером могут служить монографические исследования А. А. Зимина о формировании боярской аристократии в России в XV – начале XVI вв., о предпосылках первой крестьянской войны и т. д. В них ученый исходит из мысли о том, что судьбы общества и личности неизбежно и всегда взаимосвязаны. Кроме того, интересной представляется его идея о заметных следах, пережитках удельной децентрализации в России в конце XV – XVI вв.

Во второй половине 80-х гг. по-новому стала оцениваться роль церкви в истории России. Вышел ряд работ о взаимоотношении ее с властью: А. Кузьмин – о христианизации Руси (1988 г.), Я. Н. Щапов – о взаимоотношении государства и церкви в X – XIII вв. (1989 г.), Р. Г. Скрынников – о связи советской и духовной власти в XIV – XVII вв. (1990 г.), В. И. Буганов и А. П. Богданов – о бунтарях в русской православной церкви (1991 г.). А. П. Богданову в книге «Перо и крест. Русские писатели под церковным судом» (1990 г.) удалось показать втягивание церкви в государственную охранительную систему с XVI до начала XX вв. – процесс равно драматический для русской церкви и российского общества.

Происходил отход от идеологизированных оценок крестьянских войн, которые традиционно именовались антифеодальными. Однако таковыми могли быть только буржуазные революции. Н. И. Павленко писал по этому поводу: «Крестьяне, как известно, в силу многих причин своего бытия не могли «изобрести» новых общественно-экономических отношений и политической системы. Крестьяне в ходе восстаний «боролись не против системы, а за её улучшенный вариант...» (Павленко, Н. И. Историческая наука в прошлом и настоящем / Н. И. Павленко // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 91). Некоторые авторы стали отказываться от идеализации крестьянских войн, писать об их разбойном характере, о разрушении материальной и духовной культуры, нравственности, разграблении помещичьих усадеб, сожжении городов и т. п. Наметился отход от тезиса о расшатывании феодально-крепостнической системы как основном итоге крестьянских войн. Пришло осознание того, что после подавления восстаний дворянство не только реставрировало старые порядки, но и укрепляло их путем совершенствования административной системы и увеличения повинностей в пользу феодала.

В рассматриваемый период по-новому рассматривался вопрос о перерастании сословно-представительной монархии в абсолютную.

При оценке данных процессов Н. Ф. Демидова отнесла их начало к XVII в., характеризуя приказную систему как проявление бюрократизма. С иных позиций выступил Н. И. Павленко, связавший возникновение бюрократии в России с унификацией государственного управления в петровское время. Аналогичную точку зрения высказал Е. В. Анисимов, исследовавший историю XVIII в.

Разработка проблем российского абсолютизма привела историков к понятию «петровский период» истории. Наиболее четко его определял Н. Я. Эйдельман: «Революция Петра определила русскую историю примерно на полтора века...» (Эйдельман, П. Я. «Революция сверху» в России. – М., 1989. – С. 67). Определенные уточнения в эту формулу были внесены Е. В. Анисимовым, высказавшим парадоксальную, на первый взгляд, мысль об отчетливом консервативном характере революционности Петра Великого. Исследователь писал: «Модернизация институтов и структур власти ради консервации основополагающих принципов традиционного режима – вот что оказалось конечной целью. Речь идет об оформлении самодержавной формы правления, дожившей без существенных изменений до XX века, о формировании системы бесправных сословий, ставшей серьезным тормозом в процессе развития средневекового по своей сути общества, наконец, о крепостничестве, упрочившемся в ходе петровских реформ» (Анисимов, Е. В. *Время петровских реформ* / Е. В. Анисимов. – Л., 1989. – С. 13-14).

Публикация или репринтное воспроизведение многочисленных «романов императрицы», «любовников Екатерины», «женщин Петра Великого» и так далее помимо отрицательного влияния на формирование массового исторического мышления имели и положительное значение в виде восстановления интереса профессиональных историков к роли личности в истории. Наметился отход от одноплановой характеристики царей и дореволюционных политических деятелей. Н. И. Павленко по этому поводу пишет: «Ясно, что продолжительные

царствования накладывали свой отпечаток на внутреннюю жизнь государства и его внешнюю политику. Царь в соответствии с мерой своей просвещенности и понимания задач, стоящих перед страной, формировал «команду», если так можно выразиться, мозговой центр, генерировавший идеи и с соизволения монарха претворявший их в жизнь» (Павленко, Н. И. Указ. соч. / Н. И. Павленко. – С. 92). Появились биографии известных политических, военных деятелей, дипломатов XVIII в. А. В. Гаврюшкин опубликовал книгу о графе Н. И. Панине (1989 г.), В. С. Лопатин – о взаимоотношениях Г. А. Потемкина и А. В. Суворова (1992 г.), П. В. Перминов – о посланнике России в Константинополе А. М. Обрескове (1992 г.). Увидела свет написанная еще в 20-30-е гг. монография А. И. Заозерского о фельдмаршале Б. П. Шереметеве (1989 г.). А. С. Мыльников по-иному оценил деятельность Петра III.

Исследование сущности государственной власти XVIII – начала XX вв. привело к постановке проблемы соотношения реформ и контрреформ в истории России. Обращение к политической истории «революций сверху» произошло впервые за последние десятилетия развития исторической науки в нашей стране и явилось в значительной степени показателем происходящих в ней изменений.

Реформы начала XIX в. достаточно серьезно были проанализированы М. М. Сафоновым и С. В. Мироненко. Через призму личности графа М. М. Сперанского попытался представить их В. А. Томсинов. Исследователи пришли к выводу о складывании в российском обществе сознания необходимости и неизбежности коренных преобразований. В этих условиях правительство вступило на путь реформ, а общество обратилось первоначально к давлению на правительство, поддержке, подталкиванию его реформаторских устремлений, потом революционной борьбе. Последнее вызвало реакцию и стремление укрепить основу существующей системы. С этих позиций стали рассматривать и восстание декабристов, получившее отражение в моно-

графиях В. А. Федорова «Своей судьбой гордимся мы...» (1988 г.) и Я. А. Гордина «Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года» (1989 г.).

При анализе ситуации середины XIX в. наметилось смещение хронологических рамок реформ. По мнению ряда исследователей, оттепель обозначилась еще в середине 50-х гг. XIX в., сами же реформы явились типичной «революцией сверху». Новые подходы к анализу реформ наметились в первую очередь в работах экономистов, а не историков. Г. Х. Попов рассмотрел экономические, социальные, идейно-политические корни реформ, непосредственные причины, сделавшие их необходимыми и заставившие царя проявить инициативу и провести ее сверху. Он привел материал о попытках реформ, в частности, дал оценку экспериментам, проводимым с государственными и удельными крестьянами. Г. Х. Попов показал, что в борьбе между яркими противниками, либерально настроенными и горячими сторонниками реформы, каждый из которых отстаивал свою программу реформы, родился не «пруссский», не «американский», а особенный – «русский» путь преодоления феодальных отношений, подготовивший развитие капитализма. Он писал: «Реформа 1861 г. была выдающимся маневром самого могучего и самого опытного в мире абсолютизма. Она опередила внутреннее вызревание кризиса. Искусно маневрируя, по существу оставаясь всегда в меньшинстве, делая уступки крепостникам, абсолютизм разработал и осуществил тот вариант преобразований, который в наибольшей мере отвечал интересам самодержавия и сто аппарата» (Попов, Г. Х. Отмена крепостного права в России / Г. Х. Попов // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. – М., 1990. – Вып. 2. – С. 69). Проблема соотношения реформ и революции при анализе пореформенного развития отечественной истории стала центральной в исследованиях этого периода. К данной тематике обратились А. А. Искандеров, Б. Г. Литвак, Р. Ш. Ганелин и др. Ее рассмотрение происходило с учетом альтернативности развития. В этом плане достаточно показательно высказы-

вание А. А. Искандерова: «Перед Россией XX в. реально стояли не один, а два возможных пути развития: путь революционного свержения существующего строя и путь мирного преобразования общества и государства» (Искандеров, Л. А. Российская монархия, реформы и революция / Л. А. Искандеров // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 126). Соотношение реформ и революции в российской истории начала XX в. достаточно полно было рассмотрено в монографии Р. Ш. Ганелина (1991 г.). Ему удалось показать, что реформаторская деятельность царизма не ограничивается событиями декабря 1904 г., февраля и октября 1905 г. По его мнению, попытки правительства организовать преобразования не прекращались, одновременно трудились разные комиссии и подкомиссии, постоянные и единовременные совещания, другие государственные структуры, воплощая монаршую волю.

Особо встал вопрос о столыпинских реформах. По мнению академика И. Д. Ковальченко, получила «широкое распространение трактовка «столыпинского пути» чуть ли не как образца аграрного развития, который, якобы, должен быть учтен и даже воспроизведен в современной перестройке аграрных отношений в советской деревне. Имеет место не только игнорирование исторического подхода и достоверных фактов, но и конъюнктурная фальсификация важного исторического события» (Ковальченко, И. Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) / И. Д. Ковальченко // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 53). И. Д. Ковальченко, отрицая разработки последних лет, заявил о том, что «столыпинская аграрная реформа, по сути, провалилась еще до первой мировой войны», а «социалистическая революция в России была неизбежностью, обусловленной особенностями ее исторического, прежде всего аграрного, развития» (Там же. С. 69, 70). Многими исследователями позиция И. Д. Ковальченко была поддержана. В то же время нельзя игнорировать и разработки, связанные с политическими аспектами столыпинских реформ.

В частности, стало утверждаться мнение о своеобразном альянсе против П. А. Столыпина совершенно противоположных политических сил. П. Я. Эйдельман писал по этому поводу: «С одной стороны, новый премьер и его политика подвергались разнообразным революционным ударам. Большевики рассматривали борьбу со Столыпиным как проблему классовую, эсеры же, анархисты в немалой степени сражались с личностью самого Столыпина, вели террор и против членов его семьи... Правое дворянство и весьма прислушивающийся к нему Николай II видели в Столыпине «нарушителя вековых основ», передававшего исконную дворянскую власть – буржуазии» (Эйдельман, Н. Я. «Революция сверху» в России / Н. Я. Эйдельман. – М., 1989. – С. 163-164).

Политическая история рубежа XIX – XX вв. стала находиться в центре внимания отечественной историографии, и она отодвинула на второй план широко изучавшиеся ранее социально-экономические процессы. Среди вышедших работ особо следует выделить монографию С. В. Тютюкина об июльском политическом кризисе 1906 г. (1991 г.), книгу Г. А. Герасименко о земском самоуправлении до 1917 г. (1990 г.), последние работы А. Я. Авреха о политической ситуации накануне революции 1917 г. Достаточно интересные исследования вышли по истории политических партий: Г. Д. Алексеевой – народнические партии (1990 г.), П. Г. Думовой – кадеты в первой мировой войне и февральской революции (1988 г.) и т. д. В. М. Жухрай опубликовал книгу «Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы» (1991 г.), в которой показывается закулисная история правящих кругов России начала XX в. Он пишет о высших чинах российской полиции и агентах, внедренных в революционное движение.

На стыке политической и социально-экономической истории вышли в свет работы о классах и сословиях России начала XX в. Весьма интересна написанная в русле этой тематики монография А. Н. Боханова «Крупная буржуазия России. Конец XIX в. – 1914 г.»

(1992 г.), в которой впервые в историографии рассматривается численность и состав высшего слоя предпринимателей, выяснены источники его пополнения, проанализировано соотношение классовых и сословных характеристик.

Наметились новые подходы к изучению февральской революции. Начало им положили вышедшие в 1987 г. монографии Л. М. Спирина «Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий» и Г. З. Иоффе «Великий Октябрь и эпилог царизма». Они сочетали в себе традиционные для советской историографии подходы с новыми веяниями. Продолжая развивать данную тенденцию, Г. З. Иоффе в 1989 г. выпустил книгу о генерале Л. Корнилове и начале становления «белого дела».

8.3. Советский период в работах историков середины 1980-х – начала 1990-х гг.

Переосмысление истории Отечества советского периода началось во второй половине 1980-х гг. в публицистике, а лидером был, без сомнения, Ю. Н. Афанасьев. Активно выступали также Ю. Карякин, Н. Шмелев, Г. Попов и другие, предложившие новое концептуальное понимание отдельных этапов истории и выработавшие концепцию «белых пятен». Оценивая ситуацию тех лет, Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов писали: «... "Профессорская" публицистика давала широкую панораму, историки работали над деталями. Но поскольку «деталей» и «белых пятен» было неизмеримо больше, чем историков, способных ими заниматься, то профессиональная историческая публицистика тонула в широком море популярных непрофессиональных статей (Бордюгов, Г. А. История и конъюнктура / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. – М., 1992. – С. 8). Ими была предложена своеобразная периодизация развития исторической публицистики:

1988 г. – «бухаринский бум»,

1988-1989 гг. – «сталиниада»,
1989-1990 гг. – «суд над Лениным»,
1990 – «возвращение Троцкого».

Историческая публицистика сыграла свою роль – ей удалось выявить и поставить наиболее слабо разработанные проблемы, острые вопросы исторического развития, наметить новые концептуальные подходы. Однако она не поднялась до уровня действительно новой историографии. Историки не написали за это время ничего такого, что не было бы известно мировой исторической мысли. В то же время публицистика создала почву для новой исторической конъюнктуры. Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов отмечали: «...советская историография со всеми познавательными структурами, психологией кадров, представлениями и ориентирами, объективно говоря, была готова только к тому, чтобы вынуть отработанный блок концепций, почерпнутых из «Краткого курса истории ВКП(б)», и заменить его другим...» (Там же. С. 31).

В конце 80-х – начале 90-х гг. исследователи Октябрьской революции освободились от идеологического диктата, произошло расширение источниковой базы, появилась возможность использования научного потенциала небольшевистской историографии, что открыло качественно новые возможности для переосмысления традиционных сюжетов. Идет размывание барьера, возникшего в результате вульгаризированного формационного подхода, что позволяет вписать события 1917 г. в контекст российской и мировой истории XX в. Это касалось в первую очередь комплекса противоречий, определивших содержание и смысл революции. Некоторые исследователи (В. П. Дмитренко и др.) утверждали, что в 1917 г. имели место явления, не всегда укладывающиеся в рамки «социалистического строительства». По их мнению, уместно говорить о существовании параллельных («малых») революций, таких как национально-освободительная, бедняцко-пролетарская, аграрно-крестьянская. Не-

обходимо учитывать, что особую окраску этим революциям придали условия российского индустриального броска и участие империи в первой мировой войне. Комплекс разнообразных конфликтов раздвинул содержательные рамки революции, сделал крайне пестрым состав ее участников, программ и целей. Это ослабило авангард революционных сил в лице партий и вместе с тем обеспечивало сплочение нетерпеливых, быстро радикализировавшихся низов.

Исследователи предлагали рассматривать события 1917 г. как единый революционный цикл, исключительно сложный по своим компонентам, динамике, самореализации, как Великую Российскую революцию. В ходе ее возник фактор, оказавший решающее воздействие на происходившие процессы – тотальный распад институтов власти. В. П. Дмитренко писал: «Самой трагической вехой на этом пути стала ликвидация монархии. С общества была сорвана скрепа государственности, затем стали рваться складывающиеся веками социально-управленческие связи и пошатнулись привычные устои самосознания народа. Отсутствие альтернативной системы управления породило нарастающий хаос во всех сферах жизни общества...» (Октябрьская революция: ожидания и результаты // Отечественная история. – 1993. – № 4. – С. 213).

Появилась возможность более глубокого анализа социальных сил, участвовавших в революции 1917 г. Первоочередное внимание уделялось при разработке этого направления крестьянству. Среди многочисленных работ по данной тематике заметно выделялись исследования В. В. Кабанова, который с достаточной полнотой обосновал тезис о существенных потерях крестьянства в результате революции. Он считал, что Декрет о земле (1917 г.) вызвал массу надежд, а затем разочарований. Помещичьих земель не хватало, ибо крестьянское малоземелье было обусловлено не только и не столько феодальными пережитками, сколько аграрным перенаселением.

Аграрный вопрос в революции и гражданской войне является одним из самых запутанных в российской истории. Исследования тех лет показали, что накануне 1917 г. российский крестьянин страдал не столько от малоземелья, имея в среднем по 5-7 десятин пашни на душу, сколько от низкой культуры земледелия. Анализ статистики, произведенный В. П. Буттом, показал, что «черный передел» 1917-1918 гг. лишь на 5-10% увеличил крестьянские наделы за счет фактического уничтожения 20 тысяч помещичьих хозяйств, которые поставляли около половины товарного хлеба на рынок. Эти процессы в немалой степени содействовали стихийному развалу армии, расколу общества, дезорганизации экономики и ухудшению продовольственного снабжения и т. п.

Новые подходы к изучению гражданской войны поставили вновь вопросы, не разрешенные в ходе предыдущего развития исторической науки в стране. Среди них – проблема начала гражданской войны, трактуемая неоднозначно. В. И. Петров высказал концептуальное соображение об отсутствии связи между революцией и гражданской войной. По его мнению, революция выступает лишь как предпосылка к гражданской войне, но нельзя отождествлять вооруженное насилие в ходе свержения режима с началом гражданской войны. События с октября 1917 г. до февраля 1918 г. служат в его трактовке прологом гражданской войны. Иную позицию занял Е. Г. Гимпельсон, заявивший о том, что именно Октябрьская революция послужила началом гражданской войны. Он считает, что гражданская война была неизбежна, потому что партия большевиков решила установить диктатуру пролетариата и с ее помощью вести страну по пути социализма. По его мнению, это была основная причина гражданской войны, поскольку реализация идеи диктатуры пролетариата и строительства социализма в крестьянской стране неизбежно вызывала ответную негативную реакцию не только со стороны свергнутых правящих классов, но и значительной части крестьянства.

Свою трактовку событий предложил Л. М. Спирин, выделивший не одну, а несколько гражданских войн в России. Первая из них, развязанная большевиками, началась летом 1917 г. и завершилась Октябрем. Вторая гражданская война началась в октябре 1917 г., прошла три этапа и закончилась в 1922 г. Первый этап – с октября 1917 г. до лета 1918 г., когда кардинальные преобразования (перераспределение собственности и укрепление власти) решались преимущественно невооруженным путем. Вторым этапом – с лета 1918 г. до конца 1920 г. – главный период, собственно гражданская война. С 1921 г. начинается третий этап – самой настоящей гражданской войны, войны народной (серия восстаний в Кронштадте, в Тамбовской губернии, в Сибири, на Украине, Северном Кавказе и т. д.).

Достаточно сложной проблемой является решение вопроса о виновности тех или иных сил в развязывании гражданской войны. Ю. П. Шарапов заявил о некорректности такой постановки вопроса, ибо известно, что виноваты обе стороны. Его поддержал В. И. Петров, по мнению которого «виновата» история, стечение объективных трагических обстоятельств. Т. З. Иоффе занял иную позицию. В его трактовке гражданская война была результатом борьбы за власть, развязанной политическими структурами. Более определенно высказался Е. Г. Гимпельсон, возложивший вину за развязывание гражданской войны на большевиков, в идеях и практике которых война содержалась уже в потенции. Например, идея диктатуры пролетариата исходила из раскола общества по социально-идеологическому принципу, деления его на «чистых» и «нечистых», по отношению к которым можно применять любые формы насилия, вплоть до массового террора.

Началась серьезная научная разработка проблемы последствий гражданской войны. Практически все исследователи указывали на то, что эти события повлекли за собой:

– огромную социальную перетряску и демографическую деформацию;

– разрыв экономических связей и колоссальную хозяйственную разруху;

– изменение психологии, менталитета широких слоев населения.

Многие ученые считали, что именно гражданская война оказала существенное влияние на политическую культуру большевизма, которую характеризовали следующие черты: свертывание внутрипартийной демократии; восприятие не только верхушкой партии, но и широкой партийной массой установки на методы принуждения и насилия в достижении политических целей; опора партии на люмпенизированные слои населения.

С середины 80-х гг. НЭП оказался в центре внимания историков, экономистов, обществоведов. Появились исследования о возможностях НЭПа, его кризисах и перспективах (В. П. Данилов, В. П. Дмитренко, В. С. Лельчук, Ю. А. Поляков, Н. С. Симонов). Сопоставление различных точек зрения позволило создать базу для дальнейшего анализа, определившего новые конкретно-исторические исследования. Историки отметили, что даже в условиях НЭПа политические интересы довели над экономической целесообразностью, что являлось имманентной чертой большевизма. И. В. Быстрова пишет: «С одной стороны, хозяйственная деятельность правящего аппарата диктовалась политическими интересами. С другой стороны, решение экономических проблем, судьба НЭПа упиралась опять-таки в политическую проблему – вопрос о власти» (Быстрова, И. В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность / И. В. Быстрова // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 33). Достаточно четко это просматривается при анализе «антоновщины», которую многие авторы (С. А. Есиков, В. В. Канищев, Л. Г. Протасов) предлагали рассматривать как крестьянское восстание, форму народного сопротивления военно-коммунистической диктатуре. Причем «Союз трудового крестьянства», трактуемый как элемент организованности и осознанности в движении, по их мнению, отражает поиск крестьянской альтернативы «диктатуре пролетариата» в момент ее кризиса.

Изучение НЭПа породило целый ряд проблем. В частности, во второй половине 80-х гг. в отечественной общественно-политической, историко-экономической литературе открыто прозвучали вопросы об альтернативных путях советского общества, о сущности власти, господствующей в стране на протяжении многих десятилетий (Г. Попов, О. Лацис, Ю. Голанд, Л. Пияшева). Проблема формирования так называемых «командно-административной системы», «государственного социализма», «тоталитаризма» была поставлена в общем, оценочном плане. Практически сразу же были выдвинуты возражения против концепции тоталитаризма как ключевой в изучении СССР. Ю. И. Игрицкий пишет: «Суть их сводилась к следующему: 1) тоталитарная модель статична, с ее помощью трудно объяснить все те закономерные изменения, которые произошли в коммунистических странах и в коммунистическом движении после смерти Сталина: 2) история не знала и не знает ситуации, когда диктатор, партия, та или иная элитарная группа целиком и полностью контролировала бы развитие общества и всех его ячеек; степень же приближения к тотальности невозможно вычислить ни с помощью квантификационных методов, ни, тем более, без них» (Игрицкий, Ю. И. Снова о тоталитаризме / Ю. И. Игрицкий // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 8). Прозвучали обвинения и идеологического характера. Достаточно типичным в этом плане можно считать высказывание А. К. Соколова: «Не составляет секрета, что эта концепция взята из западной историографии. Она отрицает классовый и формационный подход к анализу исторического процесса. На одном полюсе – «тоталитарное общество», на другом – «свободное общество», олицетворяемое так называемыми «западными демократиями». Каждый исследователь, который берет на вооружение положения этой теории, должен отдавать себе отчет в том, что это влечет за собой переоценку всех событий нашей советской истории, фактический отказ от марксистской интерпретации развития общества» (Актуальные проблемы советского источниковедения // История СССР. – 1989. – № 6. – С. 59).

Несмотря на критику, точка зрения о господстве тоталитарной системы в СССР в историографии утвердилась. Ю. С. Борисовым было показано, как к концу 30-х гг. завершилось создание двух охранительных режимов – административно-карательного и пропагандистско-идеологического. В более широком политическом плане произошло, по мнению Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, превращение демократического централизма в недемократический, затем в авторитарно-административную систему и, наконец, в авторитарно-деспотическую систему. Н. С. Симонов сделал вывод о сущности режима этой власти. Он писал: «Возможно, что такой режим власти и был, наконец, найденной формой для осуществления марксовской идеи «диктатуры пролетариата» в одной, отдельно взятой стране» (Симонов, Н. С. Термидор, брюмер или фрюктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность / Н. С. Симонов // Отечественная история. – 1993. – № 4. – С. 17).

Концепция складывания тоталитарной системы в СССР оказала воздействие на разработку традиционных для отечественной историографии тем: индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. В 1988-1989 гг. в печати появились статьи О. Лациса, Л. Гордона, Э. Клопова, В. Попова, Н. Шмелева, Г. Ханина, В. Селюнина и других, поставивших проблему содержания и масштабов индустриализации. Ими было отмечено, что в эпоху индустриализации возникли инфляционные тенденции и произошли громадные подвижки в ценах. Поэтому сравнения, основанные на обобщающих стоимостных показателях и характерные для советской историографии, оказались ненадежными. Исследователи завышали темпы роста, особенно в периоды заметного обновления продукции. Данная точка зрения шла в какой-то мере вразрез с официальным мнением, сложившимся на более ранних этапах развития исторической науки. Полемизируя с ней, С. С. Хромов заявил, что индустриализация дала «возможность преодолеть противоречие между самой передовой политической властью, установившейся после Октябрьской революции, и унаследованной технико-экономической отсталостью». (Акту-

альные проблемы истории индустриализации и индустриального развития СССР // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 200). Отвергая мысль о необходимости более медленных темпов индустриализации, он сослался на В. И. Ленина, требовавшего обеспечения высоких темпов развития производительных сил. Высказавшийся по этому поводу В. С. Лельчук занял компромиссную позицию. Он повторил традиционный тезис о промышленном преобразовании страны как главном результате политики индустриализации. Однако одновременно оспорил общеизвестный вывод о превращении СССР в ходе довоенных пятилеток в индустриальную державу.

Серьезные споры разгорелись вокруг проблем истории коллективизации, которые с достаточной остротой были поставлены в публицистике (В. А. Тихонов, Ю. Д. Черниченко, Г. Н. Шмелев и др.). При этом трудностями и неурядицами коллективизации объяснялось плачевное состояние современного сельского хозяйства. В. А. Тихонов назвал период коллективизации «периодом гражданской войны Сталина с крестьянством» (Коллективизация: истоки, сущность, последствия // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 31). Ю. Д. Черниченко ввел термин «агрогулаг», Г. Н. Шмелев в своих оценках высказывал менее радикальную позицию, которая занимала переходное положение от статей публицистов к работам исследователей-историков. Оценивая коллективизацию в целом, он пишет: «Утверждение курса на сплошную коллективизацию и раскулачивание, на замену основанного на товарообмене, на договорных отношениях союза рабочего класса с крестьянством отношениями диктата и насилия означало не только изменение курса аграрной политики, но и создание иной политической обстановки в стране» (Шмелев, Г. Н. Коллективизация: на крутом переломе истории / Г. Н. Шмелев // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. – М., 1990. – Вып. 2. – С. 109).

Профессионалы-историки первоначально заняли достаточно консервативную позицию. Многие из них (В. П. Данилов, И. Е. Зеленин, Н. А. Ивницкий и др.) стали писать о трудностях и недостатках

сельского хозяйства, явившихся результатом коллективизации и усугубленных административно-командной системой. Была развернута дискуссия на тему «"Великий перелом" 1929 г. и альтернатива Н. И. Бухарина», причем было высказано несколько точек зрения по этому вопросу:

1) альтернатива, несомненно, была, что можно подтвердить материалами XV съезда партии и 1-го пятилетнего плана;

2) существовала альтернатива в фигуральном смысле, так как Н. И. Бухарин защищал ленинский кооперативный план от сталинских извращений;

3) альтернативы не было, так как Н. И. Бухарин и его группа в конце 20-х гг. признали необходимость форсированной индустриализации и сплошной коллективизации.

Одновременно разгорелись споры вокруг тезиса о коллективизации как революции, произведенной сверху по инициативе государственной власти, при поддержке снизу крестьянскими массами. Был поднят вопрос о социальном облике кулачества, роли коллективизации в укреплении тоталитарной системы общества. Существенную роль в переосмыслении этих проблем сыграли сборники документов, подготовленные под руководством В. П. Данилова: «Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг.» (1989 г.) и «Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923-1927 гг.» (1991 г.).

В ходе дискуссий наметились новые подходы к проблемам коллективизации, сместились акценты в оценках событий. Впервые в историографии стали анализироваться процессы, связанные с голодом 1932-1933 гг. (В. В. Кондрашин), депортацией крестьян в годы коллективизации (Н. А. Ивницкий и др.). В то же время продолжал существовать традиционный подход, примером которого являются работы Н. Л. Рогалиной (Рянский Л. М. Рец.: Н. Л. Рогалина. Коллективизация: уроки пройденного пути. – Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 224 с. // Вопросы истории. – 1991. – № 12. – С. 224). По-старому ею трактовались вопросы продовольственной диктатуры и деятельности

комбедов в 1918 г. Она выражала уверенность в необходимости уничтожения мелкого товарного производства, поскольку оно служит базой кулачества. Разрешение же в годы НЭПа трудовой аренды земли и подсобного найма-сдачи рабочей силы и средств производства означало «известный рост капитализма». Н. Л. Рогалина выдает прогрессивный процесс развития крестьянского хозяйства за «окулачивание». Исследовательница повторяет избитый тезис о том, что для рационального использования техники нужна укрупненная площадь, а не «единоличные клочки земли».

Принципиально новый подход наметился к некоторым проблемам истории Великой Отечественной войны. В частности, были подняты вопросы, связанные с началом войны. В центре внимания оказались неизвестные ранее документы, проливающие свет на взаимоотношения СССР и гитлеровской Германии. Наиболее показательны в этом отношении книги Ю. Дьякова и Т. Бушуевой «Фашистский меч ковался в СССР» и «Скрытая правда войны. 1941 год». В них представлены документы, показывающие, как предвоенный СССР помогал восстанавливать на своей территории военную мощь Германии. Авторы убедительно показали, что Советская Россия, оказавшись в международной изоляции после гражданской войны, неудачной «польской кампании», выявившей недостаточную подготовленность РККА, искала выход из такого положения в союзе с Германией. Перспектива была радужной для обеих сторон: СССР, получая немецкий капитал и техническую помощь, мог повышать свою боевую мощь, Германия – располагать на российской территории совершенно секретными базами для нелегального производства и испытания оружия, запрещенного Версальским договором. В СССР готовились и кадры немецких офицеров (Г. Гудериан, В. Кейтель, Э. Манштейн, В. Модель, В. Браухич и др.).

Серьезные споры вызвало издание книги В. Суворова «Ледокол», в которой была показана роль сталинского руководства в развязывании войны. Автор утверждал, что СССР готовился к войне и предпринимал реальные шаги к ее форсированию.

В данный период был поднят вопрос о коренном переломе в ходе Великой Отечественной войны. В исторической науке до настоящего времени господствует точка зрения о событиях ноября 1942 – ноября 1943 г. как годе коренного перелома. Она была высказана И. В. Сталиным и повторена в тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На ее основе оценивались события войны в истории второй мировой войны, истории КПСС, учебниках и энциклопедиях. В 1987 г. с критикой устоявшихся оценок выступили А. М. Самсонов и О. А. Ржешевский, предложившие началом коренного перелома считать битву под Москвой. Они заявили, что понятие «коренной перелом» не предполагает неизменно восходящего процесса и в нем возможны временные спады. Их поддержал Д. М. Проэктор, против выступили А. А. Сидоренко, Л. В. Страхов. Попытку примирить эти точки зрения предпринял А. В. Басов, заявивший о коренном изменении в соотношении сил сторон в ходе сражений декабря 1941 – июля 1943 гг.

Предпринималась также достаточно серьезная попытка анализа послесталинской эпохи. В 1991 г. ученые Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выпустили коллективную монографию «XX съезд КПСС и его исторические реальности», в которой детально были рассмотрены проблемы экономической и социальной политики, вопросы идеологии и культуры и т. п. Впервые анализировались события октября 1964 г., говорилось об их объективной основе. Исследователи обращались к ряду частных проблем. Впервые в историографии стали разрабатываться темы голода 1946-1947 гг. (В. Ф. Зима), депортации населения (Н. Ф. Бугай, Г. Г. Вормсбехер, Х. М. Ибрагимбейли и др.) и т. д.

Серьезный анализ развития советского общества во второй половине 60-х – первой половине 80-х гг. был начат в начале 90-х гг. В 1990 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС опубликовал коллективную монографию «На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе». В книге показаны различные аспекты состояния и эволюции общества в период застоя, значительное

место было уделено анализу негативных факторов в экономике, социальной сфере и т. д. Через год издательство «Прогресс» выпустило сборник статей «Погружение в трясину: (Анатомия застоя)», содержащий более резкие оценки периода конца 60-х – первой половины 80-х гг. Авторы (В. Тихонов, В. Попов, Н. Шмелев, А. Гуров, Г. Померанц и др.) оценивали эпоху «застоя» как закономерное наследие массового насилия над народом, неудачных попыток реформировать общество, истощение его моральных ресурсов.

Развитие отечественной истории эпохи перестройки в современной историографии с научных позиций не анализировалось. Имеющиеся оценки носили, как правило, политизированный характер, являлись публицистическими.

Подводя итог, можно сказать, что отечественная историография середины 1980 – начала 1990-х развивалась в достаточно сложных условиях. Однако в этом развитии наметилась весьма положительная тенденция – отказ от идеологической конъюнктуры, возрождение атмосферы дискуссий. Складывались концептуально альтернативные точки зрения на отечественную историю, формировались исторические школы.

Список источников и литературы

1. Абалихин, В. С. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917-1987 / В. С. Абалихин, В. А. Дунаевский. – М. : Наука, 1990. – 245 с.

2. Актуальные задачи изучения советского рабочего класса: «Круглый стол» // Вопросы истории. – 1988. – № 1. – С. 3-23.

3. Барсенков, А. С. Обсуждаем периодизацию истории советского общества / А. С. Барсенков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 1988. – № 5. – С. 3-17.

4. Бордюгов, Г. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. – М. : Политиздат, 1992. – 352 с.

5. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М. : Наука, 1990. – 412 с.
6. Бутенко, А. Как подойти к научному пониманию истории советского общества / А. Бутенко // Наука и жизнь. – 1988. – № 4. – С. 46-53.
7. Волобуев, П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность / П. В. Волобуев. – М. : Политиздат, 1987. – 312 с.
8. Волобуев, О. В. Очищение: История и перестройка. Публицист. Заметки / О. В. Волобуев, С. В. Кулешов. – М. : Изд-во АПН, 1989. – 284 с.
9. Горемыкина, В. И. О генезисе феодализма в Древней Руси / В. И. Горемыкина // Вопросы истории. – 1987. – № 2. – С. 78-100. Гражданская война в России: «Круглый стол» // Отечественная история. – 1993. – С. 102-115.
10. Гуревич, А. Я. Теория формаций и реальность истории / А. Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 31-43.
11. Джаксон, Т. Н. Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма: (В связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К. Маркса) / Т. Н. Джаксон, Е. Г. Плимак // История СССР. – 1988. – № 6. – С. 35-57.
12. Дэвис, Р. У. Советская историческая наука в начальный период перестройки / Р. У. Дэвис // Вестн. АН СССР. – 1990. – № 8. – С. 68-74.
13. «Круглый стол»: Вторая мировая война – истоки и причины // Вопросы истории. – 1989. – № 6. – С. 3-32.
14. «Круглый стол»: Изучение истории Великого Октября. Итоги и перспективы // Вопросы истории. – 1987. – № 6. – С. 51-72.
15. «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. – 1988. – № 3. – С. 3-57.
16. «Круглый стол: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории. – № 9. – С. 3-58.

17. «Круглый стол: Советский Союз в 30-е годы // Вопросы истории. – № 12. – С. 3-30.
18. Ковальченко, И. Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) / И. Д. Ковальченко // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 52-72.
19. Коллективизация: истоки, сущность, последствия // Вопросы истории. – 1989. – № 3. – С. 3-62.
20. Куманев, Г. А. От коренного перелома – к победе (ноябрь 1942 – сентябрь 1945 гг.) / Г. А. Куманев // История СССР. – 1991. – № 3. – С. 29-49.
21. Лаверычев, В. Я. Изучение социально-экономического развития пореформенной России / В. Я. Лаверычев // Социально-экономические проблемы истории СССР в 80-е гг. – М., 1989. – С. 51-70.
22. Медушевский, А. Н. Новое в исследованиях по истории России XVII – середины XIX вв. / А. Н. Медушевский, И. В. Сабенников // Преподавание истории в школе. – 1988. – № 5. – С. 30-36.
23. Мельтюхов, М. И. 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют / М. И. Мельтюхов // История: СССР. – 1991. – № 3. – С. 16-28.
24. Мицов, Л. В. Языческая Русь и ее праистория (О книге Б. А. Рыбакова «Язычество Древней Руси») / Л. В. Мицов, А. И. Рогов // История: СССР. – 1988. – № 6. – С. 92-112.
25. Новосельцев, А. П. «Мир истории» или миф истории? / А. П. Новосельцев // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 23-31.
26. Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа: сб. / под ред. П. В. Волобуева. – М. : Политиздат, 1991. – 240 с.
27. Поляков, Ю. А. Гражданская война в России (Поиски нового видения) / Ю. А. Поляков // История СССР. – 1990. – № 2. – С. 98-117.
28. Рыбаков, Б. А. История и перестройка / Б. А. М. : Книга, 1989. – 79 с.

29. Самсонов, А. М. О коренном переломе во второй мировой войне / А. М. Самсонов, О. А. Ржешевский // Вопросы истории. – 1987. – № 4. – С. 70-81.

30. Секретные документы из особых папок // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 3-22.

31. Сидоренко, А. А. О начале коренного перелома во второй мировой войне / А. А. Сидоренко и др. // Вопросы истории. – 1988. – № 5. – С. 57-74.

32. Соловьев, В. М. Актуальные вопросы изучения народных движений: (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) / В. М. Соловьев // История СССР. – 1991. – № 3. – С. 130-145.

ПРОГРАММА КУРСА

1. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917-1931 ГГ.)

I. Реорганизация системы учебных и научных исторических учреждений (1917 – начало 1930-х гг.)

Идеологические и прагматические требования к вузовской системе в СССР: причины закрытия исторических факультетов и организации факультетов общественных наук (ФОНов) в университетах страны. Декреты СНК «О реорганизации преподавания общественных наук в вузах РСФСР» и «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР» (1920-1921).

Позиция руководителей Наркомпроса (А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, Н. К. Крупская) в вопросе о преподавании истории в школе. Качество учебных пособий и уровень научной подготовки историков и обществоведов марксистской ориентации в первые годы Советской власти. Создание новых центров подготовки историков-марксистов и их роль в развитии научных знаний. Коммунистические университеты и их роль в формировании первого поколения советских историков-марксистов. Институт красной профессуры: новые формы и методы обучения историков, облик и общественная деятельность студентов ИКП, труды его сотрудников.

Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН) – центр педагогической и научной работы советских историков. Проблема взаимоотношений специалистов марксистского и немарксистского направлений. Сотрудники и выпускники: виднейшие представители отечественной исторической науки.

Педагогическая и исследовательская работа на социально-историческом отделении Коммунистической (Социалистической) Академии общественных наук. Открытие Общества историков-марксистов: его состав, тематика исследований, формы работы. Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов и ее роль в развитии отечественной исторической науки.

Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Истпарт). Научно-исследовательская и общественно-пропагандистская деятельность Комиссии. Основные центры Истпарта и их роль в собирании и публикация источников по истории Октябрьской революции и истории ВКП(б).

Процесс формирования Института К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина: архивная, издательская и научно-исследовательская деятельность его сотрудников. Идеологический и пропагандистский ас-

пекты работы института. Создание Центрального партийного архива ИМЭЛ.

Научные общества – центры изучения и популяризация революционного прошлого России. Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и Общество старых большевиков. Состав участников и их роль в общественной и научной жизни страны.

Создание советской архивной системы. Декрет СНК «О реорганизации и централизации архивного дела» 1918 г. Система подготовки архивных работников в СССР. Деятельность Архивного управления по централизации сбора и хранения исторических архивов.

Особенности исторической периодики 20-х гг. Журналы «Историк-марксист», «Вестник Коммунистической академии», «Пролетарская революция», «Архивное дело», «Красный архив», «Большевик», «Каторга и ссылка», «Борьба классов» и др.

II. Становление марксистского направления в отечественной историографии

Попытки применения различных интерпретаций марксизма к российской истории. В. И. Ленин и его оценки различных периодов истории России. Концепции Л. Д. Троцкого. Интерпретация истории России М. Н. Покровского («Русская история в самом сжатом очерке»). Подготовка марксистских кадров историков и обществоведов. В. В. Адоратский, В. П. Волгин, В. И. Невский, Е. М. Ярославский, Ф. А. Ротштейн, А. С. Бубнов.

Начало процесса унификации и догматизации марксистской исторической науки, подмена интеллектуальной аргументации обвинениями идеологического порядка.

III. Буржуазная и мелкобуржуазная историческая наука

Проблематика работ С. Ф. Платонова, Р. Ю. Виппера, В. И. Пичеты, С. В. Бахрушина, М. В. Довнар-Запольского, М. К. Любавского, С. В. Юшкова, С. Б. Веселовского, А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова, Б. А. Тураева.

Эмиграция историков (М. М. Карпович, Л. С. Багров, П. А. Остроухов, М. И. Ростовцев, А. В. Карташев, Г. В. Вернадский, Н. П. Кондаков, П. Н. Милюков, А. В. Соловьев, Г. В. Флоровский и др.). Высылка философов и историков за рубеж (А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский, В. А. Мякотин, Н. А. Бердяев, И. А. Ильш, С. Н. Трубецкой и др.). Формирование российской исторической школы за рубежом. Начало «русистики» и «советологии».

«Дело» академика С. Ф. Платонова и фактическая ликвидация буржуазного исправления в исторической науке России.

Исторические исследования Н. А. Рожкова, Р. В. Иванова-Разумника, А. Попова. Итоговый труд Н. А. Рожкова «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (тт. 1-12).

2. ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В 1917 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

I. Проблемы методологии в работах отечественных историков 20-х гг.

Вопросы методологии в трудах Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского, Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского, С. Ф. Платонова, С. Л. Франка.

Дискуссии историков 20-х годов об общественно-экономических формациях, истории Древней Руси, освободительном движении XIX века, общественной мысли, по проблемам империализма в России, истории российских революций и гражданской войны. Попытки преодоления ограниченности и схематичности построений марксистской исторической литературы.

II. Разработка проблем докапиталистической эпохи

Исследования Ю. В. Готье, С. Ф. Платонова, М. М. Богословского, С. В. Юшкова, М. Н. Покровского. Публикации архивных документов.

Работы Н. Н. Ванага, С. Л. Ронина, А. Л. Сидорова, И. Ф. Гиндина, Е. Л. Грановского, Г. Ц. Циперовича по истории капитализма и империализма в России.

Проблемы аграрного развития России в конце XIX – начале XX вв. (Л. Литошенко, Н. Кондратьев, А. Чаянов, А. Челинцев, С. М. Дубровский, А. В. Шестаков, Ю. Ларин, А. Тюменев). История внешней политики России на рубеже веков в трудах Б. А. Романова («Россия и Манчжурия»), Е. В. Тарле («Европа в эпоху империализма 1871-1919 гг.») и др.

III. Разработка проблем освободительного движения

Исследования по истории движения декабристов (С. Н. Чернов, М. В. Нечкина, Н. М. Дружинин). Публикации документов.

Дискуссии и публикации о «Народной воле» (Б. П. Козьмин, И. А. Теодорович, А. А. Шилов, А. И. Ульянова-Елизарова) и Н. Г. Чернышевском (Ю. М. Стеклов).

Изучение российской революции 1905-1907 гг. и рабочего движения (А. В. Шестаков, Е. М. Ярославский, С. Черномордик, Е. А. Мороховец).

Историко-партийная тематика в трудах историков 20-х гг. (Е. М. Ярославский, И. И. Минц, С. А. Пионтковский, К. Ф. Сидоров, Г. Е. Зиновьев, А. С. Бубнов, Л. Мартов, В. Волосевич).

IV. Изучение советского периода истории России

Труды М. И. Туган-Барановского. Исследования А. В. Шестакова, В. В. Кураева, В. А. Карпинского, В. А. Быстрянского, В. И. Невского, С. А. Пионтковского, Л. Д. Троцкого по истории Октября.

Исследования истории гражданской войны (С. Венцов, С. Белицкий, А. Анишев, Н. Какурин, А. П. Верховский, А. М. Зайчонковский, В. Ф. Новицкий, А. А. Свечин).

Военно-исторические и мемуарные труды А. С. Бубнова, И. И. Вацетиса, С. И. Гусева, А. И. Егорова, С. С. Каменева, В. М. Примакова, В. К. Путны, М. Н. Тухачевского, М. В. Фрунзе, И. Э. Якира, И. С. Кутякова, Е. И. Ковтюха. Первые сводные труды по истории гражданской войны.

3. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В 30-е гг.

I. Историческая наука в условиях сталинского тоталитарного режима

Историографическая ситуация в начале 30-х годов. Политика и история. Репрессии в среде историков. Критическая кампания против М. Н. Покровского и его учеников. Унификация исторического знания. Влияние письма И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» на изменение методологии историко-партийных исследований. Выступление Л. М. Кагановича на десятилетнем юбилее Института Красной профессуры (1931). Перелом в исследовательской практике развития марксистской историографии.

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР (1934): изменение в подходах к изучению и преподаванию истории, подготовка учебников для школ и вузов страны по отечественной и зарубежной истории, как средство систематизации и унификации исторических знаний. Разработка партийно-государственным руководством теоретико-методологических требований к учебникам.

Роль И. В. Сталина в подготовке «Краткого курса Истории ВКП(б)». Основные положения и особенности «Краткого курса». Практика изучения и пропаганды содержания учебника, придание его

выходу государственного значения. Влияние «Краткого курса» истории ВКП(б) на общее развитие советской исторической науки.

II. Изучение дореволюционной истории России

Создание общей концепции истории России. Дискуссии о характере строя Древней Руси. Труды И. И. Смирнова, Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, С. Б. Веселовского по истории феодализма. Военная и внешнеполитическая тематика в трудах Е. В. Тарле, Б. А. Романова, Н. М. Коробкова. Подготовка «Истории Дипломатии».

История российской деревни, феодальной вотчины, последствий реформы 1861 г. (Г. Н. Бибииков, П. Г. Рындзюнский, И. Д. Ковальченко, И. Д. Шахназаров, Е. А. Мороховец).

Историография освободительного движения (Ю. Спасский, Г. Гуковский, Г. П. Макагоненко, С. С. Дмитриев, М. В. Нечкина, Е. Д. Черменский).

III. Проблемы истории советского периода

Изучение истории Октября, Советов (А. М. Панкратова, В. Н. Аверьев). Публикация первого тома «Истории гражданской войны» (1935). Исследование проблем национализации промышленности и рабочего контроля (И. Михеев, А. Венедиктов).

Работы по истории гражданской войны и интервенции (А. И. Егоров, В. А. Меликов, Э. Б. Генкина, А. И. Гуковский, П. Г. Софинов, Ф. Огородников, В. В. Троцкий, Ф. Г. Попов).

Исследования по истории индустриализации и стахановского движения (Б. Л. Меркус, И. Н. Кузьминов).

Усиление процесса политизации истории. «Краткий курс истории ВКП(б)». Тенденции фальсификации исторической реальности.

4. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

I. Организационно-структурная перестройка исторической науки

Эвакуация исторических учреждений, музеев, архивов в восточные районы страны. Деятельность «Комиссии по истории Великой Отечественной войны» и «Комиссии по истории обороны Москвы». Создание Института славяноведения (1942), Института истории искусства АН (1944), Археографической комиссии Института истории АН.

Создание АН Узбекистана, Армении, Азербайджана. Киргизского филиала АН СССР с историческими отделениями. Прекращение выпуска ряда исторических журналов. «Известия АН СССР. Серия истории и философии» (1944).

Разработка проблем истории народов страны. Участие С. Бахрушина, С. Б. Веселовского, Ю. В. Готье, А. М. Панкратовой в создании трудов по истории Узбекистана и Казахстана. Партийные решения по региональной истории России.

II. Военно-патриотическая работа историков

Научно-пропагандистская деятельность историков. Изменения в тематике исследований. Работа по истории Древней Руси (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров). Проблемы образования Российского централизованного государства (В. Снегирев, К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, И. И. Смирнов, М. В. Нечкина). Исследование истории «Смутного времени» (С. В. Бахрушин, А. И. Парусов), петровской эпохи (Б. Б. Кафенгауз и В. В. Мавродин). Работы по военной истории XVIII века (К. В. Базилевич, И. И. Полосинов, Н. М. Коробков, Л. Г. Бескровный). Исследования о войне 1812 г. (Е. В. Тарле, Л. Н. Бычков, М. Г. Брагин) и Крымской войне (Е. В. Тарле). Публикация второго тома «Истории гражданской войны в СССР» (1942).

Начало изучения истории Великой Отечественной войны.

5. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х – СЕРЕДИНЕ 50-х гг.

I. Условия развития исторической науки и дискуссии послевоенного десятилетия

Столкновение демократической и тоталитарной тенденций в развитии страны. Возврат к довоенной модели экономического, политического и духовного развития. Возобновление массовых репрессий. «Дискуссии» по «актуальным проблемам» философии, биологии, языкознания, политэкономии.

Обращение советских историков к проблемам древней и средневековой истории России. Дискуссия по вопросам социально-экономического и политического строя Древней Руси: позиции К. В. Базилевича, С. В. Бахрушина, Б. Д. Грекова, И. И. Смирнова, А. В. Шестакова, С. В. Юшкова. Обсуждение проблем образования Русского централизованного государства. Изображение фигуры Ивана Грозного в научной литературе и кинематографе. История опричнины и актуальность ее изучения в 1940-х гг. Особенности древнерусской культуры в трудах Д. С. Лихачева, В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова. Подготовка многотомной «Истории культуры Древней Руси».

Возникновение Академий наук в Казахстане, Таджикистане, Киргизии, Туркмении, Латвии и Эстонии и учреждение в их составе институтов истории. Создание новых университетов. Образование Научного совета АН СССР и его отделения истории по крупнейшим комплексным проблемам исторического процесса. Создание Комиссии по истории исторической науки. «Исторический архив» (1955-1962). «Очерки истории СССР» (т. 1-9). «История Москвы» (т. 1-6). «История Ленинграда» (т. 1-6).

II. Изучение проблем дореволюционной отечественной истории

Проблемы происхождения феодального строя на Руси (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков). Археоло-

логические исследования (Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, Д. А. Авдусин).

Продолжение военно-патриотической тематики, сложившейся в годы войны (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, В. Т. Пашуто). Исследование процесса образования и развития русского централизованного государства (П. П. Смирнов, В. В. Мавродин, С. В. Юшков, К. В. Базилевич). Монография Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV – XV вв.» (1948-1951). Литература об эпохе Ивана IV Грозного (С. В. Бахрушин, И. И. Смирнов, С. Б. Веселовский, П. А. Садиков).

Дискуссии по поводу генезиса капитализма в России (С. Г. Струмилин, Н. Л. Рубинштейн, Е. И. Заозерская, М. В. Нечкина, Н. М. Дружинин). Исследования по истории крестьянства и сельскохозяйственного производства XIX в. (Н. М. Дружинин, Е. И. Индова, И. Д. Ковальченко, И. М. Катаев, К. В. Сивков).

Работы по истории крупной промышленности России (П. А. Хромов, Г. Д. Бакулев, С. М. Лисичкин), по экономике России в годы первой мировой войны (А. Л. Сидоров, А. П. Погребинский), по истории банковских и промышленных монополий в России (И. Ф. Гиндин, М. Я. Гефтер, А. Л. Цукерник, П. В. Волобуев).

Изучение истории революционного движения в России (В. С. Покровский, В. Н. Орлов, П. Ф. Никандров), движения декабристов (М. В. Нечкина, Н. М. Дружинин, Б. Е. Сыроечковский, М. Г. Гусаков). Разработка темы о В. Г. Белинском, А. И. Герцене, Н. Г. Чернышевском, Н. А. Добролюбове, петрашевцах.

Изучение рабочего движения в России (Ю. З. Полевой, Б. С. Итенберг, И. Н. Васин, А. С. Рослов). Историко-партийная литература. Публикация произведений деятелей революционного движения в России. Работа по истории революции 1905-1907 гг. (А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров, А. И. Гуковский, И. В. Спиридонов, Н. Н. Яковлев).

III. Исследование отечественной истории советского периода

История Октября в региональной историографии. Изучение истории Советов (Г. Н. Ремизова, Д. А. Чугаев, Е. Г. Гимпельсон), национализации промышленности (И. А. Гладков, Н. П. Силантьев, В. А. Виноградов, С. М. Бабушкин, А. В. Ларев), национализации земли (Е. Н. Кочетковская, В. Л. Игнатьев, В. С. Зайцев), конфискации помещичьих имений (М. А. Снегирев, Е. А. Луцкой), первых коллективных хозяйств (И. А. Конюков, Н. Скрыпнев).

Разработка проблем истории гражданской войны и военной интервенции (Е. А. Болтин, Р. Н. Мордвинов, С. Н. Шишкин, А. Б. Кадишев), истории создания Красной Армии (В. Ф. Морозов, Ю. П. Петров, Н. И. Шаталин).

Новые подходы в изучении НЭПа (Э. Б. Генкина, А. П. Кучкин, Ю. А. Поляков, С. И. Якубовская). Изучение истории образования СССР (С. И. Якубовская, Э. Б. Генкина, Д. Л. Златопольский, О. И. Чистяков).

Изучение истории индустриализации в отдельных регионах и истории коллективизации сельского хозяйства (С. П. Трапезников, М. А. Краев).

Исследование истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (В. С. Телыгуховский, В. А. Захаров, Г. М. Уткин, М. М. Миносян, Н. А. Вознесенский и его монография «Военная экономика СССР в период Отечественной войны»).

Первые шаги по изучению послевоенной советской истории (А. Викентьев, Ф. Кошелев, Ю. В. Арутюнян, М. А. Вылцан, М. А. Краев, Н. И. Анисимов).

6. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СЕРЕДИНЕ 50-х – 60-е ГОДЫ XX В.

I. Советская историческая наука в эпоху «оттепели»

«Оттепель» в духовной жизни. Попытки борьбы с догматизмом и начетничеством, восстановление метода творческих дискуссий. Непоследовательность попыток десталинизации. Фактический провал попыток методологического обновления исторических исследований. Ложно-теоретические импровизации.

Развитие источниковой базы исторической науки. Деятельность научных советов по крупным проблемам при АН СССР. Возникновение советов по славяноведению, востоковедению. Начало издания «Советской исторической энциклопедии» (с 1961 г.). Завершение издания «Истории гражданской войны в СССР» (тт. 3, 4, 5). Выход первых томов двенадцатитомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней».

Развитие сотрудничества отечественных историков с зарубежными коллегами. Участие в работе X, XI и XII Международных конгрессов историков (Рим – 1955, Стокгольм – 1960, Вена – 1965).

II. Изучение истории дореволюционного периода в середине 1950-х – 1960-е гг.

Исследование генезиса феодализма на Руси (Б. А. Рыбаков, В. И. Довженко, А. В. Кирьянова, В. П. Левашева), процесса становления феодально зависимого населения (Л. В. Черепнин, И. И. Смирнов), истории материальной и духовной культуры Древней Руси (Д. С. Лихачев, М. К. Каргер, И. П. Еремин). Монография Н. Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси XII – XV вв.» (1961-1962, тт. 1-2).

Политическая история феодальной России (В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, И. И. Смирнов, А. Ф. Зимин, С. Б. Веселовский, Р. Г. Скрынников, В. Б. Кобрин, С. О. Шмидт, Н. Е. Носов). Монография М. Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии» (1962). Дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, по ряду спорных вопросов истории крестьянской войны начала XVII в.

История крестьянских войн под руководством С. Т. Разина (В. И. Лебедев, И. В. Степанов, Н. Р. Романов, А. Л. Шапиро) и Е. И. Пугачева (Н. И. Сергеев, В. Н. Степанов, М. Н. Мартынова, И. Ф. Ушаков). Коллективная монография «Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв.» (1966).

Исследование эпохи Петра I. Продолжение издания серии материалов и документов «Письма и бумаги Петра Великого». Дискуссия 1968-1971 гг. об абсолютизме в России (А. Я. Аврех, П. В. Волобуев, Н. И. Павленко, М. В. Нечкина).

Использование методов математической статистики применительно к истории России XIX в. (И. Д. Ковальченко). Исследование пореформенного развития села и крестьянских движений XIX в. (П. Г. Рындзюнский, И. И. Игнатович, А. И. Клибанов, К. В. Чистов, Б. Г. Литвак).

Изучение генезиса и развития капитализма в промышленности (А. А. Нестеренко, В. К. Яцунский, К. А. Пажитнов, И. А. Бакланов). Работы И. Ф. Гиндина по истории экономической политики правительства.

Разработка проблем истории революционного движения. Публикации о А. Н. Радищеве А. И. Старцева, В. В. Пугачева, Г. П. Шторма, Ю. Ф. Карякина, Е. Г. Плимака. Историография декабризма: публикации документов, монографии С. С. Волка, Г. П. Шатрова, С. Б. Окуня. Исследование общественно-политического движения XIX века (И. А. Федосов, Ю. Г. Оксман, М. Я. Поляков, И. Я. Дьяков, П. А. Зайончковский, В. Р. Лейкина-Свирская). Деятельность проблемной группы при Институте истории АН по изучению революционной ситуации 1859-1861 гг. Дискуссии по истории народничества (Б. П. Козьмин, С. Ф. Смирнов, Н. А. Троицкий, Э. С. Виленский, С. С. Волк, М. Г. Седов, В. Н. Гинев).

Новые подходы в исследовании эпохи империализма (П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский). Публикации В. И. Бовыкина, В. Я. Лаврычева, К. Ф. Шацилло, А. Л. Сидорова.

Разработка аграрной истории империализма. Монография С. М. Дубровского «Столыпинская земельная реформа», публикации А. М. Анфимова.

Публикация работ по истории революции 1905-1907 гг. (В. И. Бовыкин, Н. Н. Демочкин, Л. К. Ерман, Е. Д. Черменский, Н. Н. Яковлев).

Монографии А. Я. Авреха о третьей июньской политической системе. Дискуссия о революционной ситуации.

III. Работы по отечественной истории советского периода

Исследования по истории Октября (Г. А. Трукан, П. Н. Соболев, Л. С. Гапоненко, П. Н. Першин, В. М. Селунская, П. А. Голуб, С. М. Кляцкин, П. В. Волобуев, И. Ф. Петров, К. В. Гусев, Л. М. Спирин, А. Х. Бурганов). «История Великого Октября» И. И. Минца (тт. 1, 2, 3. 1967-1972).

Разработка проблем советского строительства (Е. Н. Городецкий, А. М. Андреев, Х. А. Ерицян, О. Н. Моисеева). Публикации по истории ВЧК. Дискуссия по проблеме рабочего контроля и национализации промышленности. Работы В. З. Дробижева по истории промышленности.

Исследования аграрного сектора экономики (Ю. А. Поляков, В. П. Данилов, Л. М. Спирин). Региональная историография аграрных преобразований 1917-1918 гг. (Е. И. Медведев, И. Е. Марченко, В. Р. Копылов, Г. В. Чернов).

Изменения в проблематике истории гражданской войны (Д. М. Гринишин, Н. Ф. Кузьмин, А. А. Строков, Ю. А. Поляков, А. П. Не-нароков, Л. А. Самойла). Зарождение историографии гражданской войны и иностранной интервенции (А. И. Зевелев, Д. К. Шелестов, И. Л. Шерман, С. Ф. Найда, В. П. Наумов).

Новый этап в изучении НЭПа (Ю. А. Поляков, Э. Б. Генкина, И. Я. Трифонов, И. Б. Берхин). Публикации по истории индустриализации и истории рабочего класса (А. Ф. Хавин, Ю. В. Воскресенский, коллективные монографии 1967 и 1969 гг., публикации А. Г. Рашина, Л. С. Рогачевской, В. З. Дробижева, О. И. Шкаратан).

Проблематика отечественной аграрной истории (С. П. Трапезников, В. М. Селунская, В. П. Данилов, М. А. Вылцан, Ю. С. Борисов, Ю. С. Кукушкин).

Новый этап в изучении Великой Отечественной войны. Создание многотомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг.» (1960-1965). Исследование конкретно-исторических проблем (А. М. Самсонов, С. Д. Сахаров, Д. В. Павлов, Н. А. Манаков, Ф. Т. Селиванов, И. И. Маркин). Публикации мемуаров (Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян, С. М. Штеменко, Н. Г. Кузнецов, И. С. Конев, В. И. Чуйков и др.). Работы по истории экономики и народного хозяйства 1941-1945 гг. (Г. С. Кравченко – «Военная экономика СССР», Я. Е. Чаадаев «Экономика СССР в период Великой Отечественной войны»).

7. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В КОНЦЕ 60-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х гг.

I. Изменение историографической ситуации

Нарастание противоречий между существующей политической системой и новыми потребностями и запросами выросшего в интеллектуальном и культурном отношении населения страны. Разрыв между декларациями и лозунгами официальной пропаганды, с одной стороны, и реалиями жизни – с другой. Противостояние официально-догматического, охранительного и гуманистически-демократического

направлений. Гонения на ученых-экономистов, историков «нового направления» (П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский, М. Я. Гефтер и др.) Усиление догматизма. Нарастание застойных явлений в обществе, идеологии, исторической науке.

II. Исследование проблем дореволюционной отечественной истории

Первые опыты типологии обществ Восточной Европы. Монография А. П. Новосельцева, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина «Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)» (1972). Проблемы генезиса феодализма на Руси (Б. А. Рыбаков, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, В. И. Горемыкина, И. Я. Фроянов).

Изучение истории Киевской Руси. Вопросы истории борьбы русского народа с монгольским нашествием и свержения монгольского ига. Социально-политическая проблематика (А. А. Зимин, С. О. Шмидт, Р. Г. Скрынников).

Разработка проблем внешней политики формирующегося русского централизованного государства (И. Б. Греков, А. Л. Хорошкевич).

Дискуссии о российском абсолютизме 70-х гг. Вопросы классовой борьбы в трудах И. В. Степанова, Е. И. Заозерской, Б. В. Лунина, А. Н. Сахарова, В. И. Корецкого, С. О. Шмидта.

Исследования по истории крестьянства и установления крепостного права в России (В. И. Корецкий, В. М. Панях, А. М. Сахаров, Р. Г. Скрынников, А. Л. Шапиро).

Освещение вопросов истории русской культуры и общественной мысли эпохи феодализма (А. В. Арциховский, А. М. Сахаров, Б. И. Краснобаев, А. И. Клибанов, Я. С. Лурье, Д. С. Лихачев).

Разработки истории декабризма (М. В. Нечкина, В. А. Федоров, С. Б. Окунь, Н. Я. Эйдельман). История освободительного движения 30 - 50-х гг. XIX в.

Труды по истории реформ 60-х гг. XIX в. (Н. М. Дружинин, Б. Г. Литвак, А. Г. Гончий).

Разработка проблем внешней политики России XIX в. (Н. С. Киняпина, С. Д. Сказкина, А. З. Манфред).

Новые работы о народничестве, истории пролетариата, революции 1905-1907 гг.

Исследование революций 1917 года (Э. Н. Бурджалов, Ю. С. Токарев, Г. А. Герасименко, Л. М. Спирин). Изучение аграрного строя России начала XX века (И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, С. М. Дубровский, Р. М. Седельников, А. М. Анфимов).

III. Изучение отечественной истории советского периода

Изучение традиционно сложившихся тем. Проблематика «развитого социализма». Публикация документов в связи с 50- и 60-летием Октября. Проблема истории рабочего класса в революции (В. Д. Поликарпов, Д. А. Баевский, Е. Г. Гимпельсон, В. З. Дробижев, Л. С. Гапоненко, Г. А. Трукан, П. В. Волобуев). Сборник «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» (1970) и его «критика».

История крестьянского движения (Т. В. Осипова, Л. А. Чернобаев, Э. М. Шагин). История русской армии в 1917 г. (П. А. Голуб, С. С. Хесин). Исследование политических сил, противостоящих большевикам (Л. В. Спирин, Т. А. Сивохина, К. В. Гусев, Ю. И. Шестаков, С. Н. Канев, Н. Г. Думова).

Публикации документов по истории гражданской войны и двухтомная монография «Гражданская война в СССР». Исследования Ю. И. Кораблева, Н. Н. Азовцева, П. Н. Бобылева, А. Л. Литвина, М. К. Мухарямова, И. Дубинского об отдельных событиях гражданской войны.

Проблемы истории «военного коммунизма» (Е. Г. Гимпельсон, Ю. С. Попков, В. З. Дробижев, В. Ф. Устинов, А. П. Соколов).

Аграрная история и проблемы коллективизации (Н. А. Ивницкий, Н. Я. Трифонов, В. П. Данилов, В. Я. Осокина, М. А. Вылцан).

Новый этап в изучении истории Великой Отечественной войны (публикация документов, мемуаров полководцев, многотомной «Истории второй мировой войны», работы А. М. Самсонова, А. В. Митрофановой, Л. В. Максаковой, Ю. В. Арутюняна, В. Т. Анискова).

Исследования по истории восстановления и развития народного хозяйства в послевоенный период (Ю. А. Приходько, М. И. Хлусов, М. Л. Богденко).

Свидетельства кризиса исторической науки (П. А. Игнатовский, В. И. Староверов, В. И. Касьяненко, И. Б. Берхин).

8. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В СЕРЕДИНЕ 1980 – НАЧАЛЕ 1990-х гг.

I. Изменение теоретических основ отечественной исторической науки

Высокий общественный интерес к истории и падение престижа исторических трудов. Изменение теоретических основ отечественной исторической науки.

Публикации трудов выдающихся русских философов и историков начала XX века. «Реабилитация» зарубежной немарксистской философии истории и исторической мысли. Появление новых научных школ и направлений. Задачи разработки гибкого и адекватного современной эпохе теоретического и методологического инструментария.

Возрождение региональной историографии.

II. Основные проблемы изучения дореволюционной отечественной истории

Вопросы генезиса феодализма в Древней Руси (школа Б. Д. Грекова, И. Я. Фроянова, В. И. Горемыкина, А. П. Пьянков).

Генезис государственности на Руси (Б. А. Рыбаков, А. П. Новосельцев, А. Н. Кирпичников, Г. А. Федоров-Давыдов и Л. Н. Гумилев).

Новые оценки роли церкви в истории России (А. Кузьмин, Я. Н. Щапов, Р. Г. Скрынников, А. П. Богданов).

Исследование формирования служилой бюрократии и ее роли в перерастании сословно-представительной монархии в абсолютную (Н. Ф. Демидов, Н. И. Павленко, Е. В. Анисимов).

Восстановление интереса профессиональных историков к роли личности в истории.

Исследование проблемы соотношения реформ и контрреформ в истории России, реформ и революций (М. М. Сафонов, В. А. Федоров, Я. А. Гордин, А. А. Искандеров, Б. Г. Литвак, Р. Ш. Ганелин, И. Д. Ковальченко, Н. Я. Эйдельман, Г. А. Герасименко, Н. Г. Думова).

Исследование классов и сословий России начала XX в. А. Н. Боханов «Крупная буржуазия России. Конец XIX в. – 1914 г.» (1992). Новые подходы к изучению истории февральской революции (Л. М. Спирин, Г. З. Иоффе).

III. Советский период в работах историков середины 1980-х – начала 1990-х гг.

Попытки переосмысления истории Отечества. Историческая публицистика (Ю. Н. Афанасьев, Ю. Карякин, Н. Шмелев, Г. Попов, Ю. А. Поляков). Создание почвы для новой исторической конъюнктуры.

Новые подходы в изучении революции 1917 года (концепция единого революционного цикла – Великая Российская революция), гражданской войны (В. И. Петров, Е. Г. Гимпельсон, В. В. Кабанов, В. П. Дмитриенко, Л. М. Спирин, Ю. П. Шарапов, Г. З. Иоффе).

Научная разработка проблемы последствий гражданской войны.

Новый этап в исследовании НЭПа (В. П. Данилов, В. П. Дмитриенко, В. С. Лельчук, Ю. А. Поляков, Н. С. Симонов, Л. Г. Протасов). Проблема формирования так называемых «командно-административной системы», «государственного социализма», «тоталитаризма».

Разработка традиционных для отечественной историографии тем: индустриализации (О. Лацис, Л. Гордон, Э. Клопов, Н. Шмелев, В. Селюнин, В. С. Лельчук) и коллективизации сельского хозяйства (В. А. Тихонов, Ю. Д. Черниченко, Г. Н. Шмелев, В. П. Данилов, Е. И. Зеленин). Анализ процессов, связанных с голодом 1932-1933 гг.

Принципиально новый подход к некоторым проблемам истории Великой Отечественной войны (Ю. Дьяков, Т. Бушуева, А. М. Самсонов, О. А. Ржешевский, Д. М. Проэктор, А. В. Басов).

Анализ развития советского общества 60-80-х гг. в работах 90-х годов. Коллективные монографии и сборники «На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе» (1990); «Погружение в трясину: анатомия застоя» (1991).

Возрождение атмосферы дискуссий. Появление концептуально альтернативных точек зрения на отечественную историю. Формирование новых исторических школ. Современная историческая периодика: «Средние века» (с 1942), «Византийский временник» (с 1894), «Исторический архив» (1936-1954, 10 томов), «Материалы и исследования по археологии СССР» (с 1940), «Вопросы истории» (с 1945), «Вопросы истории КПСС» (1957-1991), «История СССР» (1957-1992), «Отечественная история» (с 1992), «Исторические записки» (с 1937), «Археологический ежегодник» (с 1958), «Военно-исторический журнал» (1939-1941, 1959), «Преподавание истории в школе» (с 1946), «Советская археология» («Археология» с 1992), «Советская этнография» («Этнография» с 1992 г.), «Вестник древней истории», «Новая и новейшая история», «Славяноведение», «Родина», «Орел» (историческое обозрение).

Появление сводных исторических трудов нового поколения. «История России»: В 3 частях. Часть I: От Древней Руси к императорской России (IX – XVIII вв.); Часть II: Расцвет и закат Российской империи (XIX – нач. XX вв.); Часть III: XX век: выбор моделей общественного развития. М., 1994. Авторский коллектив: М. М. Горинов,

Л. М. Ляшенко, Л. Г. Косулина, А. Д. Данилов, В. П. Дмитренко. Под общей редакцией д-ра ист. наук, проф. В. П. Дмитренко.

«История России»: В 14 т. / под редакцией академиков РАН Б. А. Рыбакова и П. В. Волобуева. – М., 1995. – Т. 1.

Актуальные проблемы дальнейшего развития отечественной историографии.

ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Исторические взгляды М. Н. Покровского (1868-1932)

1. М. Н. Покровский о закономерностях исторического процесса. Периодизация истории России.
2. Концепция «торгового капитала».
3. Характеристика отдельных периодов русской истории.
4. М. Н. Покровский как историк исторической науки.

Список источников и литературы

1. Шапиро, А. Л. Историография с древнейших времен до 1917 года : учебное пособие / А. Л. Шапиро. – 2-е изд. – М. : «Культура» 1993.
2. Историография истории СССР с древнейших времен до 1917 г. / под ред. В. Е. Иллерецкого. – М. : «Высшая школа», 1982.
3. Историография истории России до 1917 года в 2-х томах / под ред. М. Ю. Лачаевой. – М. : изд. Владос, 2003. – Т. 1.
4. Артизов, А. Н. Покровского и его школы: к истории вопроса / А. Н. Артизов, М. Н. Критика // История СССР. – 1991. – №1. – С. 102-120.
5. Артизов, А. Н. М. Н. Покровский как историк отечественной исторической науки / А. Н. Артизов // История СССР. – 1985. – № 2. – С. 112-119.
6. Милюков, П. Н. Величие и падение М. Н. Покровского / П. Н. Милюков // Вопросы истории. – 1993. – №4. – С. 114-127.
7. Чернобаев, А. А. М. Н. Покровский – ученый и революционер / А. А. Чернобаев // Вопросы истории. – 1988. – № 8. – С. 3-24.
8. Энтин, Д. (США) Спор о М. Н. Покровском продолжается / Д. Энтин // Вопросы истории. – 1989. – № 5. – С. 154-160.

Тема 2. Отечественная историография 1920-1950-х гг. о Древней Руси и образовании Русского централизованного государства

1. Проблема образования Древнерусского государства в исторической литературе.
2. Генезис феодализма на Руси в трудах отечественных историков.
3. Изучение проблемы образования русского централизованного государства.

Список источников и литературы

1. Шапиро, А. Л. Историография с древнейших времен до 1917 года : учебное пособие / А. Л. Шапиро. – 2 изд. – М. : «Культура», 1993.
2. Историография истории СССР с древнейших времен до 1917 г. / под ред. В. Е. Иллерецкого. – М. : «Высшая школа», 1982.
3. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М. : Госполитиздат., 1939.
4. Греков, Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве / Б. Д. Греков. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1937.
5. Греков, Б. Д. Киевская Русь и проблемы происхождения русского феодализма у Покровского // Избранные труды / Б. Д. Греков. – М., 1959. – Т. 2. – С. 440-446.
6. Мавродин, В. В. Древняя Русь / В. В. Мавродин. – Л. : Госполитиздат., 1946.
7. Мавродин, В. В. Образование древнерусского государства / В. В. Мавродин. – Л. : Госполитиздат., 1945.
8. Фроянов, И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории / И. Я. Фроянов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1980.

Тема 3. Вопросы истории Древней Руси в трудах Б. Д. Грекова

1. Творческий путь Б. Д. Грекова. Осмысление наследия классиков марксизма-ленинизма в научном творчестве Б. Д. Грекова.
2. Разработка марксистской концепции феодализации Древней Руси в исследованиях Б. Д. Грекова:
 - а) генезис древнерусской государственности;
 - б) основные категории населения в Древней Руси.
3. Разработка Б. Д. Грековым вопросов истории крестьянства средневековой Руси.

4. Научная школа академика Б. Д. Грекова и ее место в отечественной исторической науке.

Список источников и литературы

1. Греков, Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве / Б. Д. Греков. – М.; Л., 1935. (изд. 2-е – 1936; новый тираж того же издания – 1937 г.).

2. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М., 1939.; М., 1944.; М., 1953.

3. Греков, Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVIII века / Б. Д. Греков. – Кн. 1-2. – М., 1952-1954.

4. Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия : сб. статей. – М., 1952.

5. Горская, Н. А. Борис Дмитриевич Греков / Н. А. Горская // Историческая наука России в XX веке. – М., 1997. Она же. Памяти академика Б. Д. Грекова // Вопросы истории. – 1982. – № 4.

6. Мавродин, В. В. Борис Дмитриевич Греков (1882-1953) / В. В. Мавродин // Выдающиеся ученые Ленинградского университета. – Л., 1968.

7. К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова (Сб. статей, воспоминаний и документов). – М., 1982.

8. Советская историография Киевской Руси. – Л., 1978.

9. Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII – XX вв. – СПб., 1996.

10. Щапов, Я. Н. Академик Б. Д. Греков как историк Киевской Руси: к 100-летию со дня рождения / Я. Н. Щапов // Вестник АН СССР. – 1982. – № 9.

11. Историческая наука в России в XX веке. – М., 1996.

Тема 4. Советская историография истории России XVI – XVIII вв. (1920-1950-е годы)

1. Изучение Российского государства XVI в. в работах советских историков 1920-1950-х гг. Дискуссионные вопросы.
2. «Петровская эпоха» в советской историографии.

Список источников и литературы

1. Бахрушин, С. В. Иван Грозный в свете новейших исследований / С. В. Бахрушин // Юбилейный сб. АН СССР, посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 4.2. – М.-Л., 1947. – С. 655-666.
2. Богословский, М. М. Петр I. Материалы для биографии Петра I / М. М. Богословский. – М. : Соцэкгиз, 1940-1948.
3. Веселовский, С. Б. Исследования по истории опричнины / С. Б. Веселовский. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.
4. Веселовский, С. Б. Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник / С. Б. Веселовский // Известия АН СССР. Серия истории и философии 1947. – Т. 4. – № 6. – С. 595-620.
5. Веселовский, С. Б. Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном / С. Б. Веселовский // Исторические зап. 1945. – Т. 15. – С. 57-69.
6. Веселовский, С. Б. Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году / С. Б. Веселовский // Вопросы истории. – 1946. – № 1. – С. 86-104.
7. Дубровский, С. М. Против идеализации деятельности Ивана IV / С. М. Дубровский // Вопросы истории. – 1956. – № 8. – С. 124-129.
8. Курмачева, М. Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного / М. Д. Курмачева // Вопросы истории. – 1956. – № 9. – С. 195-203.
9. Кафенгауз, Б. Б. Вопросы историографии эпохи Петра Великого / Б. Б. Кафенгауз // Исторический журнал. – 1944. – № 9. – С. 24-42.

10. Кафенгауз, Б. Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки / Б. Б. Кафенгауз // Петр Великий. – М. – Л., 1947. – С. 334-389.

Тема 5. История России в трудах крупнейших отечественных историков второй половины XX века

1. История древней и раннесредневековой Руси в научном творчестве Б. А. Рыбакова, И. Я. Фроянова, А. А. Зимина, М. Н. Тихомирова.

2. Изучение истории Российской империи XVIII в. в трудах Н. Павленко, В. И. Буганова, Е. Анисимова.

3. Основные проблемы истории России XIX – нач. XX вв. в исследованиях Н. М. Дружинина, Л. Г. Захаровой, Б. Г. Литвака, А. Я. Авреха, М. В. Нечкиной, И. И. Минца, П. О. Волобуева.

4. История советского общества в отечественной и зарубежной исторической науке: Н. Верт, Д. Боффа, А. Рабинович, Э. Карр и др.

Список источников и литературы

1. Труды поименованных авторов.

2. Данилова, Л. В. К итогам изучения основных проблем раннего и среднего феодализма в России / Л. В. Данилова // Советская историческая наука от XX к XXI съезду КПСС / Л. В. Данилова. – М., 1962.

3. Данилова, Л. В. Изучение истории средневековой России / Л. В. Данилова // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5. – М., 1985.

4. Мавродин, В. В. Советская историография Древнерусского государства / В. В. Мавродин // Вопросы истории. – 1967. – № 12.

5. Новосельцев, А. П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель / А. П. Новосельцев // Вопросы истории.

1991. – № 2.; Новосельцев, А. П. «Мир истории» или миф истории? / А. П. Новосельцев // Вопросы истории. – 1993. – № 1.

6. Заболотный, Е. Б. Историческая наука в преддверии третьего тысячелетия / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин. – Тюмень, 1999.

7. Свердлов, М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII – XX вв. / М. Б. Свердлов. – СПб., 1996.

8. Сидорова, Л. А. Оттепель в исторической науке / Л. А. Сидорова. – М., 1997.

9. Советская историография Киевской Руси. – Л., 1978.

10. Рыбаков, Б. А. История и перестройка / Б. А. Рыбаков. – М., 1989.

11. Удальцова, З. В. Проблема генезиса феодализма в новейших работах советских ученых / З. В. Удальцова // Вопросы истории. – 1965. – № 11.

12. Историческая наука России в XX веке. – М., 1997.

13. Историки России о времени и о себе. Вып. 1. – М., 1997.; Вып. 2. – М., 1998.; Вып. 6. – М., 1999. и др.

14. Кобрин, В. Б. Александр Александрович Зимин / В. Б. Кобрин // История исторической науки в XX веке. – М., 1997.

15. Кобрин, В. Б. Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек / В. Б. Кобрин // Исторические записки. – 1980. – Т. 105.

16. Шишкин, И. Г. Актуальные проблемы зарождения древнерусской государственности в научном творчестве И. Я. Фроянова / И. Г. Шишкин // Вестник Тюм. Университета. История. Вып. 1. – Тюмень, 1996. Шишкин И. Г. Некоторые проблемы образования Древнерусского государства в отечественной историографии советского периода // Тюменский исторический сборник. Вып. 2. – Тюмень, 1988.

17. Шишкин, И. Г. Некоторые тенденции в исследовании проблем образования Древнерусского государства в отечественной исто-

риографии 1980-1990-х годов / И. Г. Шишкин // Рубеж веков: проблемы методологии и историографии исторических исследований. – Тюмень, 1999.

18. Сб. науч. статей к 60-летию И. Я. Фроянова // Средневековая и новая Россия. – СПб., 1996.

19. Фроянов, И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии / И. Я. Фроянов. – Л., 1990.

Тема 6. Некоторые проблемы истории советского общества в отечественной историографии 2-й половины 1980-1990-х гг.

Занятие 1

1. Дискуссия о периодизации истории советского общества.
2. Проблема альтернативности в исторической литературе 80-90-х гг.
3. Новые подходы к изучению отечественной истории 1917-1990-х гг.

Занятие 2

1. Октябрьская революция и гражданская война в оценках историков и публицистов.
2. Историография Великой Отечественной войны. Дискуссионные вопросы.

Список источников и литературы

1. Бовыкин, В. И. Проблемы перестройки в исторической науке и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции / В. И. Бовыкин // История СССР. – 1988. – № 5. – С. 67-100.

2. Бутенко, А. Как подойти к научному пониманию истории советского общества / А. Бутенко // Наука и жизнь. – 1988. – № 4. – С. 46-53.

3. Волобуев, Л. В. Очищение: история и перестройка / Л. В. Волобуев, С. В. Кулешов. – М. : Новости, 1989.

4. Волобуев, Л. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность / Л. В. Волобуев. – М. : Политиздат, 1989.

5. Гордон, Л. А. Тридцатые – сороковые / Л. А. Гордон, Э. Клопов // Знание – сила. – 1988. – № 2. – С. 28-34, 56; № 3. – С. 1-7; № 4. – С. 22-31.

6. Гордон, Л. А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы / Л. А. Гордон, Э. Клопов. – М. : Политиздат, 1989.

7. XX век: альтернативы развития // Рабочий класс и современный мир. – 1989. – С. 60-72; С. 77-97.

8. Дискуссия о периодизации истории советского общества // История СССР. – 1988. – № 3. – С. 127-142.

9. Изучение истории Великого Октября. Итоги и перспективы. // Вопросы истории. – 1987. – № 6. – С. 51-72.

10. Историки спорят: тринадцать бесед. – М. : Политиздат., 1988.

11. Историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. – 1988. – № 3. – С. 3-57.

12. Ким, М. П. О периодизации истории советского общества / М. П. Ким // Вопросы истории. – 1988. – № 6. – С. 115-131.

13. Клямкин, И. Была ли альтернатива Административной системы? / И. Клямкин // Политическое обозрение. – 1988. – № 6. – С. 55-65.

14. Колганов, А. И. Путь к социализму: трагедия и подвиг / А. И. Колганов. – М. : Экономика, 1990.

15. Коэн, С. Нэповская альтернатива / С. Коэн // Наука и жизнь. – 1988. – № 10. – С. 60-62.
16. Лацис, О. Переломы / О. Лацис // Знания. – 1988. – № 6. – С. 124-178.
17. Левада, Ю. Размышления вслух об альтернативности нашей истории и нашего сознания, навеянные статьями современных авторов и одной старой притчей / Ю. Левада // Знание-сила. – 1989. – № 2. – С. 11-17.
18. Медведев, Р. А. О Сталине и сталинизме / Р. А. Медведев. – М. : Прогресс, 1990.
19. Могильницкий, Б. Г. Историческая альтернативность: методологический аспект / Б. Г. Могильницкий // Новая и новейшая история. – 1990. – № 3. – С. 3-19.
20. Поляков, Ю. А. Исторический процесс многомерен: О концепциях истории СССР советского периода / Ю. А. Поляков // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 9. – С. 19-34.
21. Россия 1917 год: выбор исторического пути. «Круглый стол» историков Октября. 22-23 окт. 1988 г. – М. : Наука, 1989.
22. Севостьянов, Г. Н. Историческая наука и перестройка / Г. Н. Севостьянов // Политическое образование. – 1989. – № 4. – С. 54-57.
23. Советский Союз в 20-е гг. // Вопросы истории. – 1988. – № 9. – С. 3-59.
24. Советский Союз в 30-е гг. // Вопросы истории. – 1988. – № 12. – С. 3-31.
25. Социализм: 30-е годы: «Круглый стол» // Вопросы истории. – 1988. – № 2. – С. 153-158.
26. Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. – М. : Высшая школа, 1989. – Кн. 1. ; Кн. 2. – 1989.
27. Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. – М. : Политиздат, 1989.

28. 30-е годы: взгляд из сегодня. – М. : Наука, 1990.
29. Урок дает история. – М. : Политиздат, 1989.
30. Гусев, В. И. К вопросу о начале Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде / В. И. Гусев // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 4.
31. Об истоках Великой Отечественной революции // Преподавание истории в школе. – 1990. – № 3.
32. Путь к октябрю // Вопросы истории. – 1989. – № 10.
33. Нужно ли было идти от февраля к октябрю? // Диалог. – 1990. – № 2.
34. Дискуссионная трибуна по Великой Октябрьской революции // Социально-политические науки. – 1991. – № 9.
35. Шеменин, А. Л. 1917 г.: меньшевистская альтернатива / А. Л. Шеменин // Полис. – 1993. – № 1.
36. Рамитов, Ф. А. Еще раз о меньшевистской альтернативе 1917 года / Ф. А. Рамитов // Полис. – 1995. – № 3.
37. Историческая развилка весны 1918 г. // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 8.
38. Поляков, Ю. А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация / Ю. А. Поляков // Отечественная история. – 1992. – № 6.
39. Бровкин, В. Н. Россия в гражданской войне власть и общество силы / В. Н. Бровкин // Вопросы истории. – 1994. – № 5.
40. Поляков, Ю. А. Гражданская война в России (поиски нового видения) / Ю. А. Поляков // История СССР. – 1990. – № 2.
41. Сталин в Гражданской войне // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 11.
42. Первая конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. – 1994. – № 12.

43. Поляков, Ю. А. Гражданская война в России: последствия внутренние и внешние / Ю. А. Поляков // Новая и новейшая история. – 1992. – № 4.

44. Гражданская война в России (круглый стол) // Отечественная история. – 1993. – № 3.

45. Спирин, Л. М. Сталин и война / Л. М. Спирин // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 5.

46. Истоки и причины Второй Мировой войны // Вопросы истории. – 1989. – № 6.

47. Все о войне // Родина. – 1991. – № 6-7.

48. Безыменский, Л. Собирался ли Сталин капитулировать в 1941 г.? / Л. Безыменский // Новое время. – 1992. – № 13.

49. Горев, М. А. Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г. / М. А. Горев // Новая и новейшая история. – 1994. – № 2.

50. Ундасынов, И. Н. Каков был характер Второй Мировой войны / И. Н. Ундасынов // Полис. – 1995. – № 3.

51. Данилов, В. Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность / В. Д. Данилов // Отечественная история. – 1995. – № 3.

52. Суворов, В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну; День «М» Когда началась Вторая мировая война / В. Суворов. – М., 1994.

Тема 7. Отечественная историческая наука на рубеже XX – XXI веков: основные тенденции и направления развития

1. Общество и историческое познание в России во второй половине 1980-х – 1990-е гг.

2. Характеристика историографических исследований 1980-1990-х гг.:

а) переосмысление задач, принципов и методов работы историографов;

б) осмысление основных периодов отечественной истории в исторической литературе;

в) проблемные историографические исследования последнего десятилетия XX в.

3. Методологические и концептуальные поиски в современной исторической науке:

а) историки о природе и предпосылках методологического кризиса исторической науки;

б) проблемы теории и методологии исторической науки в историографии второй пол. 1980-х – нач. 1990-х гг.;

в) методологические и концептуальные поиски в конце XX – нач. XXI вв.

Список источников и литературы

1. Алексеева, Г. Д. Историческая наука России в поисках новых концепций / Г. Д. Алексеева // Россия в XX в. Историки мира спорят. – М., 1994.

2. Афанасьев, Ю. Н. Феномен советской историографии / Ю. Н. Афанасьев // Отечественная история. – 1996. – № 5.

3. Бордюгов, Г. Л. История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества / Г. Л. Бордюгов, В. А. Козлов. – М., 1992.

4. Буганов, В. И. Размышления о современной исторической науке / В. И. Буганов // Новая и новейшая история. – 1996. – № 1.

5. Ватлин, А. Ю. Перестройка исторической науки в СССР: взгляд из-за рубежа / А. Ю. Ватлин // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 10.

6. Волобуев, О. Очищение. История и перестройка. Публицистические заметки / О. Волобуев, С. Кулешов. – М., 1989.

7. Гефтер, М. Я. Из тех и этих лет / М. Я. Гефтер. – М., 1991.
8. Гуревич, А. Я. О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич // Вопросы истории. – 1991. – № 2-3.
9. Данилов, В. П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса? / В. П. Данилов // Новая и новейшая история. – 1993. – № 6.
10. Диалог со временем. Историки в меняющемся мире. – М., 1996.
11. Заболотный, Е. Б. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин. – Тюмень, 1999.
12. Искандеров, А. А. Историческая наука на пороге XXI в. / А. А. Искандеров // Вопросы истории. – 1996. – № 4.
13. Историки России о времени и о себе. – М., 1996.
14. Историческая наука России в XX в. – М., 1997.
15. Исторические исследования в России: тенденции последних лет. – М., 1996.
16. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследованиями / И. Д. Ковальченко. – 1997.
17. Ковальченко, Я. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах / Я. Д. Ковальченко // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1.
18. Козлов, В. А. «Кризис жанра» или канун методологической революции / В. А. Козлов // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 6.
19. Корнев, В. В. Кризис исторической науки в России / В. В. Корнев // Кентавр. – 1994. – № 4.
20. Крайности истории и крайности историков. – М., 1997.
21. Кризисные явления в советской исторической науке. Дискуссия историков, философов, правоведов // Общественные науки и современность. – 1989. – № 3.

22. Логунов, А. П. Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80-х – начала 90-х гг. / А. П. Логунов // Советская историография. – М., 1996.

23. Медушевская, О. М. Методология истории / О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М., 1997.

24. Поляков, Ю. А. Историческая наука: пять непростых лет / Ю. А. Поляков // Кентавр. – 1992. Сентябрь-октябрь.

25. Поляков, Ю. А. Наше непредсказуемое прошлое / Ю. А. Поляков. – М., 1995.

26. Прядеин, В. С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследования историографический анализ / В. С. Прядеин. – Екатеринбург, 1995.

27. Россия в XX в. Судьба исторической науки. – М., 1996.

28. Сахаров, А. Н. Отечественная историография. Западные оценки и наша реальность / А. Н. Сахаров // Россия в XX в. Историки мира спорят. – М., 1994.

29. Советская историография. – М., 1996.

Тема 8. Отечественная историография XX века о проблемах исторического развития Южного Урала и Оренбуржья в 1917-1985 гг.

1. Советская историография об этапах политического и социально-экономического развития Южного Урала в довоенный период (1917-1937 гг.).

2. Историки советского периода о вкладе южноуральского региона в дело Великой победы.

3. Вехи исторического развития Южного Урала в послевоенные десятилетия в освещении советских историков и публицистов.

4. Современная отечественная историография о развитии Южного Урала и Оренбуржья в предвоенные десятилетия и в годы Великой Отечественной войны (1917-1945 гг.).

5. Изучение истории Южного Урала послевоенного периода в новейшее время (конец XX – начало XXI века).

ПРИМЕРНЫЕ ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ

1. Феномен Советской историографии.
2. В. И. Ленин и становление теоретико-методологической основы советской исторической науки.

3. Становление советской исторической науки в 1-й половине 20-х годов.
4. Дискуссии в советской историографии и формирование господствующей научно-исторической методологии.
5. Исторические взгляды Н. А. Рожкова как разновидность «Мелкобуржуазной» историографии.
6. Научно-исторические взгляды М. Н. Покровского и критика их марксистской школой.
7. Советская историческая наука на рубеже 20-30-х гг. XX в.
8. Архивоведческая культура тоталитарных режимов и «Дело Платонова».
9. Немарксистское направление в советской исторической науке.
10. Краткий курс истории ВКП(б).
11. Проблема образования Древнерусского государства в советской исторической науке 20-30-х гг. XX в.
12. Развитие концепции феодализма на Руси историками-марксистами в 1920-1950-е гг.
13. Изучение проблемы образования русского централизованного государства в 20-50-е гг. XX в.
14. Концепция «торгового капитала» и характеристика отдельных периодов русской истории в концепции М. Н. Покровского.
15. Изучение истории освободительного движения историками конца 20-30-х гг. XX в.
16. Разработка проблем развития Советского общества в марксистской историографии 1930-х годов.
17. Перестройка советской исторической науки в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
18. Разработка советской историографией проблем Российской истории в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
19. Военно-патриотическая работа советских историков в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
20. Особенности и условия развития Советской историографии в послевоенный период (1945-1985 гг.).
21. Совершенствование структуры исторических учреждений и разработка общей концепции истории СССР в 1946-1956 гг.

22. Концепция генезиса феодализма и феодальных отношений в работах Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова.

23. Проблема образования и развития Русского централизованного государства в советской историографии второй половины 40 – середины 50-х гг. XX века. Взгляды П. П. Смирнова, В. В. Мавродина, Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова и др.

24. Дискуссии в историографии конца 1940-х – начала 1950-х гг. о генезисе капитализма и социально-экономическом развитии страны в XIX веке.

25. Изучение революционного движения и общественной мысли в России XIX века историками 1940-1950-х гг. Оценка М. В. Нечкиной движения декабристов.

26. Проблемы внешней политики России XIX – начала XX вв. в историографии второй половины 40-50-х гг. XX в.

27. Изучение истории Советского общества в послевоенный период.

28. Советская историография Великой Отечественной войны (вторая половина 40-х – начало 80-х гг. XX века).

29. «Новое направление» в советской историографии 50-70-х гг. XX в.

30. Изучение истории дореволюционного периода в советской исторической науке в середине 50-х – 60-е гг. XX века. Проблемы феодализма, опричнины Ивана Грозного, социально-экономического и общественно-политического развития России.

31. Работы историков 1950 – 1960-х гг. по отечественной истории советского периода.

32. Разработка проблем дореволюционной отечественной истории в конце 60-х – середине 80-х гг. XX в.

33. Изучение отечественной истории советского периода в конце 1960 – середине 1980-х гг.

34. Тема сталинизма в отечественной историографии конца 80 – начала 90-х гг. XX в.

35. Эпоха «оттепели» в отечественной историографии середины 1980 – начала 1990-х гг.

36. Кризис советской исторической науки на рубеже 80-90-х гг. XX в.

37. Изменение теоретических основ отечественной исторической науки в середине 80 – начале 90-х гг. XX в.

38. Основные проблемы дореволюционной отечественной истории в исследованиях середины 80 – начала 90-х гг. XX в.

39. Советский период в работах исследователей середины 80 – начала 90-х гг. XX в.

40. Изучение проблемы монополистического капитализма в советской исторической науке 50 – 60-х гг. XX в.

41. Проблема внешней политики России XIX – начала XX вв. в отечественной историографии второй половины 40-60-х гг. XX в.

42. Октябрьская революция и гражданская война в оценках историков и публицистов 2-й половины 80-90-х гг. XX в.

43. Историография Великой Отечественной войны на рубеже 1980 -1990-х гг. Дискуссионные вопросы.

44. Советская историография об этапах политического и социально-экономического развития Южного Урала в довоенный период (1917-1937 гг.).

45. Историки советского периода о вкладе южноуральского региона в дело Великой победы.

46. Вехи исторического развития Южного Урала в послевоенные десятилетия в освещении советских историков и публицистов.

47. Современная отечественная историография о развитии Южного Урала и Оренбуржья в предвоенные десятилетия и в годы Великой Отечественной войны (1917-1945 гг.).

48. Изучение истории Южного Урала послевоенного периода в новейшее время (конец XX – начало XXI века).

Учебное издание

Игорь Анатольевич Шебалин

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ (1917 – начало 1990-х гг.)**

Учебное пособие

**Ведущий редактор
Е. В. Кондаева**

**Старший корректор
М. А. Сухарева**

**Ведущий инженер
Г. А. Чумак**

Подписано в печать 11.05.2010 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 10,9.
Тираж 100 экз. Заказ 114/419.

**Издательство Орского гуманитарно-технологического института
(филиала) Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»**

**462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15 А
Тел. 23-56-54.**